

ЖУРНАЛ
ФРОНТИРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

---

3 | 2021

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

Том 6 No 3

<https://doi.org/10.46539/jfs.v6i3>

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Academic E-Journal

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

Vol 6 No 3

<https://doi.org/10.46539/jfs.v6i3>

Сетевое издание Журнал фронтальных исследований (Journal of Frontier Studies) является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2016 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Сетевое издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);

07.00.03 – Всеобщая история (исторические науки);

24.00.01 – Теория и история культуры (исторические науки) (философские науки) (культурология);

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки);

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки).

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Рабочими языками сетевого издания являются русский и английский

Сетевое издание посвящено актуальным вопросам в сфере исследований фронтальной теории, пограничья и приграничья, проблем межкультурной коммуникации в контактных зонах, а также вопросам функционирования фронтальных тропов в современной массовой культуре.

Цель проекта: Создание виртуальной площадки для обмена мнениями и дискуссий в области фронтальной теории.

Исходя из цели, мы стремимся к тому, чтобы наше сетевое издание выполняло важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые позволят не только аккумулировать новые достижения в этой области, но и послужат основой для новых открытий и озарений.

Сетевое издание выступает с позиций принципов диалога культур и устранение условий для конфликта цивилизаций. Оно придерживается принципов философии ненасилия, культурной и религиозной толерантности. Редакция преследует цель устранения языковых барьеров и уважительного отношения к

границам национальной культуры каждого народа, проживающего на маленькой планете Земля.

Основные отрасли наук, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании, это:

07.00.00 – Исторические науки;

24.00.00 – Теория и история культуры.

09.00.00 – Философские науки;

10.01.00 – Литературоведение.

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам фронта, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук, так как такой подход, по нашему мнению, может оказаться наиболее действенным и позволяющим взглянуть на известные проблемы под новым углом.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят тщательный отбор и отправляются на двойное слепое рецензирование. Поэтому любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами. Мы не публикуем работы, в которых высказывается неуважительное отношение к другим народам или имеются некорректные формулировки.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61 330 от 07 апреля 2015 г.
- ISSN: 2500-0225
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Николаевич Якушенков, д.ист.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Астрахань, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Растям Туктарович Алиев, к.ист.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Астрахань, Россия

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Максим Валерьевич Кирчанов, д.ист.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Элина Алиевна Саракаева, к.филол.н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу, Китай

Наталья Сергеевна Канатьева, к.биол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Эмилия Анваровна Тайсина, д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО "Казанский государственный энергетический университет", Россия

Isabeau Vollhardt, B.A. Philosophy/English University of Washington, USA

Елена Васильевна Морозова, д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Россия

Мария Михайловна Федорова, д.полит.н., Институт философии РАН, Россия

Андрей Вальтерович Гринев, д.ист.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого (СПбПУ), Россия

Анна Петровна Романова, д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Максим Валерьевич Кирчанов, д.ист.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Россия

Сергей Вадимович Виноградов, д.ист.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Елена Евгеньевна Завьялова, д.филол.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Марина Ченгаровна Ларионова, д.филол.н., ФГБУН "Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук" (ЮНЦ РАН), Южный федеральный университет (ЮФУ), Россия

Надежда Евгеньевна Тропкина, д.филол.н., ФГБОУ ВО Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия

Людмила Васильевна Бурькина, к.ист.н., ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Россия

Сергей Александрович Троицкий, к.филос.н., РГПУ им. А.И. Герцена, Центр изучения зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института РАН - Филиала ФНИСЦ РАН, РАН, Россия

Michael Khodarkovsky, Ph.D. in History, professor of Loyola University Chicago, USA

Matthew P. Romaniello, Ph.D. in History, professor of Weber State University, USA

Robert P. Geraci, Ph.D. in History, professor of University of Virginia, USA

Willard Sunderland, Ph.D. in History, professor of University of Cincinnati, USA

Nathan Hopson, Ph.D. in History, professor of Nagoya University, Japan

Piotr Gorecki, Ph.D. in History, professor of University of California, Riverside, USA

Andrei Znamenski, Ph.D. in History, professor of The University of Memphis, USA

Dittmar Schorkowitz, Ph.D. in History, professor, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany

БЁРСТКА

Юрий Дмитриевич Гончаренко, Журнал Фронтирных Исследований, Россия

КОНТАКТЫ:

Учредитель / Издатель: Общество с ограниченной
ответственностью научно-производственное предприятие
«Генезис.Фронтир.Наука»

Адрес редакции: 414 050, Астраханская область, г. Астрахань, ул.
Геологов, д. 85, кв.2

Главный редактор:
Сергей Николаевич Якушенков
Email: editorialboard.jsf@gmail.com

Дирекция журнала:
Растям Туктарович Алиев
Email: rastaliev@gmail.com

Мнение редколлегии журнала может не совпадать с мнением авторов

Содержание

РОССИЙСКИЙ ФРОНТИР

- Ляпин Д. А., Мизис Ю. А.**
Поведенческие модели населения крепостей Юга России в XVII в.
(по материалам Воронежского, Козловского и Тамбовского уездов) 10
- Лиджиева И. В., Бадмаева Е. Н.**
Количественный учет инородческого
населения Юга России во второй половине XIX в. 29
- Команджаев А. Н., Команджаев Е. А.**
Некоторые черты ментального облика российских калмыков в
конце XIX века (по свидетельству чиновников администрации) 48
- Урушадзе А. Т.**
Армянская апостольская церковь в политике
Российской империи: поиск административного оптимума 63
- Шайдуров В. Н.**
Цыгане Белорусских губерний
и землеустроительная политика на рубеже 1830–1840-х гг. 94
- Колпакова Ю. В., Колпаков М. Ю.**
Быт иностранного путешественника в России,
согласно словарю-разговорнику Иоганна Арнольда Бранда, 1673 год 113

ФРОНТИР В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

- Новосёлова Е. В.**
Немецкие путешественники в Перу второй половины XIX — начала XX в.:
освоение и конструирование пространства 138
- Якушенков С. Н.**
Мы наш и новый мир накормим:
несколько кейсов алиментарных традиций фронтальных регионов. Часть 2 161
- Мещеряков А. Ю.**
Досуг на Китайской-Восточной Железной Дороге:
яхт-клуб и ипподром как «Другие пространства» Харбина 185

ОПРЕДЕЛЯЯ СЕБЯ И ДРУГОГО

- Алиев Р. Т., Якушенкова О. С.**
Алиментарные модели этнического Чужого в (пост)ковидный период 213

Table of Content

RUSSIAN FRONTIER

Denis A. Lyapin & Yuri A. Mizis Behavioral Models of Population Inhabiting the Fortresses in the South of Russia in the 17th century (as Documented in Voronezhsky, Kozlovsky and Tambovsky counties)	10
Irina V. Lidzieva & Ekaterina N. Badmaeva Quantitative Account of the Non-Slavic Population of the South of Russia in the Second Half of the 19th century	29
Alexander N. Komandzhaev & Evgeny A. Komandzhaev Some Characteristics of the Mentality of the Russian Kalmyks at the end of the 19th Century (According to the Testimony of Government Officials)	48
Amiran T. Urushadze The Armenian Apostolic Church in the Politics of the Russian Empire: the Search for an Administrative Optimum	63
Vladimir N. Shaidurov Gypsies of the Belarusian Provinces and Land Management Policy at the turn of the 1830s-1840s	94
Yulia V. Kolpakova & Maksim Y. Kolpakov The Life of a Foreign Traveler in Russia According to Johann Arnold Brand's Dictionary-Phrasebook, 1673	113

FRONTIER IN THE WORLD CONTEXT

Elena V. Novoselova German Travelers in Peru of the Second Half of 19th and Early 20th Centuries: Development and Environment Construction	138
Serguey N. Yakushenkov We Will Feed Our and a New World: Several Cases of Food Ways of Frontier Regions. Part 2	161
Alexander Yu. Meshcheryakov Leisure on the Chinese Eastern Railway: Yacht Club and Racecourse as "Other Spaces" of Harbin	185

IDENTIFYING SELF AND THE OTHER

Rastyam T. Aliev & Olesya S. Yakushenkova Alimentary Models of the Ethnic Other in the (Post-)Covid Period	213

BEHAVIORAL MODELS OF POPULATION INHABITING THE FORTRESSES IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE 17th CENTURY (AS DOCUMENTED IN VORONEZHISKY, KOZLOVSKY AND TAMBOVSKY COUNTIES)

Denis A. Lyapin (a), Yuri A. Mizis (b)

(a) Bunin Yelets State University. Yelets, Russia. Email: [lyapin-denis\[at\]yandex.ru](mailto:lyapin-denis[at]yandex.ru)

(b) Derzhavin Tambov State University | Bunin Yelets State University. Yelets, Russia.
Email: [ymizis49\[at\]yandex.ru](mailto:ymizis49[at]yandex.ru)

Abstract

The article discusses the process of formation of the main behavioral patterns of the population of the southern counties during the period of the settlement in and development of the South of Russia in the 17th century. The authors analyze the behavior of migrants to the steppe periphery of the country, on the basis of large archival source. An important place in the development of steppe territories was occupied by fortresses, which were military, political and religious centers for the counties. The strong influence of collectivist principles is noted in the article. Particular attention is paid to studying the dynamics of changes in the social environment in the South of Russia, the formation of property stratification, the emergence of individualism. It is argued in the paper that social changes were associated with shifts in the behavioral models of the inhabitants of the fortresses: if at the early stage of its existence the population of the towns consisted of a single mass of the servicemen, then the second half of the 17th century is characterized by a gradual destruction of social cohesion. The behavioral models of servants and townspeople were determined by the desire for personal gain, material wealth, and individual benefits. This was due to the increase in the number and importance of townspeople, whose lives were a constant competition. Discovered shifts of behavioral patterns are indicative of important changes in society.

Keywords

---

frontier; fortress; governors; service people; townspeople; behavioral models; everyday life; colonization; South of Russia; Belgorod table; community; Central Black Earth Region

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ НАСЕЛЕНИЯ КРЕПОСТЕЙ ЮГА РОССИИ В XVII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОРОНЕЖСКОГО, КОЗЛОВСКОГО И ТАМБОВСКОГО УЕЗДОВ)

Ляпин Денис Александрович (а), Мизис Юрий Александрович (б)

(а) Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. Елец, Россия.
Email: [lyapin-denis\[at\]yandex.ru](mailto:lyapin-denis[at]yandex.ru)

(б) Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина | Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. Елец, Россия. Email: [ymizis49\[at\]yandex.ru](mailto:ymizis49[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматривается процесс формирования основных поведенческих моделей населения в период активного заселения и освоения Юга России во второй половине XVII в. На большом архивном материале авторы анализируют поведение переселенцев на степной окраине страны. Важное место в процессе освоения степных территорий занимал город-крепость, являвшийся военным, политическим и духовным центром уезда. Отмечается сильное влияние коллективистских начал в служилой среде, связанных с необходимостью общественных работ по сооружению укреплений крепости, строительства полевых укреплений, отражением набегов кочевников. Особое внимание в статье уделяется исследованию динамики изменений социальной среды на юге России, а также формированию имущественного расслоения, зарождению индивидуалистических настроений, которые приводили к внутренним конфликтам и противоречиям. В статье показано, что социальные изменения были связаны с переменами в поведенческих моделях жителей крепости: если на раннем этапе своего существования население крепости состояло из единой массы служилого населения, то вторая половина XVII в. характеризуется постепенным разрушением социального единства. Поведенческие модели служилых и посадских людей под воздействием новых реалий определялись стремлением к личной выгоде, материальному достатку, индивидуальным благам. Отчасти это было связано с увеличением численности населения и ростом конкуренции внутри местного общества. Изменение поведенческих моделей жителей крепости наглядно демонстрирует нам важные перемены, которые происходили в социальной истории Юга России на протяжении всего XVII века.

Ключевые слова

фронт; крепость; воеводы; служилые люди; посадские люди; поведенческие модели; повседневная жизнь; колонизация; Юг России; Белгородский стол; община; Центральное Черноземье

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Изучение поведения различных категорий населения в контексте развития пограничной (фронтирной) территории является особенно актуальным, так как позволяет увидеть изменения, происходящие в социальной истории конкретного региона (Репина, 2009, с. 23). Основные поведенческие модели человека отражают присущие ему ценностные ориентиры, мировоззрение и мировосприятие, а анализ изменений в системе этих категорий может дать важный материал для понимания общих тенденций развития государства.

Цель нашей статьи – показать изменения поведенческих моделей населения Юга России в XVII в. в контексте социальных процессов, происходивших во фронтирной зоне. Под понятием «Юг России» мы подразумеваем обширный регион, находящийся сегодня на большей части территории Центрального Черноземья, являвшийся в то время южной окраиной европейской части страны.

Исследованию форм поведения населения, применительно к истории России периода раннего Нового времени, посвящено несколько работ. Мы можем отметить книгу Н.Ш. Коллманн о практике защиты чести служилых людей в «Московии» (Коллманн, 2001; Коллманн, 2016).

Большой интерес представляет книга В. Кивельсон об особенностях поведения русской провинциальной аристократии во второй половине XVII в. Автору удалось показать общность интересов элиты уездных служилых корпораций и правящей группы, сплотившейся вокруг царя Алексея Михайловича (Kivelson, 1996).

Особенности менталитета русского человека в Сибири рассмотрели Д.Я. Резун и М.В. Шиловский (Резун, Шиловский, 2005). Они обратили внимание на такие качества первооткрывателей новых земель России в XVI – XVII в. как сильное развитие индивидуалистических наклонностей, что роднит их с американским фронтиром, свободолюбие, предприимчивость и в то же время «артельность».

НАСЕЛЕНИЕ КРЕПОСТЕЙ ЮГА РОССИИ: АНАЛИЗ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ

Как видим, историки обращались в основном к изучению действий русской элиты или поступков мятежников. В центре нашего внимания будут находиться жители фронтирной территории в их обыденной жизни. Территория южнорусского фронта постоянно расширялась с XVI в. Новые крепости, появившиеся в этот период

на южной границе, после строительства Белгородской черты превратились во второй эшелон фронтирных территорий (Жиров, 2019а; Жиров 2019б; Камараули, 2018; Мизис & Папков, 2016; Ляпин, 2014). В этих крепостях преобладали служилые люди разных категорий, которые на протяжении первой половины XVII в. продолжали нести «вахтовую» службу, участвуя в отражении набегов кочевников.

К середине столетия появляются признаки того, что данная территория становится полноценной частью метрополии: это значительный рост посадского населения, развитие поместного и монастырского землевладения с владельческими крестьянами. Большинство жителей южных пограничных уездов в XVII в. являлись представителями различных категорий служилого населения: детьми боярскими, казаками, стрельцами, пушкарями, а с середины века – солдатами, рейтарами, драгунами. Посадские люди, дворцовые и владельческие крестьяне находились здесь в абсолютном меньшинстве и присутствовали далеко не во всех южных уездах.

У части населения приграничных уездов повседневная жизнь протекала в городе-крепости, а у остальной массы – в сельских населенных пунктах. Первые были сильнее подвержены государственному контролю со стороны воевод, приказной избы и городских священников. Вторые – имели гораздо больше личной свободы, их контролировал только младший командный состав в лице десятников, пятидесятников, сотников и, в какой-то мере, местных священников, выступавших в роли духовных отцов своей паствы. Находясь в постоянном контакте со своими односельчанами, представители местной власти вынуждены были учитывать интересы своего местного «мира».

Первопоселенцами на новые южные земли стали «сведенцы» из лежащих дальше к северу городов, которые в XVI в. сами были пограничными: Шацка, Рязска, Лебедяни, Ельца и др. Однако добровольных переселенцев насчитывалось немного, а основная масса служилых людей набиралась из числа беглых владельческих крестьян и посадских людей. Среди них встречались и бывшие служилые люди разных городов, попавшие в тягло в годы Смутного времени. Об этом говорят многочисленные дела по возврату беглых в 30-50-е годы XVII в. (Мизис, 2015, сс. 37-46).

Особенностью крепостей, расположенных на южнорусской «черте», то есть в зоне фронта, являлось привлечение сюда на службу воинского контингента из соседних северных уездов. Как правило, служилые люди приезжали сюда на срок от 2 до 4 недель с «переменою», т.е. по очереди. Главным аргументом властей в этих решениях служило мнение, что новые военные поселения защищают

старые от прихода кочевников и требуют постоянной поддержки. С учетом недостатка опытных воинов в крепостях по черте правитель-ство использовало уже сложившиеся кадры старых поселений. Так, служилые люди – стрельцы и казаки г. Михайлова – должны были в 1645 г. выставить в Тамбов с 1 мая по 1 ноября каждые шесть недель с «переменою» по 100 человек (РГАДА. Ф. 210. Д. 560, л. 126–128). Подобные посылки происходили из Шацка, Ряжска, Лебедяни. На одно из самых опасных направлений на Муравском шляхе в Яблонов в 1643 г. послали группу в 500 человек так называемых «московских стрельцов» с головою Л. Баландиным (РГАДА. Ф. 210. Д. 170, л. 189–190, 350, 556.). Их планировалось разместить здесь на «вечное житие», однако пришлые казаки тяготились этой пограничной службой, всячески стремились уклониться от нее.

Корпоративные отношения в новых городах-крепостях складыва-лись уже на стадии их строительства. Обратимся к документам о строительстве Ельца в 1592–1593 гг. Здесь мы видим, что возведение крепостных стен требовало больших организованных совместных усилий: деревья валили в лесу, в нескольких километрах от строитель-ного участка, возили на собственных лошадях или переносили на руках, обрабатывали бревна, вкапывали их в землю и прочее (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д, л. 163–163 об.). Такая же ситуация наблюдалась при возведении осенью 1635 г. Козлова и весной 1636 г. Тамбова (Заго-ровский, 1968, сс. 85–89, 233–239; Мизис, 1990, сс. 26–44). Только небольшая часть строителей новых «городов» осталась в них на посто-янную службу, основную часть гарнизона набирали из «вольных и охочих» людей. В дальнейшем эксплуатация городских укреплений требовала постоянного участия городского и уездного гарнизона в строительных работах. Коллективные усилия были нужны и в частных вопросах, когда речь шла о постройке собственных домов, их размещении и укреплении за стеной, огораживающей слободы, строи-тельстве церковных зданий.

Зачастую приезжие на временную или переведенные на посто-янную службу в новые города служилые люди не находили общего языка с уже сложившимся местным гарнизоном. К примеру, посланные в 1643 г. на службу в Яблонов 500 так называемых «московских стрельцов», которых реально набрали из разных замо-сковских городов, вступили в серьезный конфликт с местными служи-лыми людьми (РГАДА. Ф. 210. Д. 179, л. 334– 335; Д. 556. л. 28, 31, 35). По приезду на новое место службы они получили деньги на строи-тельство жилья и жалование. Но воевода Р.Ф. Боборыкин выяснил, что спустя несколько лет никаких дворов они так и не завели, жилья

не построили, семьи в Яблонов не перевели, а полученные деньги пропили и проиграли в кости (зернь) (Мизис, 2012, сс. 119).

Московские стрельцы выразили недовольство их посылкой в степь на опасную службу. Лишь настоятельная просьба местных сотников И. Короткого и Ф. Неудачина дать им возможность выявить наличие татарских дорог в степи – сакм на Кальмиусском шляхе, – заставила стрельцов подчиниться и выполнить воеводское задание. В результате 10 ноября 1644 г. отряд обнаружил 2 татарских стана и в непродолжительном бою разгромил противника. По возвращению обратно яблоновские казаки отметили непрофессионализм «московских стрельцов», неумение тихо и бесшумно ходить по степи, отсутствие навыков пешего боя, – и просили начальство больше их не использовать в таких походах. К 1644 г. в Яблонове осталось только 141 человек из отряда московских стрельцов, остальные сбежали со службы. Вместо них воевода набрал добровольцев. Эта история показала неэффективность метода пополнения гарнизонов южнорусских уездов путем насильственного переселения и ссылки. Свободный наем оставался самым перспективным способом формирования местных служилых людей.

На Юге России особенно ярко проявлялись патерналистские традиции верховной власти в реальной службе новобранцев «по прибору». Считая себя военными холопами русского царя, служилые люди в экстремальных ситуациях позволяли себе обращаться с просьбами о помощи на государево имя. Например, ряшанин С.И. Германов в своей челобитной на царское имя перечислял свои подвиги и материальные потери (РГАДА. Ф. 210. Д. 560, л. 184). Он в 1642 г. находился на государственной службе в Козлове и принял участие в походе на татар под руководством головы С. Ушакина. На р. Татарке во время боя с противником убил татарина, но потерял коня. В 1645 г. во время похода и боя с противником на р. Токае он снова сумел убить татарина, что дало повод попросить увеличить поместный оклад землею и деньгами, а также компенсировать потерю лошади. Подобных просьб только за битву на р. Токае было несколько (РГАДА. Ф. 210. Д. 560, л. 184). Такие формы обращений к царю за помощью при экстремальных ситуациях являлись обычной практикой.

Отличившихся в боях служилых людей, как правило, отмечали особо. Головы за победу получили по 5 руб. жалования и по «доброму сукну». За каждого убитого врага служилый человек получал 1 руб., а за двух – прибавку к окладу в 50 четвертей земли. За ранение в бою детям боярским полагалось 50 четвертей земли и 2–3 руб. 18 декабря

1637 г. по «государеву указу» отличившимся воеводам, служилые люди которых возьмут 60 – 70 «языков», полагалась награда в виде золотого размером в два «угорских» (венгерских), за меньшее количество – 1,5 «угорских»¹. Таким образом правительство пыталось стимулировать активные действия воевод по отражению татарских набегов.

Интересно отметить, что служилый человек на Юге России отличался большой набожностью, поскольку находился в постоянной опасности. Известно, что, оказываясь в плену, многие давали специальный обет Богу: если им удастся бежать, то они непременно внесут в церковь большой вклад в виде иконы или каких-то пожертвований. Возвращаясь в родные места, эти люди оказывались в трудном материальном положении, и, чтобы выполнить данный Богу обет, обращались с просьбой к царю. В ответ на такие челобитные Разрядный приказ, как правило, выделял деньги бывшему пленнику на реализацию его обещания. Эти указы поддерживали идею патерналистических отношений царя и народа, приводили к сакрализации царской власти, способной решить проблемы простых людей, поднимали самосознание рядовых служилых людей как верных холопов своего государя.

Общие трудности, возникавшие у жителей пограничных городов-крепостей, способствовали выработке эффективного способа организации пространства. Крепость являлась единым сообществом, состоящим из небольших служилых групп, имевших некоторую самостоятельность в решении своих внутренних дел. При этом воевода выступал арбитром в различных спорах, связанных не только с военной, но и с бытовой стороной жизни. Для жителей крепости были характерны такие поведенческие модели, как коллективизм, самоорганизация, самодисциплина, отсутствие четких границ между личной (частной) и общественной жизнью. Эти модели помогали выработать особенную интегративную деятельность, с помощью которой местное общество успешно осваивало новое природное пространство в условиях военных действий. Результатом этого процесса было вынужденное объединение людей для ведения хозяйственной деятельности и организации обороны своей территории (Ляпин, 2014; Ляпин, 2019, сс. 599–612).

Основные поведенческие модели служилых людей были связаны, прежде всего, с военной службой, в контексте которой функционировала структура их повседневной жизни. Здесь коллективные формы поведения играли важную роль, подтверждением чему может служить

1 На Руси в XVII в. существовала практика награждения особо отличившихся в сражениях специально отчеканенной монетой. В данном случае речь шла о награде размером с венгерскую монету, известную населению благодаря международной торговле. Впоследствии такая награда стала прообразом русской медали.

существовавшая система поручительств. Изучение поручительств поможет понять специфику поведения жителей крепости Юга России (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1-4; Глазьев, 1991).

Поручительства хорошо отражают особенности формальной социальной организации служилого населения на раннем этапе существования крепости. Как мы уже говорили, в каждой слободе проживала своя служилая сотня; поручителями выступали обычно члены того десятка, в который поступал новобранец, т.е. это были его соседи. Прием новобранца происходил в Съезжей избе крепости. Кроме желающего послужить государю сюда являлись его поручители, стрелецкий или казачий голова, а также послух (свидетель со стороны). Только в присутствии всех этих лиц составлялась поручная запись. Интересно, что писал ее текст не официальный служащий местной канцелярии, а кто-либо из местных жителей.

Социальное происхождение и какие-либо личные характеристики (храбрость, военные навыки) в поручных записях не указывались. Важен был сам факт поручительства представителей служилого сообщества за новобранца, но поступить в службу без поручительства было невозможно. В каждой поручной записи особо подчеркивалось, что поручители согласны служить с новым человеком «в ряд с пищалью» («в ряд» означает – на одних общих условиях) и жить с ним в одной слободе.

Наказание для поручителей, если служилый человек все же совершит преступление, четко не определялось, и обычно об этом говорилось в поручной записи пространно: «на нас поручителей пенять, а будет, так как государь укажет, а наши поручиковы головы во его голову место» или «а на нас на порутчиках пеня, а пени что государь укажет» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1, л. 1).

Поручные записи были необходимы при формировании формальных способов социальной организации служилого населения, коллективной ответственности. Все служилые люди крепости делились на группы: десятки, полусотни, сотни. Над каждой группой был свой командир (десятник, пятидесятник, сотник), отвечавший за своих подчиненных не только в момент военных действий, но и в мирное время. Во главе городских казаков и стрельцов стояли казачьи и стрелецкие головы. Пушкарки, затынчики и воротники, которых было немного, иногда напрямую подчинялись воеводе, но в иных случаях у них также были свои головы. Головы выступали достаточно самостоятельной административной силой, выбираемой на более длительное время, чем воеводы. Каждой группе населения отводились места проживания (слободы), районы для выпаса скота и участки

под пашню. В слободе находилось примерно сто дворов, при этом она делилась на две полусотни, включавшие в свой состав по десять дворов, т. е. слобода повторяла структуру войска.

Итак, с момента постройки новой крепости повседневная жизнь служилого человека проходила в рамках существующих способов социальной организации. Представители типичного традиционного общества, русские люди отождествляли себя с различными «горизонтальными группами» своей страны, начиная от семьи и соседей, равных им по социальному статусу, до «православных христиан», «всей земли», в самом широком смысле (Kivelson, 2002, pp. 470–471).

Говоря о том, что служилое сообщество крепости было включено в целую систему формальных и неформальных форм социальной организации, мы должны помнить, что подобные объединения возникают тогда, когда достижение индивидуальных целей невозможно самостоятельно, а поэтому осуществляется через выдвижение и достижение общих целей. Общинное начало, характерное для жителей крепости и уезда на раннем этапе существования, было вызвано практической необходимостью для первопоселенцев и не являлось неким братским союзом.

Именно это обстоятельство предопределило быстрое разрушение коллективного начала служилого сообщества во второй половине XVII в., хотя формальные структуры социальной организации, конечно, сохранились и менялись в зависимости от проводимых военных и социальных преобразований. Кроме того, в крепостях неуклонно росла численность населения, усложнялся социальный состав местного сообщества, изменялись интересы и направление деятельности простых людей. В итоге коллективные формы поведения уступали место индивидуальным, которые теперь определяли специфику организации обыденной жизни. Складывался принципиально новый образ взаимодействия человека с окружающим его социальным пространством. Рассмотрим несколько типичных примеров, иллюстрирующих новые реалии того времени.

Уже к середине XVII в. в крепостях Юга России появились группы ростовщиков, выдававшие деньги в долг. Они становились объектами ненависти значительного числа горожан и в период социальных волнений первыми подвергались насилию. Это наглядно проявилось во время народных волнений в Козлове летом 1648 г. Мятежники, изгнав своего воеводу Р.Ф. Боборыкина, начали громить и грабить лавки, дома ненавистных ростовщиков, избивать «лутчших» людей, срывать с них дорогую одежду, отбирать наличные деньги. Они требовали от всех жителей города проявить корпоративную солидарность

и присоединиться к бунту. В Челнавском остроге Козловского уезда восставшие избили стрелецкого голову Я. Шатилова, пятидесятников Т.Г. Ряшанина, И.И. Фирсова и священника Симиона. Именно эти люди в представлении восставших олицетворяли ненавистную власть. А стрельца-ростовщика Т. Чубулова за то, что «он мир выел», убили «всем миром» и труп сбросили в ров (Ляпин, 2018, сс. 106–111).

Переселение массы молодых инициативных людей на южные границы приводило к росту девиантного поведения. Сказывался и воздух определенной свободы, носившийся на границе, в отличие от старых уездов со сложившейся государственной и социальной структурой контроля. Отсутствие традиций и старших возрастов в городской и сельской общине служилых людей в какой-то мере способствовали снижению моральных норм и проявлению уголовных тенденций у отдельных переселенцев. На южную окраину отправляли лиц, совершивших различного рода преступления. В 1644 г. местный воевода Р.Ф. Боборыкин описал тюремных сидельцев в Яблонове (РГАДА. Ф. 210. Д. 198, л. 65–66). Здесь сидели местные служилые люди, обвиненные в убийстве своего товарища, другие – за оскорбление царя. В 1644 г. жители Коломны просили сослать на вечное «житие» посадского человека А. Бичевина «со товарищами» за различные прегрешения. Подобные явления были характерны для многих городов юга России, «опальные» люди привносили в местные сельские общины негативные традиции прежней жизни.

Так, в 1669 г. воронежец Лавр Яковлев подал жалобу на стрелецкого сына Ивана Бобасветова, обвинив его в том, что Иван, придя к нему на двор, «женишку безчестил всякою своею неподобною бранью и плат на голове у женишки ободрал и серьгу из уха выбил и за косы волочил». (РГАДА. Ф. 210. Д. 135, л. 2). При этом истец не указывает причину такого агрессивного поведения своего обидчика, а следствие не пытается ее понять. За ущерб, нанесенный жене, Яковлев просил рубль компенсации (сюда входили: бесчестье, порванный платок и серьги).

В июне 1667 г. в праздник Троицы во двор воронежского полкового казака Сергея Полухина пришел беломестный казак Панфил Крыластов (РГАДА. Ф. 210. Д. 105, л. 13). В своей челобитной Полухин, ничего не упоминая о конфликте, ссоре или иной причине случившего, писал: «и учел меня всякими неподобными словами бранити и женишку мою учел бить и серьги из ушей выбил, а затем взял женишку мою переволок чрез воротню и по улице за волосы волочил». (РГАДА. Ф. 210. Д. 105, л. 13). Истец требовал 2 руб. за серьги и еще денег, на усмотрение воеводы, за бесчестье жены.

8 сентября 1677 г. воронежский стрелец Яков Кучин подал жалобу на воронежского стрельца Агапа Кулигина, который еще год назад якобы избил его «при многих людях» и при этом «мать бранил матерно». (РГАДА. Ф. 210. Д. 479, л. 2–5). Кулигин называл все эти обвинения «поклепом» и рассказывал совсем иную историю: дескать, драка произошла между драгуном Костёнского острога Агапом Фетисовым и Яковым Кучиным, а он начал их разнимать, и тогда Яков грозил ему при людях: «я де у тебя бороду то выдрю!» (РГАДА. Ф. 210. Д. 479, л. 3). Подобные обещания были большим оскорблением для человека допетровской Руси, у которого борода, как известно, была в большом почете. Но, так или иначе, спорное дело кончилось ничем. И вновь мы видим, что причины драки следствие не заинтересовали.

В декабре 1677 г. воронежский стрелец Якун Кочин поссорился с драгуном Карпом Копытиным. Вместе они ночевали на дворе у попа Артемия в Костёнке (крепости к югу от Воронежа), когда вдруг поздно вечером Кочин «учел его Карпа бранить матерны всякую бранью при сторонних людях при воронежцах». Ссора была незначительной, но, ругаясь, Кочин поминал чертей, дьявола и не скупился на нецензурную брань. Тогда поп Артемий тут же «Якушку сослал с двора» ночевать на улице. Кочин был очень оскорблен этим. Считая Копытина виновником произошедшего, он дождался его на дороге и затеял драку, в ходе которой нанес обидчику ножевое ранение, оказавшееся смертельным. (ГАВО. Ф. И–182. Оп. 3. Д. 452, л. 1–3). Убийца раскаивался в совершенном преступлении, ссылаясь на свою излишнюю горячность.

В декабре 1648 г. в Яблонице рассматривалось дело о побоях, нанесенных сыну боярскому Ивану Стрельникову казаком Петром Капустинным (ОР РГБ. Ф. 204. Оп. 7. Д. 3, л. 1–7). На суде Стрельников рассказывал, как Капустин поругался на улице с его женой, отнял у нее 5 руб. и «вдарил». Интересно, что жаловался на казака и Арсений Стрельников, однофамилец или родственник пострадавшего. Он писал в своей челобитной, что Капустин избил на улице его престарелых родителей, и требовал с него платы за это явное бесчестье. Оба дела закончились всеобщим примирением сторон и уплатой необходимых в таких делах «судных пошлин».

В апреле 1678 г. в Воронежском уезде жители села Гремячье избили и ограбили двух воронежских стрельцов (ГАВО. Ф. И. 182. Оп. 4. Д. 489, л. 1–4). В ограблении участвовала только часть жителей во главе с местным помещиком Даниилом Черным. Он рассказал своим соседям, что стрельцы когда-то избили его отца, и призывал их рассматривать этот коллективный грабеж как справедливое возмездие.

Однако стрельцам удалось отбиться и забраться на колокольню местной церкви, где они принялись звонить в колокол. На звон сбежались местные жители, но убедившись, что никакой большой беды не произошло (а их соседи всего лишь хотят проучить воронежских стрельцов), разошлись. В итоге воронежцев поймали, связали и заперли в чьей-то избе, но утром их все-таки отпустили восвояси (Мизис, 2017, с. 201).

Крупное следственное дело провели в Козлове по челобитной сына боярского Трифона Картавцева, который жаловался на разбой и поджог усадьбы. (РГАДА. Ф. 210. Д. 1318). События разыгрались 5 апреля 1691 г. в с. Стаево Козловского уезда в доме сына боярского Исаия Попова, где находились его родственники и работник Елистрат Павлов. К нему в гости приехал сын боярский Трифон Картавцев. Возвращаясь домой, он был ограблен: у него отобрали двух коней и жеребенка. Тот подал челобитную воеводе с требованием сыска.

Оказалось, что конфликт разгорелся еще два года назад 29 апреля 1689 г., когда Самойла Попов, отец Исаия Попова, вместе с большой компанией ходил в гости к Т. Картавцеву отмечать Пасху. Встреча закончилась взаимной руганью и оскорблениями. Хозяин дома бил гостя батогами и руками по щекам, а затем стрелял из пищади ему в след. В ответ Самойла Попов хвалился убить Т. Картавцева и сжечь его дом. Спустя пять дней после этой встречи, когда Т. Картавцев уехал со двора, у него на самом деле случился пожар и сгорели дом с двумя горницами, конюшня, житница и скот на общую сумму 257,5 рублей. Т. Картавцев подробно описал потерю своих наиболее ценных вещей: 5 оловянных блюд, 2 оловянных крышки, медная братина, медный таз, два пистоля и много других медных и железных предметов еще на сумму 21 руб. (РГАДА. Ф. 210. Д. 1318, л. 51-52). Его жена и дети чудом спаслись.

Попытка найти всех обвиняемых в поджоге не удалась. К следствию привлекли только Исаия Попова, его отца, мать и жену. Остальные сбежали в неизвестном направлении. Так, работника Елистрата Павлова обнаружили в козловском Троицком монастыре, где он скрывался. При очной ставке в козловской Приказной избе он сказался бывшим неверстанным сыном боярским, который служил городовую службу в Козлове, а затем от «скудости» передал отцовское имение Исаю Попову и стал добровольным работником в их семье.

Это дело имело продолжение. 9 февраля 1692 г. группа детей боярских из с. Стаева привезла в козловскую Приказную избу своего односельчанина Максима Федорова, который украл бердыш во время пожара у Т. Картавцева. Чем закончилось это следствие, неизвестно;

скорее всего, дело передали в Московские приказы. Однако рассмотренный нами эпизод является показательным для конца XVII в., времени, когда былого единства внутри служилого населения крепости уже не стало. Для местного «мира» были характерны частые конфликты, связанные с имущественным неравенством и личными амбициями. Подобного рода спорных дел во второй половине XVII в. было очень много, все они однотипны и нет необходимости рассматривать их в рамках этой статьи.

Важнейшую роль в социально-экономической истории крепостей второй половины XVII в. стали играть посадские люди. Первоначально посадское население фронтирной территории уступало по численности служилому, а в большинстве крепостей отсутствовало вовсе. Однако после реформ 1646–1648 гг. посадские люди получили преимущество в торговле, а служилые люди со временем лишались права заниматься этим занятием. В 1648–1652 гг. была проведена большая работа по организации замкнутых посадских общин («посадское строение»), в результате численность посадского населения в южных крепостях значительно возросла, так как в посад вписывали всех людей без определенного статуса, родственников служилых людей, не служивших, а занимавшихся торговлей (Смирнов, 1947, сс. 499–502).

Однако на самой черте за весь XVII в. посадские люди появились только в нескольких крепостях Юга России. Сами посадские общины были небольшими и мало влияли на городскую жизнь, где доминировали служилые люди. При этом в большинстве городов по Белгородской и Тамбовской чертам корпорациям местных служилых людей удавалось сохранять свои привилегии в торговом деле, в том числе права на лавочную и другие формы торгов (Мизис, 2006, сс. 368–409). Формы поведения посадских людей определялись стремлением к богатству, враждой и конфликтами (Кондратьева, 2007, сс. 131–133). Это особенно наглядно проявлялось в круговой тягловой поручке, когда государство собирало налоги не индивидуально с каждого торговца, а сразу со всего посада. В итоге община всеми способами заставляла малоимущих жителей выходить из посада, продавать или закладывать свои дворы. Чтобы разорить мелких торговцев и заставить их покинуть посад, мирской сход разрешал пристраивать вплотную к их лавкам другие, где люди со стороны торговали тем же товаром по низкой цене. Одновременно с этим община всячески заманивала на свои земли обеспеченных свободных людей, вместе с которыми было выгоднее платить общий налог.

Конкуренция среди ремесленников и торговцев вынуждала их идти на различные хитрости и уловки, чтобы навредить друг другу. Приведем несколько примеров. Обычно для поездок на Дон торговцы объединялись в группы по 5–7 человек, так как в Степи в одиночку было очень опасно. Эти люди вместе грузили товар на будары и струги и следовали вниз по рекам Дону, Воронежу или Медведице в земли донских казаков. Разбойные ватаги и небольшие татарские отряды опасались нападать на крупные караваны, но они упорно шли следом, ожидая, что кто-то из торговцев отстанет от своих товарищей, и тогда на него можно будет напасть. Случалось, однако, что посадские люди заранее сообщали разбойникам про отправку каравана и, якобы случайно, отставали от своих товарищей, которые подвергались внезапному разорению. Другие торговцы специально допускали разграбление своего товара по уговору с разбойниками, которые заодно грабили и их коллег. Так, например, случилось в 1691 г. с торговыми людьми из Острогожска (ГАВО. Ф. И–182. Оп. 3. Д. 14).

Посадская община была эффективным способом социальной организации торговцев и ремесленников, регулируя отношения в их среде. Формы поведения ее жителей были прагматичны: они разоряли и выживали одних членов посада и не позволяли покидать свои дворы другим. Такой подход давал позитивные результаты: посад со временем все больше богател и развивался, а к концу XVII в. существовали уже целые династии посадских людей.

ВЫВОДЫ

Таким образом, основные поведенческие модели жителей Юга России на протяжении всего XVII в. изменялись под воздействием внешних факторов и, прежде всего, процесса урбанизации фронтирной территории, а также изменения статуса служилых людей. Какая-то часть местных гарнизонов предназначалась для защиты укреплений, другие участвовали в различных военных походах. Отступление границы на юг создавало обстоятельства, благоприятные для развития торговли и ремесел, промыслов и сельского хозяйства; со временем отпадала необходимость в совместной интегративной деятельности. У ряда служилых людей скапливались определенные капиталы, дорогое имущество, так увеличивалось имущественное расслоение. С ростом неслужилого населения крепости все больше превращались в города, становились развитыми торгово-ремесленными центрами, их военная функция уходила в прошлое. Служилые люди после реформ 1648–1652 гг. были вынуждены записы-

ваться в посад, чтобы заниматься торговлей и ремеслами, значительно пополняя численность торгового населения.

Социальные изменения были закономерно связаны и с переменами в поведенческих моделях жителей крепости: если на раннем этапе своего существования крепость состояла из единой массы служилого населения, то вторая половина XVII в. проходит под знаком постепенного разрушения этого единства. Теперь, несмотря на то, что социальные организации местного общества существенно не изменились, поведенческие модели под воздействием новых реалий определялись уже иными факторами: стремлением к личной выгоде, материальному достатку, индивидуальным благам. Отчасти это было связано с общим ростом численности населения, а также с формированием социальной группы посадских людей и усилением их влияния в городах-крепостях.

Изменение поведенческих моделей жителей крепости в контексте развития фронтирной территории наглядно демонстрирует те важные перемены, которые происходили в социальной истории этого региона на протяжении всего XVII в. На наш взгляд, изучение прошлого фронтирной территории в русле социальной истории открывает новые возможности для понимания феномена пространства пограничного мира.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00 024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Список литературы

- Davies, B. L. (2004). *State Power and community in early modern Russia/ The Case of Kozlov. 1635 – 1649*. Printed and bound in Great Britain by Antony Rowe Ltd, Chippenham and Eastbourne.
- Kivelson, V. (1996). *Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century*. Stanford: Stanford University Press.
- Kivelson, Valerie. (2002). Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom. *The Journal of Modern History*, 74(3), 465–489. doi: 10.1086/345 109
- Глазьев, В. Н. (1991). Поручная запись воронежских стрельцов (начало XVII в.). *Советские архивы*, (5), 94–95.
- Глазьев, В. Н. (2018). *Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI – XVII веках*. Воронеж: Издательский дом Воронежского государственного университета.

- Государственный архив Воронежской области (ГАВО). (б. д.). *Ф. И-182. Оп. 3. Д. 14, 452; Оп. 4. Д. 1, 2, 3, 4, 489.*
- Енин, Г. П. (2000). *Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти)*. Санкт-Петербург: Издательство Российской национальной библиотеки.
- Жиров, Н. А. (2019а). «Ввозная грамота» елецких помещиков Манаенковых. *История: факты и символы*, (3), 130–132.
- Жиров, Н. А. (2019b). Сельский «мир» и хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в начале XVII в. *Вопросы истории*, (8), 147–156. doi: 10.31166/VoprosyIstorii201908Statyi18
- Загоровский, В. П. (1968). *Белгородская черта*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета.
- Камараули, Е. В. (2018). Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (На примере Воронежского уезда). *История: Факты и Символы*, (3), 97–105. doi: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-97-105
- Коллманн, Н. (2001). *Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени* (А. Б. Каменский, Пер.). Москва: Древлехранилище.
- Коллманн, Н., & Прудовский, П. И. (2016). *Преступление и наказание в России раннего Нового времени*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Кондратьева, С. К. (2007). Повседневная жизнь посадских людей в Воронеже в XVII в. В *На берегах Быстрой Сосны: Сборник статей* (с. 131–133). Ливны: Издательство Ливенского городского краеведческого музея.
- Ляпин, Д. А. (2016). От крепостей к городам: Повседневно-бытовые и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. *История: Факты и символы*, (2), 9–16.
- Ляпин, Д. А. (2018). *Царский меч: Социально-политическая борьба в России в середине XVII в.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Ляпин, Д. А., & Пальчикова, А. С. (2014). Восприятие провинциальным дворянством южных уездов политической борьбы в России в 1604 – 1613 годах (на примере Елецкого уезда). *Российская история*, (6), 99–104.
- Мизис, Ю. А. (1990). *Заселение Тамбовского края в XVII—XVIII веках*. Тамбов: Издательство ТГПИ.
- Мизис, Ю. А. (2006). *Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв.* Тамбов: Юлиус.
- Мизис, Ю. А. (2015). Поиски беглецов на южной границе России в 30-40-х гг. XVII в. (На примере Козловского уезда). *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки*, 20(10), 37–46. doi: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-37-46
- Мизис, Ю. А. (2017). Особенности формирования социальной психологии населения юга Русского государства в XVII веке. В *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Материалы V Чтений памяти академика РАН Л. В. Милова*.

Материалы междунар. Научной конф. Москва 9—10 ноября 2017 г. (с. 199–202).
Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова.

Мизис, Ю. А., & Папков, А. И. (2016). Внешние и внутренние границы России и естественные природные зоны на юге в XVI – начале XVIII в. *Российская история*, (3), 33–49.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). (б. д.). Ф. 204.
Оп. 7. Д. 3.

Резун, Д. Я., & Шиловский, М. В. (2005). *Сибирь, конец XVI - начало XX века: Фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов*. Новосибирск: Сова.

Репина, Л. П. (2009). *Новая историческая наука и социальная история*. Москва: Издательство ЛКИ.

Российский государственный архив Древних актов (РГАДА). (б. д.). Ф. 210. *Столбцы Приказного стола*. Д. 556, 560, 1318; *Столбцы Белгородского стола*. Д. 179, 198, 479.

Смирнов, П. П. (1947). *Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в* (Т. 2).
Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.

Ходарковский, М. (2019). *Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя 1500 – 1800*. Москва: Новое литературное обозрение.

References

Davies, B. L. (2004). *State Power and community in early modern Russia/ The Case of Kozlov. 1635 – 1649*. Printed and bound in Great Britain by Antony Rowe Ltd, Chippenham and Eastbourne.

Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RSL). (n. d.). F. 204. Op. 7. D. 3..
(In Russian).

Enin, G. P. (2000). *Voivodship feeding in Russia in the 17th century (maintenance by the population of the county of the state authority)*. St. Petersburg. Publishing house of the Russian National Library.. (In Russian).

Glazyev, V. N. (1991). Hand-written recording of Voronezh archers (beginning of the 17th century). *Sovetskie arkhivy*, (5), 94–95. (In Russian).

Glazyev, V. N. (2018). *Essays on the history of the city of Voronezh and the Voronezh district at the end of the 16th - 17th centuries*. Voronezh. Voronezh State University Publishing House. (In Russian).

Kamarauli, E. V (2018). Formation of the settlement structure in the southern districts of Russia in the first half of the 17th century. (on the example of Voronezh district). *History: Facts and Symbols*, (3), 97–105. doi: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-97-105 (In Russian).

Khodarkovsky, M. (2019). *Russia's steppe frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500 - 1800*. Moscow: New literary review. (In Russian).

- Kivelson, V. (1996). *Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century*. Stanford: Stanford University Press.
- Kivelson, Valerie. (2002). Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom. *The Journal of Modern History*, 74(3), 465–489. doi: 10.1086/345109
- Kollmann, N. (2001). *United by Honor. The State and Society in Early Modern Russia* (A. B. Kamensky, Trans.). Moscow: Drevlekhranilische. (In Russian).
- Kollmann, N., & Prudovsky, P. I. (2016). *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Kondratyeva, S. K. (2007). Everyday life of the townspeople in Voronezh in the 17th century. In *On the banks of the Bystry Sosna* (pp. 131–133). Livny: Publishing house of the Livny City Museum of Local Lore. (In Russian).
- Lyapin, D. A. (2016). From fortresses to towns: everyday-household and behavioral models of the population of a southern Russian fortress at the end of the 16th century. *History: Facts and Symbols*, (2), 9–16. (In Russian).
- Lyapin, D. A. (2018). *The Tsar’s Sword: Socio-Political Struggle in Russia in the Middle of the 17th Century*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russian).
- Lyapin, D. A., & Palchikova, A. S. (2014). Perception by the provincial nobility of the southern districts of the political struggle in Russia in 1604-1613 (on the example of the Yeletsky district). *Russian history*, (6), 99–104. (In Russian).
- Mizis, Yu. A. (1990). *Settlement of the Tambov Territory in the 17th – 18th centuries*. Tambov: Publishing house of TGPI. (In Russian).
- Mizis, Yu. A. (2006). *Formation of the market of the Central Black Earth Region in the second half of the 17th - first half of the 18th centuries*. Tambov: Julius. (In Russian).
- Mizis, Yu. A. (2015). The search for fugitives on the southern border of Russia in the 30-40s. XVII century (on the example of Kozlovsky district). *Bulletin of Tambov University. Humanities Series*, 20(10), 37–46. doi: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-37-46 (In Russian).
- Mizis, Yu. A. (2017). Features of the formation of social psychology of the population of the south of the Russian state in the 17th century. In *Rus, Russia: The Middle Ages and the New Time. Issue 5: Materials of the V Readings in memory of Academician L.V. Milov. Materials of the international scientific conf. Moscow 9-10 November 2017* (pp. 199–202). Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
- Mizis, Yu. A., & Papkov, A. I. (2016). External and internal borders of Russia and natural natural zones in the south in the 16th - early 18th centuries. *Russian History* (3), 33–49. (In Russian).
- Repina, L. P. (2009). *New historical science and social history*. Moscow: LKI Publishing House (In Russian).
- Rezun, D. Ya., & Shilovsky, M. V. (2005). *Siberia, late 16th - early 20th centuries: frontier in the context of ethnosocial and ethnocultural processes*. Novosibirsk: Owl (In Russian).
- Russian State Archives of Ancient Acts (RGADA). (n. d.). F. 210. Columns of the Order table. D. 556, 560, 1318; Columns of the Belgorod table. D. 179, 198, 479. (In Russian).

- Smirnov, P. P. (1947). *Posad people and their class struggle until the middle of the 17th century* (Vol. 2). Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russian).
- State Archives of the Voronezh Region (GAVO). (n. d.). F. I-182. Op. 3.D. 14, 452; Op. 4.D.1, 2, 3, 4, 489. (In Russian).
- Zagorovskii, V. P. (1968). *Belgorodskaya cherta [Belgorod line]*. Voronezh: VSU Publishing House. (In Russian).
- Zhirov, N. A. (2019). "Import certificate" of the Yelets landlords Manaenkov. *History: Facts and Symbols*, (3), 130–132. (In Russian).
- Zhirov, N. A. (2019b). Rural "world" and economic development of the territory of the Upper Don region at the beginning of the 17th century. *History questions*, (8), 147–156. doi: 10.31166/VoprosyIstorii201908Statyi18 (In Russian).

QUANTITATIVE ACCOUNT OF THE NON-SLAVIC POPULATION OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

Irina V. Lidzieva (a), Ekaterina N. Badmaeva (b)

(a) Federal Research Centre The Southern Scientific Centre Of The Russian Academy Of Sciences.
Rostov-on-Don, Russia. Email: [irina-lg\[at\]yandex.ru](mailto:irina-lg[at]yandex.ru)

(b) Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. Elista, Russia.
Email: [en-badmaeva\[at\]yandex.ru](mailto:en-badmaeva[at]yandex.ru)

Abstract

The Russian state continued, in relation to the non-Slavic population of its southern periphery in the XIX century, to pursue its integrative policy, the intensity of which was largely due to the geopolitical arrangement of forces in the region, as well as to the degree of stability of the local management system and the stance of the local elite. One of the important indicators of the integration of the territory into the imperial space was possessing information about the size of its population by the imperial administration. The purpose of the study is to identify, on the basis of analyzing the documents from the funds of the State Archive of the Astrakhan Region, the State Archive of the Stavropol Territory and the National Archive of the Republic of Kalmykia, as well as the achievements of other researchers, the methods of accounting for the number of nomadic peoples, using the example of Kalmyks, Turkmens and Nogais. The study revealed that three main stages can be distinguished in the policy of accounting for the nomadic population of the southern outskirts of the Russian Empire, the main feature of each of which is the way of collecting information: that is, statistical, metric, and demographic. The first method is related to the formation of a reporting institute of foreign directorates. The second method which was the metrics, left to the clergy, was not considered the systematic and reliable data. Conducting censuses of the population (family lists, countermarks) testified to the establishment of demographic accounts in nomadic societies of the southern periphery of the Russian Empire.

Keywords

South of Russia; empire; nomadic foreigners; metric account; statistical account; demographic account; population census; kibitochnye lists; family lists; integration

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ УЧЕТ ИНОРОДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Лиджиева Ирина Владимировна (а), Бадмаева Екатерина Николаевна (b)

(а) Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону, Россия. Email: [irina-lg\[at\]yandex.ru](mailto:irina-lg[at]yandex.ru)

(b) Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова. Элиста, Россия. Email: [en-badmaeva\[at\]yandex.ru](mailto:en-badmaeva[at]yandex.ru)

Аннотация

Российское государство в отношении инородческого населения южных своих окраин в XIX в. продолжало проведение интегративной политики, интенсивность мероприятий которой во многом была обусловлена геополитической расстановкой сил в регионе, а также степенью устойчивости управленческой системы на местах и состоянием местной элиты. Одним из важных показателей интеграции территории в общеимперское пространство является владение имперской администрацией информацией о численности ее населения. Целью исследования является выявление, на основе анализа документов из фондов Государственного архива Астраханской области, Государственного архива Ставропольского края и Национального архива Республики Калмыкия, а также достижений других исследователей, способов учета численности кочевых народов, на примере калмыков, туркмен и ногайцев. В ходе исследования было выявлено, что в политике учета кочевого населения южных окраин Российской империи можно выделить три основных этапа, основным признаком каждого из которых является способ сбора информации: статистический, метрический и демографический. Первый способ связан со становлением института отчетности инородческих управлений. Второй способ – метрический, возложенный на духовенство; он не отличался систематичностью и достоверностью данных. Проведение переписей населения (посемейные списки, контрамарки) свидетельствовали о налаживании демографического учета в кочевых обществах южных окраин Российской империи.

Ключевые слова

Юг России; империя; кочевые инородцы; метрический учет; статистический учет; демографический учет; перепись населения; кибиточные списки; семейные списки; интеграция

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В первой четверти XIX в. имперские законодатели классифицировали инородческое население, к которому, согласно трактовке, данной в словаре Брокгауза и Ефрона, относились подданные неславянского происхождения, исходя из принципа ведения хозяйства на следующие группы: оседлые, кочевые и бродячие. К кочевым народам были отнесены те, которые занимали определенные территории в зависимости от времени года (ПСЗ РИ I, 1830 б). На степных просторах южной окраины Российского государства на протяжении ряда столетий обитали ногайцы, калмыки и туркмены, ведущие кочевой образ жизни, о численности которых органы власти имели весьма приблизительное представление. Между тем данная количественная категория в государственном масштабе имела стратегическое значение, так как была тесно связана с фискальными, военными и управленческими потребностями имперской администрации. Интерес к изучению проблемы учета численности кочевых инородцев можно проследить как при анализе дореволюционной (Страхов, 1810; Костенков, 1868; Попов, 1839; Фарфоровский, 1909) и советской историографии (Бурчина, 1980, 1989; Калмыков, 1988; Курбанов, 1989) так и при характеристике работ современных исследователей (Авлиев, 2013; Аджиниязова, 2017; Кидирниязов, 2014; Лиджиева, 2017; Сыздыкова, 2018). Однако предметом их изучения, прежде всего, выступали количественные показатели, характеризующие численность населения, а также причины их колебания. В рамках данной статьи целью исследования является выявление способов учета численности кочевых народов, населявших южные окраины Российской империи в XIX в.

МЕТОДЫ

Разработка данной проблемы основана на использовании исследовательского инструментария социальной истории. Так, использование проблемно-хронологического метода позволило рассмотреть процедуру сбора информации о численности населения в кочевых обществах во временном порядке. С помощью применения идеографического метода стало возможно описать процесс сбора данных; на основе историко-типологического метода – провести классификацию сбора информации о численности кочевников на Юге России.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В первой половине XIX в. стала формироваться нормативная правовая база, регулирующая процесс жизнедеятельности упомянутых народов в рамках юридического пространства Российской империи. Диспозиции правовых норм данных законодательных актов не содержали конкретного указания на ведение количественного учета населения. Так, в соответствии с § 27 высочайше утвержденными Правилами для управления калмыцким народом 1825 г. Комиссии калмыцких дел как органу областного управления вменялось в обязанность составление списков светских и духовных феодалов. В отношении же непривилегированного населения следовало «иметь настоящее, хотя перечневое сведение о числе кибиток в каждом улусе ... не допуская, однако, переписки или ревизии» (ПСЗ РИ I, 1830 с). Фактически без изменения эта норма была перенесена в следующий нормативный правовой акт – Положение об управлении калмыцким народом 1835 г., с единственной поправкой на возложение этой функции на улусных попечителей, которые были обязаны иметь точнейшие по возможности сведения, но также без проведения переписи или ревизии (ПСЗ РИ II, 1836). Исходя из положений приведенных законодательных актов, предоставление сведений нойонами и зайсангами о численности подвластных им простолюдинов в начале XIX в. имело приблизительный характер. Так, по данным, приведенным главным приставом калмыцкого народа Н. И. Страховым, в 1803 г. калмыцкие владельцы показали о наличии у них 14 198 кибиток или семейств, «но означенное число неверно, потому что калмыки от суеверия почитают за грех объявлять настоящее число имения, а из опасения чтобы не подпасть счету людей и по ним налогам, скрывают рачительно свое народосчисление» (1810, с. 17-18). Как отмечает Т. Г. Борджанова, у калмыков существовала табуация чисел – передача числительных описательным путем (1999, с. 14). Суть «суеверия», по утверждению Э. П. Бакаевой, заключается в том, что «свойство исчисляемости в традиционных представлениях калмыков определяется как признак конечности, что обусловило появление запрета на счет таких объектов, как звезды, люди, домашние животные, пища» (2009, с. 15). Подобные практики существовали у скотоводов Центральной Азии и Швеции. Архаические представления заключались в том, что существуют вещи, которые можно посчитать, и те, которые нельзя. Практика сокрытия реальных сведений о числе скота у калмыков сохраняется и в настоящее время (Тюхтенева, 2017).

Спустя четверть века с момента опубликования сведений главным приставом Н. И. Страховым ситуация не изменилась. В 1838 г. ординарный профессор Казанского университета А. В. Попов во время путешествия по Калмыцкой степи обратил внимание, что, согласно официальным данным, численность калмыцкого населения не составляет более 13 000 кибиток; при этом как отмечает он,

«это число едва ли не вдвое уменьшенное против настоящего. Впрочем, местное начальство до сих пор не может сделать точной народной переписи по причине обширного пространства степей и беспрестанных перекочевок калмыков. Владельцы же и зайсанги, заведывающие Казенными Улусами, может быть и с намерением утаивают подлинное число своих подвластных, чтобы менее платить в Казну положенного сбора на содержание Калмыцкого Управления» (1839, с. 27).

Проблеме учета населения посвящен раздел III Положения об управлении калмыцким народом 1847 г., глава III которого «О обязанностях по народоисчислению» содержит гипотезу правовой нормы – сокрытие числа кибиток или семейств простолюдинов со стороны нойонов-владельцев. Санкцией в данном случае выступает перевод утаенных кибиток из владельческого улуса в статус казенного. В случае наличия факта сокрытия в казенном улусе его правитель облагался штрафом в пользу общественного капитала, если же сокрытые кибитки принадлежали аймаку родового зайсанга, то они переводились в другие аймаки того же улуса. Норма о запрете проведения переписи или ревизии сохраняла свою силу и в данном «Положении»; между тем оно конкретизировало способ сбора информации – «чрез владельцев, опекунов и Правителей улусных» (ПСЗ РИ II, 1848). В свою очередь, как утверждает Л. В. Бурчинова, которая провела анализ судебных дел об утайке нойонами и зайсангами подвластных калмыков, их информировали аймачные зайсанги и старшины (1980, с. 91). Единицей измерения численности населения служила кибитка, а в ней условно: две души мужского пола и две женского. Данный способ учета кочевого населения получил название – «кибиточные списки» и имел один большой недостаток, ставший следствием отсутствия четких требований при их составлении. Так, Л. С. Бурчинова пришла к выводу о том, что единица подсчета в разных улусах понималась по-своему. Например, в Яндыковском и Харахусовском улусах кибитка – это семейство женатого калмыка. Но в Яндыковском улусе из списка исключались сироты и одиночки, жившие самостоятельно или в семье родственников и не имевшие на момент переписи собственного хозяйства. В Эркетеновском улусе

это каждый калмык, живший отдельной кибиткой, вне зависимости от возраста, дееспособности и имущественного положения (1980, с. 91). Относительно способа и результатов такого учета населения К. И. Костенков писал:

«Это постановление было весьма приятно лицам, стоявшим близко к управлению народом.... Правительство довольствовалось только теми сведениями, какие были доставляемы ...» (1868, с. 107).

«Положение» 1847 г. завершало создание системы управления калмыцким народом и, по мнению авторов фундаментальной «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней», «побудило власти вплотную заняться учетом населения Калмыцкой степи» (2009, с. 528). Исследователь демографической истории калмыцкого народа Л.В. Оконова также считает, что, несмотря на государственное значение процедуры установления численности населения кочевых обществ, данная проблема решалась только после определения их статуса и выработки методов управления, что и обусловило отсутствие какой-либо систематичности в сборе сведений о населении вновь присоединенных к России территорий (2015, с. 468). В более широком масштабе активность имперской администрации в рассматриваемом направлении зависела от степени интеграции народа в общеимперское пространство. Как считает М. Ходарковский, «неуклюжие действия России в первой половине XVIII в. ... показали, что пока граница остается прозрачной, прямое управление калмыками невозможно» (2019, с. 208), что подтверждает наличие не прямого, но косвенного влияния внешнеполитического фактора в рассматриваемом мероприятии.

Несколько иная ситуация сложилась в кочевых обществах Ставропольской губернии: ногайцев и тухмен. Так, Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области, высочайше утвержденный в 1827 г., содержит единственное положение, касающееся учета населения и отраженное в § 78, которое гласит:

«Раскладка повинностей и сборов в народе по введенному порядку должна падать не на число душ в кибитке, или семействе, а на имущество, т. е. скотоводство, или промысел» (ПСЗ РИ II, 1830 а).

В данном случае не затрагивается проблема учета численности населения, а речь идет о налоговой базе, основой которой выступает скот. Между тем, как показывает анализ документальных материалов из фондов Государственного архива Ставропольской губернии, несмотря на преимущественное значение количества скота, формы

запросов содержали и требование об указании численности населения. Так, например, главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами Грузии, Армянской области, Астраханской губернии и Кавказской области, барон Г. В. Розен в 1836 г. направляет двух чиновников особых поручений к Главному приставу магометанских народов, обитающих в Кавказской области, с целью «собрания нужных сведений о всех состоящих в управлении Вашем [главного пристава – авторы] племенах», в том числе «Какое число кибиток составляет каждый род особо?» (ГАСК, 1837, л. 1). Следующий документ – рапорт частного пристава калаусо-джембулуковских ногайцев на имя главного пристава кочующих магометан Ставропольской губернии от 10 января 1846 г. свидетельствует об установлении формы отчетности, включающей сведения о численности находящегося в его ведомстве населения (ГАСК, 1835, л. 1). Подтверждением последнего служит циркуляр главного пристава кочующих народов от 12 ноября 1858 г. содержащий указание турхменскому приставу

«о срочном предоставлении статистического подробного сведения (по указанной форме) о состоянии и переменах по вверенному Вам приставству, если не точное, то, по крайней мере, приблизительное число» (ГАСК, 1858, л. 31, 38).

Приказ частного пристава, данный старшине Соин-Аджиева рода турхменского народа, гласит: «доставить ко мне непременно через два дня самые вернейшие сведения о числе народонаселения, количестве скотоводства и прочее, по примеру прежних лет» (ГАСК, 1858, л. 32). Из документа следует, что первоначальный сбор сведений осуществлялся выборными должностными лицами.

Сведения о духовенстве предоставлялись отдельными отчетами. Так, например, буддийское духовенство Большедербетовского улуса предоставляло сведения о числе хурулов на территории улуса и численности священнослужителей. Кроме того форма отчета содержала таблицы, куда необходимо было внести информацию о количестве разного вида скота, в том числе проданного в течение года (НАРК, 1868, л. 6, 7).

Несмотря на относительность количественных показателей относительно численности кочевых обществ на Юге России в первой половине XIX в., следует считать, что именно в этот период происходит формирование системы отчетности, послужившей становлению систематического учета населения, характеризуемого получением регулярных данных о численности и составе населения.

Следующий способ определения численности населения – это метрический учет на основе официальных записей актов гражданского состояния. Становление данной системы в Российском государстве связано с указом Петра I от 14 апреля 1702 г. «О подаче в Патриарший Духовный Приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших» (ПСЗ РИ I, 1830 а). На протяжении первой четверти XIX в. издавались указы Святейшего Синода относительно порядка ведения метрических записей. Окончательное законодательное установление формуляра метрической книги состоялось в соответствии с указом Николая I от 7 февраля 1838 г. «О ведении метрических книг по новым формам» (ПСЗ РИ II, 1838). Данная нормативная база регулировала метрический учет православного населения империи. В отношении же мусульман 21 сентября 1828 г. был издан указ «О введении в употребление метрических книг по Оренбургскому Духовному Магометанскому Управлению» с оговоркой «для магометан ведомства Оренбургского Духовного Собрания ... сие распоряжение не было распространяемо на Таврических магометан» (ПСЗ РИ II, 1830 б). Регистрация мусульман Таврической губернии осуществлялась на основе указа 1832 г., при этом запись велась на арабском языке. Но под действие двух последних законодательных актов, по утверждению Д. М. Усмановой, не попадали мусульмане Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей (2015, с. 124), т.е. в том числе относящиеся к кочевым магометанам Ставропольской губернии.

Имперский законодатель обошел своим вниманием вопрос об установлении метрического учета буддийского населения. Главный попечитель калмыцкого народа И. С. Картель по этому поводу выразил следующее мнение: «Установление метрических записей калмыцкого населения, при кочевом образе жизни и сложившихся бытовых условиях, несомненно, представляет много затруднений, практически едва ли устранимых» (ГААО, 1891, л. 9 об.).

Впервые вопрос о ведении метрических книг был возбужден главным попечителем калмыцкого народа М. И. Тагайчиновым. Метрические книги – это совокупность актов культовой регистрации, удостоверяющих события рождения, брака, смерти конкретных лиц в виде хронологических записей в книжной форме (Антонов, 1996, с. 20). Решение о постановке метрического учета калмыцкого населения затянулось на десятилетия, и только в 1873 г. ведение метрических записей закономерно было возложено на ламаистское духовенство (НАРК, 1858, л. 47). Следует отметить, что, к сожалению, примера такой записи, датированной XIX в., в фондах Национального архива

Республики Калмыкия выявить не удалось. Между тем авторы располагают копиями документов начала XX в., например, «Метрическая книга о родившихся в ю.ч. [южной части – авторы] Малодербетовского улуса калмыках всех сословий, выданная из Управления калмыцким народом начальнику (бакши) VI Дорджид Рацынг большого хурула на 1904 год» (НАРК, 1904). Метрическая книга о родившихся калмыках была создана по аналогии с православными метрическими книгами. Так, книга форматом А4 состояла из табличных форм, расчерченных вручную или отпечатанных типографским способом, причем название каждой графы оформлялось на русском и калмыцком языках и содержала следующую информацию: дату рождения как по григорианскому календарю, так и по калмыцкому; имя родившегося; имя, фамилия, улус, род и аймак родителей; когда, на каком урочище и кем совершен над новорожденным установленный религиозный обряд и дано имя, а также личные данные двух свидетелей, удостоверяющих факт рождения ребенка (НАРК, 1904, л. 1 об-2).

Главный попечитель калмыцкого народа, действительный статский советник И. С. Картель, признавая установление метрических записей ламаитов, населяющих Астраханскую губернию, «весьма полезным и необходимым для нужд управления», в рапорте астраханскому губернатору А. Г. Бринкману от 18 декабря 1891 г. выразил сомнения по поводу качества исполнителя столь важного для государства дела,

«ибо калмыки приглашают духовных лиц дать молитву новорожденному, помолиться за новобрачных, а также лечить больных, напутствовать умирающих, но так как подобные приглашения в сильной мере зависят от степени религиозного усердия нуждающихся в том лиц и от их экономического благосостояния, то часто случается, что калмык небогатого достатка, кочуя далеко от хурула (ламайский монастырь), или совсем не общается духовенству в случаях рождения, бракосочетания и смерти кого-либо из членов своей семьи, или же сообщают об этом как-нибудь после, при удобном случае, например, тогда как прикочуют к хурулу» (ГААО, 1891, л. 10).

По словам Пола Верта, перевод функции ведения метрического учета на духовенство свидетельствовал об административной слабости имперского государства, чье стремление к всеобщей регистрации населения удавалось лишь косвенно, чрез посредничество религиозных служащих и институтов (2012, с. 117-143).

В 1891 г. вопрос о необходимости введения метрических записей вновь актуализировался в связи с отношением казанского губернатора

о способе учета языческого населения, поданным в министерство внутренних дел, где он отмечает, что ведение метрических записей для лиц как христианского, так и мусульманского исповедания имеет законодательное регулирование, а относительно «язычников указаний не имеется» (ГААО, 1891, л. 1). По его мнению, посемейные списки, основанием которых должны служить метрические записи, не могут заменить последние, так как они составляются один раз в год и дают сведения о числе наличных жителей, но не могут с точностью представить движение населения в хронологическом и количественном отношении. В связи с этим запросом Центральный статистический комитет, по приказанию министра, обратился к астраханскому губернатору с просьбой сообщить, «каким порядком производится регистрация сего населения и вообще Ваше заключение по вопросу об установлении в законодательном порядке узаконений для производства метрических записей при регистрации языческого населения» (ГААО, 1891, л. 1 об.). Составление ответа на данный запрос было поручено главному попечителю калмыцкого народа С. И. Картелю, который в своем рапорте за № 3753 от 26 августа 1891 г., направленному астраханскому губернатору сообщает, что

«движение населения в калмыцких степях Астраханской губернии до сего времени регистрировались на точном основании порядка указанного § 199 Положения об управлении калмыцким народом, т. е. периодически через каждые 10-12 и более лет составлялись семейные списки калмыков, причем на основании того же §, никакой переписи или ревизии по форме не производилось, равным образом и ввиду того же § никаких метрических записей и книг калмыкам до сего времени не велось» (ГААО, 1891, л. 6).

Позднее, 18 декабря 1891 г., И.С. Картель направляет губернатору свои предложения в разрешении вопроса по предмету учета калмыцкого населения, акцентируя внимание на том, что буддийское духовенство не может быть эффективным исполнителем метрического учета. Кроме того, по его мнению,

«вообще не представляется желательным давать ламайскому духовенству такие правительственные поручения, которые возвышали бы его значение среди народа» (ГААО, 1891, л. 9 об.).

Следует отметить, что подобная ситуация сложилась и в отношении мусульманского населения. Так, создание мусульманских религиозных институтов и официально признание за муллами определенных судебно-административных прав стало восприниматься (как миссионерами, так и отдельными чиновниками) как мера, хотя и

вынужденная, но в целом нежелательная, так как привела к чрезмерному росту значимости духовенства в жизни мусульманского общества (Усманова, 2015, с. 127).

В этом же рапорте И.С. Картель предлагает поручить ведение записей всех семейств с отметками всех умерших, родившихся и вступивших в брак аймачным или родовым зайсангам, старшинам и опекунам, снабдив их специальными книгами. Запись в книгах могла вестись как на русском языке, так и на калмыцком. В случае неграмотности указанных лиц они могли воспользоваться услугами грамотных однообщественников. Для предотвращения злоупотреблений или исправления упущений предлагалось проведение на аймачных или родовых сходах один раз в год сверки в присутствии улусного попечителя. Сведения об изменении численности населения на подведомственных данным должностным лицам территориях предполагалось ежегодно направлять в улусные управления. Установление данного порядка ведения метрических записей могло быть произведено после проведения переписи калмыцкого народа, которая диспозицией правовой нормы параграфа 199 «Положения об управлении калмыцким народом» запрещалась. В заключительной части рапорта главный попечитель И. С. Картель отмечает, что «данный способ не принесет точных результатов, тем не менее, приблизит это дело к желаемой цели и установит, конечно, не без упущений, хронологическую последовательность в численных изменениях калмыцкого народа» (ГААО, 1891, л. 10).

В направленном 31 декабря в Центральный Статистический Комитет письме А. Г. Бринкман дословно приводит предложения главного попечителя калмыцкого народа, при этом добавляя:

«я со своей стороны полагал бы более удобным и целесообразным производство метрических записей в калмыцкой степи возложить на ответственную обязанность ламайского духовенства, которое имеет возможность исполнить эту обязанность гораздо успешнее других лиц» (ГААО, 1891, л. 14).

В целях получения более достоверных сведений, характеризующих демографическое положение в Калмыцкой степи, и устранения погрешностей вследствие составления кибиточных списков, в 1856 г. чиновником Министерства государственных имуществ Г. Любовидским предлагалось проведение «негласной домашней переписи» (Бурчинова, 1980, с. 91). В 1861 г. Министерство государственных имуществ, поддержав предложение Г. Любовидского, дало разрешение Главному попечителю калмыцкого народа произвести учет населения

путем составления списков, впоследствии получивших название «семейные» или «посемейные». На каждую семью простолюдина составлялся список, где указывались имя и фамилия ее главы, состав, степень состоятельности и местопребывание. Также подлежали регистрации одинокие, больные, старые и несовершеннолетние.

По определению К. И. Костенкова, для достижения более удовлетворительных результатов в 1862 г. были введены контромарки, в которые вносились сведения об улусе, аймаке, где числился калмык, имя, фамилия и № кибитки по семейному списку (1868, с. 108). 22 февраля 1864 г. результаты переписной кампании были доложены Министерству государственных имуществ. Полученные сведения, характеризующие количественные и половозрастные характеристики калмыцкого народа Астраханской губернии, обусловили становление демографического учета в Калмыцкой степи.

Необходимость получения актуальных данных о численности податного населения обусловило проведение в 1868 г. новой переписи калмыцкого народа. Посемейный учет калмыков велся в специальной книге форматом А4, в табличной форме, состоящей из девяти граф: 1 графа – №№ по порядку; 2 графа – №№ по семейному списку; 3 графа – название рода – аймака – хотона и прозвание родоначальников и всех членов семейств, мужчин и одиночек; 4 графа – число лет по 1 января 1869 г.; 5 графа – род занятий; 6 графа – количество скота: верблюдов лошадей, рогатого скота, овец, коз, свиней; 7 графа – имена и прозвания членов семейств женского пола, вдов и сирот; 8 графа – полных лет к 1 января 1869 г.; 9 графа – примечание (НАРК, 1837, л. 6 об.-7). Название каждой графы прописывалось на русском и калмыцком языках.

Следующую санкцию на производство учета населения Управление калмыцким народом получило 16 июня 1876 г. от высшего совещательного и распорядительного органа империи – Комитета министров, в соответствии с которой предполагалось в следующем году проведение сверки семейных списков, составленных ранее, т. е. в 1868 г.

Процедура сбора сведений происходила на уровне чиновников улусных управлений, т.е. попечителей и их помощников, которые в соответствии с запросом Главного управления калмыцким народом направляли актуальные списки калмыков. Так, с целью исполнения предписания от 24 августа 1876 г. за № 4073, в декабре 1876 г. попечитель Икицохуровского улуса направляет в Главное Управление калмыцким народом семейные списки аймачных и безаймачных зайсангов и калмыков-простолюдинов, составленные в 1876 г.

При этом достоверность направляемых сведений подтверждалась приговором общества калмыков Икицохуровского улуса (НАРК, 1876, л. 2). Улусный сход состоялся 10 декабря 1876 г. в зимней ставке Икицохуровского улуса, где поверяли вновь составленные в ноябре 1876 г. семейные списки калмыков названного улуса. В заключительной части приговора значится, что «списки о зайсангах и калмыках простолюдинах составлены верно» (НАРК, 1876, л. 4 об.).

Улусные попечители, кроме учета населения, находящегося на подконтрольной им территории, отслеживали местопребывание тех калмыков, которые временно проживали вне улуса, – путем осуществления переписки с присутственными местами и должностными лицами Астраханской и соседних губерний. На основе полученных сведений составлялись сводные списки, которые существовали в одном экземпляре и ежегодно запрашивались Управлением калмыцкого народа. Так, например, в декабре 1876 г. в сопроводительном письме к указанным сведениям на имя Главного попечителя калмыцкого народа заведующий Икицохуровским улусом С. Е. Матвеев просит «по миновании надобности их возвратить ко мне» (НАРК, 1876, л. 1).

Подобная сверка семейных списков проводилась более чем через десять лет в 1888 г., что было обусловлено потребностью имперских органов в точной информации о численности калмыков, в большей степени для фискальных нужд. Перепись осуществлялась путем заполнения табличной формы ведомости, такой же, как и в 1868 г., но выполненной литографическим способом (НАРК, 1876, л. 12 об.-13). Следует отметить, что «домашними» переписями были охвачены только калмыки Астраханской губернии, так как Большедербетовский улус императорским указом 1859 г. был введен под юрисдикцию главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии (Лиджиева, 2015, с. 16).

Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. позволила получить наиболее полные сведения о численности калмыцкого народа. Основные группы калмыков проживали в Астраханской и Ставропольской губерниях, а также в Области Войска Донского. Позднее налаживался учет отдельных категорий групп населения. Так, например, в 1916 г. Центральным статистическим комитетом Министерства Внутренних Дел проводился сбор сведений о сиротах, полу-сиротах и беспризорных детях до 12 лет. Как и ранее, первичный сбор данных осуществлялся выборными должностными лицами местного самоуправления путем заполнения формы отпечатанной типографским способом (НАРК, 1916, л. 30).

ВЫВОДЫ

Таким образом, на протяжении XIX столетия имперская политика в отношении учета численности кочевых инородцев Юга России претерпевала значительные изменения в части способов и методов получения информации, но с сохранением основной цели – установления достоверных сведений, продиктованной потребностями полной интеграции кочевников в общероссийское пространство. Исходя из обозначенного вектора внутренней политики, имперская администрация стремилась действовать в отношении инородческого населения, обитавшего на окраинных территориях государства, в зависимости от геополитической расстановки сил в регионе, а также от степени устойчивости управленческой системы на местах и состояния местной элиты. В связи с этим в политике учета кочевого населения южных окраин Российской империи можно выделить три основных этапа, основным признаком каждого из которых является способ сбора информации: статистический, метрический и демографический. Первый способ связан со становлением института отчетности инородческих управлений. Вторым способом – метрический, возложенный на духовенство, не отличался систематичностью и достоверностью данных. Проведение переписей населения (посемейные списки, контрамарки) свидетельствовали о налаживании демографического учета в кочевых обществах южных окраин Российской империи.

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, № гр. проекта АААА-А19-119 011 190 182-8.

Список литературы

- Авлиев, В. Н. (2013). Динамика численности калмыков в последней четверти XIX в. (На материалах Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии). *Вестник Калмыцкого университета*, (1), 50–55.
- Аджиниязова, А. К. (2017). Территория расселения и численность ногайцев Северного Кавказа в конце XVIII – середине XIX в. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 9(6/2), 57–58. doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-53-58
- Антонов, Д. Н., & Антонова, И. А. (1996). Метрические книги: Время собирать камни. *Отечественные архивы*, (4), 15–28.

- Бакаева, Э. П. (2009). «Двадцать копеек – это семьдесят денег». *Этнографическое обозрение*, (2), 13–16.
- Борджанова, Т. Г. (1999). *Магическая поэзия калмыков*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Бурчинова, Л. С. (1980). *Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии. (Вторая половина XIX в.)*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Бурчинова, Л. С. (1989). Повинности калмыцкого крестьянства в период утверждения капитализма в России (60-е и начало 90-х годов XIX в.). В *Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период* (с. 90–114). Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт.
- Верт, П. (2012). *Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Государственный архив Астраханской области. (1891). Ф. 1. Оп. 9. Д. 777.
- Государственный архив Ставропольского края. (1835). Ф. 249. Оп. 3. Д. 2385.
- Государственный архив Ставропольского края. (1837). Ф. 249. Оп. 3. Д. 2345.
- Государственный архив Ставропольского края. (1858). Ф. 408. Оп. 1. Д. 1633.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3-х томах* (Т. 1). (2009). Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел».
- Калмыков, И. Х., Керейтов, Р. Х., & Сикалиев, А. И. (1988). *Ногайцы. Историко-этнографический очерк*. Черкесск: Ставропольское книжное издательство Карачаево-Черкесское отделение.
- Кидирниязов, Д. С. (2014). Расселение ногайцев Северного Кавказа в XV-XIX вв. В *Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истории – к грядущему* (с. 45–54). Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева.
- Костенков, К. И. (1868). *Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии*. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и компании.
- Курбанов, А. В. (1995). *Ставропольские трухмены. Историко-этнографические очерки*. Санкт-Петербург: Издательство отделения Языкового центра СПбГУ.
- Лиджиева, И. В. (2015). Большедербетовский улус: Государственное управление и общественное самоуправление в контексте административно-территориальных преобразований во второй половине XIX в. *Вестник калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*, 8(3), 14–19.
- Лиджиева, И. В. (2017). Перепись населения 1897 г. Как источник по истории кочевых народов Степного Предкавказья. В *Социально-экономическое и политическое развитие народов Северного Кавказа (XIX - начало XXI вв.)* (с. 258–262). Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс "Грозненский рабочий».
- Национальный архив Республики Калмыкия. (1858). Ф. И-9. Оп. 1. Д. 21.

- Национальный архив Республики Калмыкия. (1869). Ф. И-9. Оп. 3. Д. 3.
- Национальный архив Республики Калмыкия. (1876). Ф. И-9. Оп. 4. Д. 311.
- Национальный архив Республики Калмыкия. (1904). Ф. И-9. Оп. 2. Д. 136.
- Национальный архив Республики Калмыкия. (1916). Ф. И-21. Оп. 1. Д. 333.
- Национальный архив Республики Калмыкия НАРК. (1868). Ф. И-21. Оп. 1. Д. 83.
- Оконова, Л. В. (2006). Законодательно-актовые источники XIX в. По учету населения калмыков. *Научная мысль Кавказа*, (3), 37–41.
- Оконова, Л. В. (2015). Демографический учет калмыков в Российской империи: Его эволюция и трансформация. *Исторический журнал: научные исследования*, 4(28), 467–471. doi: 10.7256/2222-1972.2015.4.17024
- Олчанова, Ц. В., & Очиров, Б. В. (2020). Демографические данные о кочевых народах по данным переписи населения 1897 года. *Огарев-Online*, (2). Извлечено от <http://journal.mrsu.ru/arts/demograficheskie-dannye-o-kochevyyh-narodax-po-dannym-perepisi-naseleniya-1897-goda>
- Очиров, У. Б. (2003). К вопросу о численности этнических групп калмыков за пределами калмыцких кочевий в конце XVII-начале XX вв. *Монголоведение*, (3), 194–203.
- Полное собрание законов Российской империи. (1830a). Т. 4. Ч. I. № 1908.
- Полное собрание законов Российской империи. (1830b). Т. 38. № 29 126.
- Полное собрание законов Российской империи. (1830c). Т. 40. № 30 290.
- Полное собрание законов Российской империи II. (1836). Т.10. Прибавление к тому IX. № 7560 а.
- Полное собрание законов Российской империи II. (1838). Т. 13. Ч. 2. № 10 956.
- Полное собрание законов Российской империи II. (1848). Т. 22. Ч. I. № 21 144.
- Полное собрание законов Российской империи II. (1830a). Т. 2. № 878.
- Полное собрание законов Российской империи II. (1830b). Т. 3. № 2296.
- Попов, А. В. (1839). *Краткие замечания о приволжских калмыках*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Страхов, Н. И. (1810). *О калмыках. Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни савардин*. Санкт-Петербург: Типография Шнора.
- Сыздыкова, С. Ж. (2018). К вопросу о динамике расселения и роста численности туркмен Ставропольского края. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, (2), 98–100. doi: 10.23672/SAE.2018.2.11495
- Тюхтенева, С. П. (2017). Одна черточка — одна сотня: К вопросу о способах подсчета скота у тюрко-монгольских народов. *Вестник калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*, 10(5), 130–140. doi: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-130-140

- Усманова, Д. М. (2015). Мусульманские метрические книги в Российской империи: Между законом, государством и общиной (вторая половина XIX – первая четверть XX в.). *Ab imperio*, (2), 106–153. doi: 10.1353/imp.2015.0034
- Фарфоровский, С. В. (1909). *Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк*. Тифлис: типография К. П. Козловского.
- Ходарковский, М. (2019). *Степные рубежи России: Как создавалась колониальная империя. 1500-1800*. Москва: Новое литературное обозрение.

References

- Avliyev, V. N. (2013). Dynamics of Kalmyk Population in the Last Quarter of the 19th Century. (On the Materials of the Maloderbetovsky Ulus of the Kalmyk Steppe, Astrakhan Province). *Bulletin of Kalmyk University*, (1), 50–55. (In Russian).
- Ajiniyazova, A. K. (2017). The Territory of Settlement and the Number of Nogai in the North Caucasus in the late 18th - mid 19th centuries. *Historical and Socio-Educational Thought*, 9(6/2), 57–58. doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-53-58 (In Russian).
- Antonov, D. N., & Antonova, I. A. (1996). Metric Books: A Time to Gather Stones. *National Archives*, (4), 15–28. (In Russian).
- Bakaeva, E. P. (2009). “Twenty kopecks is seventy money”. *Ethnographic Review*, (2), 13–16. (In Russian).
- Borjanova, T. G. (1999). *The Magical Poetry of the Kalmyks*. Elista: Kalmyk Book Publishers.. (In Russian).
- Burchinova, L. S. (1980). *Source study issues of the history of Kalmykia. (The second half of the 19th century)*. Elista: Kalmyk Book Publishers. (In Russian).
- Burchinova, L. S. (1989). Duties of the Kalmyk peasantry during the period of the establishment of capitalism in Russia (60s and early 90s of the XIX century). In *Socio-economic and political situation of the Kalmyk peasantry in the pre-October period* (pp. 90–114). Elista: Kalmyk Research Institute. (In Russian).
- Werth, P. (2012). *Orthodoxy, Non-Orthodoxy, and Other Beliefs: Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- State Archive of Astrakhan Region. (1891). *F. 1. Inv. 9. C. 777*. (In Russian).
- State Archive of Stavropol Region. (1835). *F. 249. Inv. 3. C. 2385*. (In Russian).
- State Archive of Stavropol Region. (1837). *F. 249. Inv. 3. C. 2345*. (In Russian).
- State Archive of Stavropol Region. (1858). *F. 408. Inv. 1. C. 1633*. (In Russian).
- History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day: In 3 Volumes* (Vol. 1). (2009). Elista: Publishing House Gerel. (In Russian).
- Kalmykov, I. H., Kereitov, R. H., & Sikaliyev, A. I. (1988). *Nogaytsy. Historical and Ethnographic Essay*. Cherkessk: Stavropol Book Publishers Karachaevo-Cherkessky Branch. (In Russian).

- Kidirniyazov, D. S. (2014). Settlement of the Nogai in the North Caucasus in the 15th-19th centuries. In *Nogays: 21st century. History. Language. Culture. From history - to future* (pp. 45–54). Karachaevsk: Karachaevo-Cherkessia State University U. D. Aliev. (In Russian).
- Kostenkov, K. I. (1868). *Statistical and Economic Description of the Kalmyk Steppe of Astrakhan Province*. St. Petersburg: Typography of V. Bezobrazov and Company. (In Russian).
- Kurbanov, A. V. (1995). *Stavropol Trukhmen. Historical and Ethnographic Sketches*. St. Petersburg: Publishing Department of the Language Center SPbSU. (In Russian).
- Lidzhieva, I. V. (2015). Bolshederbetovskiy Ulus: State Administration and Public Self-Government in the Context of Administrative and Territorial Transformations in the Second Half of the 19th Century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences*, 8(3), 14–19. (In Russian).
- Lidzhieva, I. V. (2017). The 1897 census as a source on the history of the nomadic peoples of the Steppe Pre-Caucasus. In *Socio-economic and political development of the peoples of the North Caucasus (19th - early 21st centuries)*. (pp. 258–262). Grozny: "Groz-nensky Rabochiy" publishing and printing complex. (In Russian).
- National Archives of the Republic of Kalmykia. (1858). *F. I–9. Inv. 1. C. 21*. (In Russian).
- National Archives of the Republic of Kalmykia. (1869). *F. I–9. Inv. 3. C. 3*. (In Russian).
- National Archives of the Republic of Kalmykia. (1876). *F. I–9. Inv. 4. C. 311*. (In Russian).
- National Archives of the Republic of Kalmykia. (1904). *F. I–9. Inv. 2. C. 136*. (In Russian).
- National Archives of the Republic of Kalmykia. (1916). *F. I–21. Inv. 1. C. 333*. (In Russian).
- National Archives of the Republic of Kalmykia. (1868). *F. I–21. Inv. 1. C. 83*. (In Russian).
- Okonova, L. V. (2006). Legislative-actual sources of the 19th century on the registration of the Kalmyk population. *Scientific Thought of the Caucasus*, (3), 37–41. (In Russian).
- Okonova, L. V. (2015). Demographic Accounting of Kalmyks in the Russian Empire: Its Evolution and Transformation. *Journal of History: Research*, 4(28), 467–471. doi: 10.7256/2222-1972.2015.4.17024 (In Russian).
- Olchanova, C. V., & Ochirov, B. V. (2020). Demographic data on nomadic peoples according to the 1897 census. *Ogarev-Online*, (2). Retrieved <http://journal.mrsu.ru/arts/demograficheskie-dannye-o-kochevyx-narodax-po-dannym-perepisi-naseleniya-1897-goda> (In Russian).
- Ochirov, U. B. (2003). To the Question of the Number of Kalmyk Ethnic Groups Outside Kalmyk Nomadic Areas in the Late 17th-early 20th Centuries. *Mongolian Studies*, (3), 194–203. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. (1830a). *Vol. 4. Part. I. № 1908*. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. (1830b). *Vol 38. № 29 126*. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. (1830c). *Vol 40. № 30 290*. (In Russian).

- Complete Collection of Laws of the Russian Empire II. (1836). *Vol10. Addition to themomy IX vol. № 7560 a. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire II. (1838). *Vol 13. Part 2. № 10 956. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire II. (1848). *Vol 22. Part I. № 21 144. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire II. (1830a). *Vol 2. № 878. (In Russian).*
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire II. (1830b). *Vol 3. № 2296. (In Russian).*
- Popov, A. V. (1839). *Brief Notes on the Volga Kalmyks*. St. Petersburg: Printing Office of the Imperial Academy of Sciences. (In Russian).
- Strakhov, N. I. (1810). *About the Kalmyks. The Present State of the Kalmyk People, with an Appendix of Kalmyk Laws and Proceedings, Ten Rules of their Faith, Prayer, Moral Narrative, Tales, Proverbs, and Song of the Savardin*. St. Petersburg: Schnor Printing House. (In Russian).
- Syzdykova, S. J. (2018). On the dynamics of settlement and growth of the number of Turkmen of Stavropol Krai. *Humanities, Socio-Economics, and Social Sciences*, (2), 98–100. doi: 10.23672/SAE.2018.2.11495 (In Russian).
- Tyukhteneva, S. P. (2017). One Line-One Hundred: To the Question of Livestock Counting Methods among the Turkic-Mongolian Peoples. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences*, 10(5), 130–140. doi: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-130-140 (In Russian).
- Usmanova, D. M. (2015). Muslim metric books in the Russian Empire: Between Law, State, and Community (second half of the 19th century to the first quarter of the 20th century). *Ab imperio*, (2), 106–153. doi: 10.1353/imp.2015.0034 (In Russian).
- Farforovsky, S. V. (1909). *Nogays of Stavropol Province. Historical and Ethnographic Sketch*. Tiflis: printing house of K. P. Kozlovsky. (In Russian).
- Khodarkovsky, M. (2019). *Russia's Steppe Frontiers: How the Colonial Empire Was Created. 1500-1800*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).

SOME CHARACTERISTICS OF THE MENTALITY OF THE RUSSIAN KALMYKS AT THE END OF THE 19th CENTURY (ACCORDING TO THE TESTIMONY OF GOVERNMENT OFFICIALS)

Alexander N. Komandzhaev¹ (a), Evgeny A. Komandzhaev² (a)

(a) Kalmyk State University by the name of B. B. Gorodovikov. Elista, Russia

Abstract

The significance of studying the socio-cultural character of the Kalmyks is caused by the fact that the issue is poorly researched. The problems of mentality of this ethnic group have been considered mainly in the works of philosophers, cultural scientists and ethnologists, while in historical works, mainly in pre-revolutionary ones, we find only fragmentary notes about it. At the same time, new methodological approaches that have been established in historical science in recent decades allow us to take a fresh look at this problem. The aim of this article is to analyze some mental characteristics of the Kalmyks in the last quarter of the 19th century. The geographical scope of the study is the territory of the Kalmyk Steppe, a special administrative unit of the Astrakhan Province, where the nomadic Kalmyk population with a traditional way of life lived. The work is based on archival sources of administrative character, which are introduced into academic circulation for the first time. These are documents from the annual reports of the Astrakhan Governor on the condition of the Kalmyk Steppe, containing a small section on the morals of the Kalmyks in the 1870s.

The work is based on the application of a complex of general academic and specific historical methods. The principle of historicism allowed the authors to avoid modernization of the phenomena of Kalmyk life more than a century ago, the interdisciplinary approach and system analysis allowed to present the mental image of Kalmyks as an important element of the integral picture. The analysis of specific material on the problem showed the stability of Kalmyks' mental traits conditioned by the economic way of life, social relations and collectivism of social life, as well as spiritual and moral principles of Buddhism.

Keywords

the Kalmyk Steppe; ulus; nomads; mentality; morality; way of life; traditional culture

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [ak.narma\[at\]mail.ru](mailto:ak.narma@mail.ru)

2 Email: [komandzhaev\[at\]mail.ru](mailto:komandzhaev@mail.ru)

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ МЕНТАЛЬНОГО ОБЛИКА РОССИЙСКИХ КАЛМЫКОВ В КОНЦЕ XIX ВЕКА (ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ ЧИНОВНИКОВ АДМИНИСТРАЦИИ)

Команджаев Александр Нармаевич¹ (а), Команджаев Евгений Александрович² (а)

(а) Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова. Элиста, Россия

Аннотация

Актуальность рассмотрения социокультурного облика калмыков вызвана малоизученностью вопроса. Проблемы ментальности этой этнической группы рассматривались в основном в трудах философов, культурологов и этнологов, в то время как в исторических работах, преимущественно в дореволюционных, мы находим лишь фрагментарные заметки об этом. Вместе с тем новые методологические и методические подходы, утвердившиеся в исторической науке за последние десятилетия, позволяют нам по-новому взглянуть на данную проблему. Целью настоящей статьи является анализ некоторых ментальных черт калмыков в последней четверти XIX века. Географическими рамками исследования является территория Калмыцкой степи, особой административной единицы Астраханской губ., в которой проживало кочевое калмыцкое население с традиционным укладом жизни. Работа базируется на архивных источниках делопроизводственного характера, впервые вводимых в научный оборот. Это – материалы из ежегодных отчетов астраханского губернатора о состоянии Калмыцкой степи, в которых в 1870-е годы наличествовал небольшой раздел о нравственности калмыков. Главным источником нам послужило архивное дело 1897 г. из фонда Управления калмыцким народом под названием «Донесения попечителей улусов в Управление калмыцким народом, последнего – Астраханскому губернатору о нравственном и экономическом состоянии калмыцкого народа», в котором нашли отражение ценные наблюдения и свидетельства русских чиновников калмыцкой администрации о наиболее характерных чертах нравственного облика калмыков в указанный период.

Работа основана на применении комплекса общенаучных и конкретно-исторических методов. Принцип историзма позволил авторам избежать модернизации явлений калмыцкой жизни более чем столетней давности, междисциплинарный подход и системный анализ дали возможность представить ментальный облик калмыков как важный элемент целостной картины. Анализ конкретного материала по проблеме показал устойчивость ментальных черт калмыков, обусловленных хозяйственным укладом, социальными отношениями и коллективизмом общественной жизни, а также духовно-нравственными принципами буддизма.

Ключевые слова

калмыцкая степь, улусы, кочевники, менталитет, нравственность, уклад, традиционная культура

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: ak.narma@mail.ru

2 Email: [komandzhaev\[at\]mail.ru](mailto:komandzhaev[at]mail.ru)

ВВЕДЕНИЕ

Дореволюционные исследователи оставили нам ценные наблюдения и заметки об укладе жизни калмыков-кочевников, отмечая их отличительные признаки. Нередко это своеобразие кочевой жизни характеризовалось ими как цивилизационная отсталость. Советская историография утвердила марксистскую методологию в нomaдологии, подчинив ее линейному формационному подходу, в том числе кочевое своеобразие поместив в определение «кочевой феодализм» (Владимирцов, 1934). Тем не менее даже в рамках марксистского подхода у советских нomaдологов имела место дискуссия о сущностном содержании феодальной собственности у кочевников в середине XX в. (Материалы..., 1955). Тем временем на Западе развивался цивилизационный подход, ставивший во главу угла социокультурные различия, свидетельствующие о многообразии культурных миров. Признанные авторитеты этого подхода не включали кочевой мир в свою типологию цивилизаций, лишь отнеся кочевничество в число застывших цивилизаций, не имевших никакого потенциала для развития (Тойнби, 2001; Хантингтон, 2003). Зачастую регионы расселения нomaдов были отнесены к периферии соседних оседлых цивилизаций. Имевшие место факты развития в кочевом обществе объявлялись в этом случае результатом заимствований у этих соседей.

На современном этапе тезис о кочевой цивилизации широко распространен в научном мире. Что касается термина «монгольская цивилизация» и его содержания, то об этом резонно и достаточно подробно сказано в современной монголоведческой литературе (Проблемы истории..., 2000; Пути и механизмы..., 2015). Трудami проф. Железнякова А.С. это находится в стадии самоутверждения (Железняков 2016). В одной из своих работ Александр Сергеевич говорил о лучах монгольской цивилизации на примере Калмыкии и калмыков (Железняков, 2018). В продолжение этой мысли мы и подготовили данную статью, некоторые тезисы которой были апробированы нами в кратком устном докладе на Международной научной конференции «Российско-монгольские отношения: от истоков к современности (к 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией)» (Москва: ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, РАНХиГС. 19 февраля 2021 г.).

Наша цель достаточно конкретна: выявить основные черты ментального облика калмыков в конце XIX в. на основе свидетельств русских чиновников калмыцкой администрации. Период нами

выбран не случайно: прошло довольно продолжительное время после вхождения калмыков в состав России (300 лет) и 100 лет после ликвидации Калмыцкого ханства, в течение которого цивилизационно-культурная устойчивость калмыков была подвергнута испытаниям целым рядом событий и явлений: сокращение территории обитания, включение калмыцких улусов в общероссийскую административную структуру и всероссийский рынок, переселения русско-украинских крестьян в Калмыкию и становление с ними сотрудничества и коммуникаций, развитие путей сообщения с необходимой инфраструктурой и др. Мы ограничили географические рамки нашего небольшого исследования особой административно-территориальной единицей под названием «Калмыцкая степь Астраханской губернии», состоявшей из восьми улусов, в которых проживало кочевое калмыцкое население с традиционным укладом жизни. За пределами этих рамок остались Большедербетовский улус Ставропольской губ., калмыцкие казачьи станицы области Войска Донского и калмыцкие казачьи поселения в других регионах России, в том числе в Среднем Поволжье. Калмыки, проживавшие в указанных регионах, существенно отличались элементами хозяйственной деятельности, активным переходом к оседлости, системой управления и большей степенью социализации в российскую общественно-экономическую структуру. Наше исследование базируется главным образом на привлечении делопроизводственных документов из фонда Управления калмыцким народом Национального архива Республики Калмыкия, впервые вводимых в научный оборот, среди которых важное место занимают рапорты и донесения улусных попечителей о различных сторонах жизни калмыков, в том числе о духовно-нравственном состоянии народа. Эти достаточно искренние и доброжелательные наблюдения чиновников являются ценными источниками как свидетельства современников.

НЕМНОГО О ПРЕДШЕСТВУЮЩЕМ ПЕРИОДЕ

Калмыцкое общество в отличие от соседних, в том числе от кочевых, народов Юга Европейской России характеризовалось уникальным своеобразием. Калмыки являлись последними кочевниками евразийских степей, которые в позднее средневековье и раннее новое время в массовом масштабе совершили трансконтинентальный переход из Центральной Азии в Восточную Европу в начале XVII в. и обратно в 1771 г. Сложный характер русско-калмыцких отношений в XVII-XVIII вв. подтверждается большим количеством договоров (шертей) с калмыцкими правителями и отдельными владельцами –

несколько десятков в XVII в. Нередко после подписания шерты владельцы отдавали своих ближайших родственников (зачастую сыновей) в качестве заложников, но и это не останавливало их от нарушения договоренностей. По всей вероятности, калмыки предпочитали устные договоренности и к подписанию письменных обязательств относились крайне отрицательно как к выражению недоверия и унижению их достоинства.

Калмыки до недавних пор (до 1930-х гг.) занимались кочевым скотоводством, а перевод домашних животных на зимние пастбища происходил даже в рамках оседлого советского хозяйствования до 1960-х гг. Если это обстоятельство роднило калмыков с казаками, ногайцами и ставропольскими туркменами, то в лингвистическом, антропологическом, культурном и конфессиональном плане калмыки являлись уникальным народом. Калмыцкий язык относится к монгольским, в то время как кочевники-соседи говорили на тюркских языках, калмыки исповедуют буддизм в отличие от соседей-мусульман. Следует иметь в виду, что калмыки – старописьменный народ с богатым фольклором и летописанием. По мнению современных исследователей, эти и другие отличия способствовали этнической и культурной изоляции калмыков в южных регионах России и повлияли на становление и развитие калмыцкой государственности в XVII в. как важнейшего элемента защиты их идентичности. К тому же калмыки имели к этому времени значительный опыт государственности и законодательной традиции со времен Монгольской империи.

Причины последовавшего в 1771 г. ухода большинства калмыков из России до сих пор служат предметом активной оценки. В дореволюционный период уход калмыков трактовался как результат интриг калмыцкой знати и ее идеи восстановления новой ойратской государственности в Центральной Азии после падения Джунгарского ханства, а также как следствие ограничения политической самостоятельности Калмыцкого ханства (Бичурин, 1991; Нефедьев, 1834). В советской историографии сложилось стереотипное представление о причинах «калмыцкого исхода» 1771 г. в русле приоритетов об угнетенном положении национальных районов в царской России. В современной историографии причины ухода калмыков 1771 г. в значительной степени дополнены: Дорджиева Е.В. к ним относит неприятие калмыками русской культуры и самоидентификацию калмыков как части ойратского сообщества, а также калмыцкое «санамр», т.е. беспечность, безмятежность, жизнь одним днем (Дорджиева, 2002). На наш взгляд, в данном случае речь может идти об определенной социальной и

политической пассивности буддийского народа ввиду того, что буддийскую культуру отличает в большей мере стремление к самопознанию и саморазвитию. По мнению философов Уланова М. С. и Бадмаева В. Н., буддиста отличает стремление изменить себя, а не мир (Уланов & Бадмаев, 2016). Колесник В. И. к вышесказанному добавил тезис о достижении в Калмыцком ханстве определенного предела в демографической численности населения в 300 тыс. чел., после которого торгутские правители решили прибегнуть к испытанному методу сегментации, т.е. отпочкованию и переселению части калмыков в Центральную Азию. По его мнению, уход калмыков из России в 1771 г. имел всемирно-историческое значение: «Калмыцкая элита уводила весь народ, чтобы защитить средневековый суверенитет от наступления европейской государственности нового времени, возвращая ойратов в границы первоначального обитания» (Колесник, 2003, с.45). В целом, уход калмыков обратно в Центральную Азию в 1771 г. явился в огромной мере результатом цивилизационно-культурного столкновения.

Калмыки, являясь народом с устойчивой цивилизационно-культурной идентичностью и традиционным укладом жизни, сохраняли эти черты даже в начале XX в.: кочевой образ жизни, традиционное административно-территориальное деление, традиционный сословный строй. Некоторые представления о российских сословиях стали проникать в калмыцкое общество, по преимуществу, лишь в конце XIX – начале XX века у той небольшой части населения, которая, получив соответствующее образование, поступала на государственную службу. В целом, дореволюционное калмыцкое общество являлось восточным обществом с устоявшимися традиционными ценностями.

КАЛМЫКИ-КОЧЕВНИКИ В КОНЦЕ XIX В.: НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ МЕНТАЛЬНОГО ОБЛИКА

Калмыки в конце XIX в. продолжали вести кочевой образ жизни, основанный на скотоводческом хозяйстве. Начальные элементы оседлого хозяйствования у калмыков получили развитие лишь во второй половине XIX – начале XX века в узколокализованных зонах по соседству с переселенческим русско-украинским крестьянским населением на севере и юго-западе Калмыкии (Команджаев, 1982). В целом, калмыцкое население оставалось кочевым обществом с привычными видами скота. Львиную долю скота у калмыков составляли овцы калмыцкой грубошерстной породы, отличавшиеся высокими мясными кондициями (средний вес овцы более 60 кг),

шерсть которых использовалась для изготовления войлока, крайне необходимого кочевникам. Заметную долю в кочевом хозяйстве занимали верховые, тягловые и вьючные животные (лошади, верблюды и волы). Некоторое отличие структуры животноводческого хозяйства у калмыков указанного периода от хозяйства других кочевников Евразии заключалось в большей доле крупного рогатого скота – 41,5 % в начале XX в. (овцы составляли 37,6%, лошади – 16,3, верблюды – 4,6) (Команджаев, 1999, с.98).

Овцы, лошади и крупный рогатый скот относились к калмыцким породам скота, сформировавшимися еще в ойратский период и приспособленными к кочеванию в условиях аридных степей. При этом, по наблюдению этнографа И. Житецкого, скорость «кочевания» овец превосходила таковую у крупного рогатого скота почти в два раза (Житецкий, 1892, с.15). Скот обеспечивал калмыка всем необходимым: пищей, одеждой, жилищем (войлоком накрывали кибитки) и др. Поскольку скот круглогодично находился на подножном корму, производственная жизнь калмыка-скотовода отличалась известной размеренностью в течение всех сезонов и времени суток. Главный попечитель калмыцкого народа в своем рапорте от 24 февраля 1897 г. астраханскому губернатору отмечал: «Калмыцкий народ, уже несколько столетий состоящий под властью России, до сих пор остался народом кочевым и поэтому не утратил этих качеств нравственных и физических, которые выработал в нем кочевой быт» (НА РК, 1897, л.109). В том числе в связи с этим калмык являлся консервативным приверженцем традиционного уклада жизни. При этом было бы ошибкой полагать, что у калмыков-кочевников отсутствовало желание обустройства своей территории: многочисленны факты, когда на хотонных и аймачных сходах калмыки выступали против сдачи земли в аренду жителям соседних оседлых поселений или против разведения тонкорунных овец для сохранения пастбищ и защиты их от опустынивания. Следует также иметь в виду, что кочевой уклад калмыцкой жизни являлся единственно возможным способом существования в засушливой зоне. Суровые условия кочевой жизни и полная зависимость человека от природно-климатических явлений явились основой коллективизма и взаимопомощи, свойственных всем кочевым народам, в том числе и калмыкам. Отсюда – безусловная ценность равенства и справедливости в калмыцком правосознании, отложившейся в обычаях и в культуре народа. Размеренность кочевой жизни не означает, что калмыкам свойственны черты социального инфантилизма и отсутствие инициативы. Материалы свидетельствуют, что с XIX в. обедневшие калмыки активно занимались отход-

ничеством на рыбные и соляные промыслы, приступали к занятию земледелием и ремеслом.

К числу хороших нравственных качеств калмыков администрация относила их честность, верность договоренностям «хотя бы и данные на словах», «уважение к старости, призрение вдов и сирот, ... любовь к ближнему и гостеприимство, отсутствие враждебных чувств к людям, готовность помогать бедным, мягкость характера, уважение к духовным лицам» (НА РК, 1897, лл.80, 110 об). Эти качества, безусловно, явились следствием коллективизма, выработанного калмыками, как и многими евразийскими народами. При этом все чиновники калмыцкого управления обращали внимание на то обстоятельство, что у калмыков отсутствует уважение к имущественным правам («слабо укоренившееся в сознании калмыков понятие о праве собственности»), выражавшееся в распространенных случаях угона скота. При этом администрация объясняла эти случаи, как проявление свойственного калмыкам удальства: «Понятие о краже, особенно о конокрадстве, вследствие исторических обстоятельств, не соответствует современному представлению о краже. На кражу у чужих они смотрят, как на удальство, как на хороший поступок» (НА РК, 1897, л.80 об). Как правило, в этом случае скот возвращали владельцу и дело завершалось миром. Но с распространением рыночных отношений, в условиях которого наблюдалась социальная поляризация населения и изменялось традиционное представление о равенстве и справедливости, угоны скота к концу XIX в. приобрели социальный характер. В случаях неоднократного совершения подобного преступления калмыка судили на съезде мировых судей соседнего уезда (как правило, речь шла о 2-3-месячном тюремном заключении). Возвращение отбывшего наказание человека в прежнее место проживания допускалось только после согласия соответствующего хотонного или аймачного схода. В архивах содержится множество материалов по такого рода фактам.

Устоявшиеся веками у калмыков-кочевников формы коллективной жизни укоренили в них обычаи коллективного разрешения споров и вынесения наказаний. Отсюда – особая роль принятия присяги при решении ряда гражданских и уголовных дел (очистительная – для обвиняемого и ответчика, подтвердительная – для потерпевшего и истца). Чины администрации в 1897 г. признавали живучесть многовекового обычая «баранты» у калмыков, когда жители хотона, к которому привели следы угнанного скота, были обязаны вернуть этот скот или соответствующую денежную компенсацию (НАРК, 1897, л.118). Во второй половине XIX - начале XX века в случаях

многократного совершения угонов скота на аймачных сходах принималось решение о высылке «порочных членов» в Сибирь.

Вместе с тем, чиновники в конце XIX в. отмечали, что перемены в традиционном образе жизни калмыков порой приводили к негативным нравственным последствиям. В Калмыцкой степи было лишь одно оседлое поселение калмыков из разных улусов близ Астрахани – пос. Калмыцкий Базар, служившее местом торговли скотом. Попечитель пос. Калмыцкий Базар в своем рапорте в Управление калмыцким народом от 9 декабря 1896 г. отмечал, что у перешедших к оседлости калмыков «как в частной семейной жизни, так и жизни общественной, не наблюдается черт, говорящих о низком уровне их нравственности. Но из-за того..., что большинство калмыков занимается маклерством (посредничеством – авт.) на скотских базарах, то этот способ добывания средств к жизни заставляет их прибегать к разного рода уловкам, так что у некоторых калмыков ложь – явление заурядное» (НА РК, 1897, л.78). Во всех улусах Калмыцкой степи торговля у калмыков традиционно не считалась необходимым занятием: «торговля ... не в натуре калмыка, от природы ... боящегося всякого новшества». Администрация признавала, что «торгового класса между калмыками нет, вся торговля находится в руках русских и армян» (НА РК, 1897, л.82). Калмыки Эркетеневского улуса, также волею судьбы занимавшиеся отходничеством на рыболовные промыслы, по наблюдению попечителя улуса, становились «бесчестными хитрецами» в отличие от традиционных скотоводов этого улуса, казавшиеся чиновнику бесхитростным «наивным ребенком» (НА РК, 1897, л.83 об).

Однако подобные негативные явления не снижали высокой положительной оценки нравственного состояния кочевников, в связи с чем сохранялась устойчивость доказательной роли присяги при разрешении многих уголовных и гражданских дел, как и других элементов обычного права калмыков. Даже на пороге XX в. администрация Калмыцкой степи Астраханской губернии признавала приверженность калмыков договоренности при найме на работу: «Нанявшись в работу, калмык относится к ней добросовестно, и только в том случае не исполняет условий контракта, если видно, что другая сторона нарушает их» » (НА РК, 1897, л.110). На протяжении XIX века происходило активное внедрение норм российского права в Калмыкии. Однако этот процесс происходил постепенно, учитывая, что отношения в калмыцком кочевом обществе продолжали регулироваться нормами обычного права до 1917 г. Все вопросы, связанные с семейно-брачными отношениями, находились в ведении буддийского духовенства.

Порой, в случае соответствия проступков (например, в случае нанесения побоев мужем своей жене) статьям российского Устава о наказаниях, производилось дознание чиновником улусного управления, но для окончательного решения материалы следствия направлялись на согласование в ведомство Ламы калмыцкого народа.

Также чины калмыцкой администрации в конце XIX в. обратили внимание на распространение пьянства среди калмыков, приводившее к совершению уголовных преступлений. Попечитель Эркетевского улуса полагал, что ситуация с пьянством жителей данного района значительно лучше, чем у калмыков Малодербетовского улуса, «принявших самую плохую сторону цивилизации от крестьянских селений, расположенных со всех сторон». Главный попечитель в своем рапорте губернатору о нравственном состоянии калмыков от 24 февраля 1897 г. также обратил внимание на это негативное обстоятельство: «Живя близ русских селений и постоянно сталкиваясь с русскими ... калмыки научились употреблению русской водки и ее преимуществу перед калмыцкой. ... Пьянство сильно распространено в массах калмыцкого народа. ... Большинство преступлений совершается под влиянием опьянения». (НА РК, 1897, л.109). Ранее пьянство у калмыков было не распространено, поскольку, на наш взгляд, производство калмыцкой молочной водки путем перегонки из молока являлось очень трудоемким производством и потому редким событием. К тому же ее могли производить для ограниченного потребления во время каких-либо значительных мероприятий относительно состоятельные скотоводы, имевшие большое количество домашних животных. При этом калмыцкая водка, по наблюдению чиновников, не являлась объектом купли-продажи: «калмыцкая молочная водка не может быть продаваема, как дар божий» (НА РК, 1897, л.91 об).

На нравственный облик калмыков большое влияние оказал буддизм. В конце XIX с. главный попечитель представил в характерном для чиновника, не знакомого с проблемой, упрощенную характеристику роли буддизма в нравственном состоянии калмыков: «Краеугольным камнем его вероучения и конечной целью бытия, по взгляду ламаитов, является ... нирвана... . Может быть, этой основной догмой ламаизма можно объяснить, почему калмыки так мало заботятся о себе» (НА РК, 1897, л.109). В отчете за 1874 г. главный попечитель обратил внимание на такие черты калмыков, как «послушание распоряжениям правительства и покорность начальству, довольство своим положением, уживчивость с окружающим степь русским населением, хотя это население вторгается в пределы степи» (НА РК, 1874, л.27об.). Социолог и культуролог Сорокин П. А. с имеющей место гиперболиза-

цией отмечал, что для буддиста характерно «безразличие ко всему материальному» и земная жизнь не имеет для него самостоятельной ценности, важны вечные духовные ценности (Сорокин, 2000).

Многотрудная кочевая жизнь и буддизм в значительной степени усилили в калмыках такие общечеловеческие нравственные качества, как любовь к ближним, благожелательность к людям, готовность помочь. Как вышеуказанные, так и ряд других обстоятельств способствовали устойчивости у калмыков, как и у многих кочевых народов, норм обычного права. Также администрация признавала, что у калмыков в изучаемый период отсутствовало такое явление как нищенство. По данным за 1872 г. в калмыцких улусах Астраханской губ. насчитывалось 218 сирот, 57 инвалидов и 32 незрячих и глухонемых (НА РК, 1872, л.11). По обычаю, большинство призревались хотонными обществами, хурулами, родственниками и зажиточными сородичами. «Между собой калмыки обнаруживают высокие качества нравственности: по долговым обязательствам, в попечении о сиротах и в семейной жизни. ... Обычаи их вытекают, с одной стороны, из вероучения, с другой, из условий их жизни и местности» - отмечал в рапорте главный попечитель (НА РК, 1897, лл. 83 об.,115).

У калмыков традиционно женщина пользовалась уважением и почетом. По мнению чиновников, у калмыков «особенно высоко понятие об охранении чести женщины» и характерно «уважение к чести женщины и семейной жизни». (НА РК, 1897, л. 80об.). При этом калмыцкая семья существовала «в форме гражданского брака с легкостью развода», как отмечали чиновники (НА РК, 1897, л.98 об.). Они же замечали, что у калмыков очень распространен обычай так называемого «похищения невесты». На самом деле, по их свидетельству, «воровство невесты производилось по предварительному сговору с невестой и практиковалось только бедными людьми во избежание лишних расходов на сватовство и свадьбу» (НА РК, 1897, л. 83 об.).

ВЫВОДЫ

В целом, устойчивые социокультурные ценности у калмыков сформировались в русле восточных традиций, провозглашавших единство общества и человека, при этом общество зачастую воспринималось как единое целое. Отсюда – коллективизм и приоритет общих интересов, значительно усилившиеся в суровых реалиях кочевой жизни. В современной научной литературе справедливо обращено внимание на военное происхождение категорий чести и достоинства у калмыков (Четырова, 2017).

В культурном отношении калмыцкое общество представляло из себя носителя другой восточной культуры с собственными институтами: языком, своей письменностью, национальной литературой, системой буддийского образования, религией. Лишь с середины XIX в. калмыцкое общество стало включаться в систему российского образования, здравоохранения и в силу необходимости коммуникаций с другими народами России представители интеллигенции и чиновничества из калмыков приступили к изучению русского языка.

Исследователи много пишут о восточной правовой культуре, основанной на коллективизме, взаимопомощи и приоритете обязанностей человека по отношению к его правам, что относится в полной мере к калмыцкому историческому наследию. В связи с этим исследователи включают Калмыкию в ареал буддийской цивилизации. Труды Сорокина П.А., Васильева Л.С. и др. обозначены некоторые признаки буддийской цивилизации (Сорокин, 2000; Васильев, 2000). Б. Китинов акцентировал внимание на особую роль буддийского фактора в истории ойратов: «... развитие истории определяется не столько чьими-то интересами или силой, сколько верованиями и ценностями, формирующими показатели идентичности» (Китинов, 2020, с. 35). Несмотря на мнение Данилевского Н. Я. о том, что культурно-историческая типология должна строиться не по конфессиональному, а по этнорегиональному принципу (Данилевский, 1991), концепция буддийской цивилизации является вполне устоявшейся в современной науке и развитие калмыцкого общества справедливо рассматривается также в этом русле.

Список литературы

- Бичурин, Н. Я. (1991). *Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Васильев, Л. С. (2004). *История религий Востока*. Москва: Книжный дом «Университет».
- Владимирцов, Б. Я. (1934). *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Ленинград: Академия наук.
- Данилевский, Н. Я. (1991). *Россия и Европа*. Москва: Книга.
- Дорджиева, Е.В. (2002). *Исход калмыков в Китай в 1771 г.* Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ.
- Железняков, А. С. (2016). *Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа*. Москва: Восточный мир.
- Железняков, А. С. (2018). Монголия в цивилизационных схемах мировой истории. *Историческая психология и социология истории*, (1), 39-62.

- Железняков, А. С., Энхтувшин, Э., & Чулуунбаатар, Г. (Ред.). (2015). *Пути и механизмы трансквиализационного взаимодействия России и Монголии: Сборник материалов конференции 7-8 сентября 2015 г., г. Улаанбаатар*. Улаанбаатар: Институт социологии РАН, Институт востоковедения РАН, Академия наук Монголии, Институт философии АН Монголии.
- Житецкий, И. А. (1892). *Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). В 2 очерках*. Астрахань: Типография «Астраханского листок».
- Китинов, Б. У. (2020). Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771). Автореферат диссертации доктора исторических наук. Москва: ИВ РАН.
- Колесник, В. И. (2003). Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII-XVIII вв. Автореферат диссертации доктора исторических наук. Волгоград: ВолГУ.
- Команджаев, А. Н. (1982). О месте переселенческого хозяйства в аграрной эволюции Калмыкии (конец XIX-начало XX в.). В *Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии* (сс. 91-102). Элиста: КНИИЯЛИ.
- Команджаев, А. Н. (1999) *Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX-начале XX в.: исторический опыт и современность*. Элиста: АПП «Джангар».
- Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период*. (1955) Ташкент: Издательство Академии наук УзССР.
- НА РК (1872). Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 9. Опись 1. Дело 16.
- НА РК (1874). Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 9. Опись 1. Дело 20.
- НА РК (1897). Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 9. Опись 1. Дело 144.
- Нефедьев, Н. А. (1834). *Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте*. Санкт-Петербург : типография К. Крайя.
- Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. (2000) В *История. Философия. Социология. Филология. Искусство: материалы Международной научной конференции* (Т.4). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Сорокин, П. А. (2000). *Социальная и культурная динамика*. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института.
- Тойнби, А. Дж. (2001). *Постижение истории: сборник*. Москва: Рольф.
- Уланов, М. С., & Бадмаев В. Н. (2016). Буддизм в контексте типологии цивилизаций. *Философские науки*, (10), 28-40.
- Хантингтон, С. (2003). *Столкновение цивилизаций*. Москва: ООО «Издательство АСТ».
- Четырова, Л. Б. (2017). Ментальность калмыков: истоки и причины изменений. *Новые исследования Тувы*, (3). doi: 10.25178/nit.2017.3.8

References

- Bichurin, N. Y. (1991). *Historical Review of the Oirats or Kalmyks from the Fifteenth Century to the Present*. Elista: Kalmyk Book Publishing House. (In Russian).
- Chetyrova, L. B. (2017). Kalmyk Mentality: Origins and Causes of Change. *New research on Tuva*, (3). doi: 10.25178/nit.2017.3.8 (In Russian).
- Danilevsky, N. Ya. (1991). *Russia and Europe*. Moscow: Kniga. (In Russian).
- Dorjieva, E.V. (2002) *Exodus of Kalmyks to China in 1771*. Rostov on Don: SKNC VSH. (In Russian).
- Huntington, S. (2003). *The Clash of Civilizations*. Moscow: "Publishing house AST". (In Russian).
- Kitinov, B. U. (2020). Buddhist factor in political and ethnic history of Oirats (middle of XV century - 1771). Author's abstract of the dissertation Doctor in History. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Kolesnik, V. I. (2003). The Last Great Nomad: The Kalmyks' Transition from Central Asia to Eastern Europe and Back in the XVII-XVIII Centuries. Author's abstract of the dissertation Doctor in History. Volgograd: Volgograd State University. (In Russian).
- Komandjaev, A. N. (1999). *Economy and social relations in Kalmykia at the end of XIX-beginning of XX century: historical experience and contemporaneity*. Elista: APP "Dzhangar". (In Russian).
- Kommandjaev, A. N. (1982). On the role of migrant farming in the agrarian evolution of Kalmykia (late 19th-early 20th century). In *Problems of the Agrarian History of Pre-Revolutionary Kalmykia* (pp. 91-102). Elista: KNIHLL. (In Russian).
- Materials of the Joint Scientific Session on the History of Central Asia and Kazakhstan in the Pre-November Period*. (1955). Tashkent: Publishing house of the Academy of Sciences of UzSSR. (In Russian).
- NA RK. (1872). National Archives of the Republic of Kalmykia. Fund 9. Inventory 1. Record 16. (In Russian).
- NA RK. (1874). National Archives of the Republic of Kalmykia. Fund 9. Inventory 1. Record 20. (In Russian).
- NA RK. (1897). National Archives of the Republic of Kalmykia. Fund 9. Inventory 1. Record 144. (In Russian).
- Nefedyev, N. A. (1834). *Detailed information about the Volga Kalmyks collected on the place*. St. Petersburg: printing house of K. Kray. (In Russian).
- Problems of History and Culture of Nomadic Civilizations of Central Asia (2000). *History. Philosophy. Sociology. Philology. Art: Proceedings of the International Scientific Conference* (Vol. 4). Ulan-Ude: BSC SB RAN. (In Russian).
- Sorokin, P. A. (2000). *Social and Cultural Dynamics*. St. Petersburg: Christian Institute of Humanities. (In Russian).
- Toynbee, A. J. (2001). *A Study of History*. Moscow: Rolf. (In Russian).

- Ulanov, M.S., & Badmaev, V. N. (2016). Buddhism in the context of the typology of civilizations. *Philosophical Sciences*, (10), 28-40. (In Russian).
- Vasiliev, L. S. (2004). *History of the Religions of the East*. Moscow: Book House "University". (In Russian).
- Vladimirtsov, B. Y. (1934). *Social system of the Mongols. Mongol nomadic feudalism*. Leningrad: Academy of Sciences. (In Russian).
- Zheleznyakov, A. S. (2016). *Mongolian Civilization: History and Modernity*. Theoretical justification of the atlas. Moscow: Vostochnyi Mir. (In Russian).
- Zheleznyakov, A. S. (2018). Mongolia in civilizational schemes of world history. *Historical psychology and sociology of history*, (1), 39-62. (In Russian).
- Zheleznyakov, A. S., Enkhtuvshin, E., & Chuluunbaatar, G. (Eds.). (2015). *Ways and Mechanisms of Transcivilization Interaction between Russia and Mongolia: Proceedings of the Conference September 7-8, 2015, Ulaanbaatar*. Ulaanbaatar: Institute of Sociology RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Academy of Sciences of Mongolia, Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia. (In Russian).
- Zhitetsky, I. A. (1892) *Astrakhan Kalmyks (observations and notes)*. In 2 sketches. Astrakhan: "Astrakhanskiy Listok". (In Russian).

THE ARMENIAN APOSTOLIC CHURCH IN THE POLITICS OF THE RUSSIAN EMPIRE: THE SEARCH FOR AN ADMINISTRATIVE OPTIMUM

Amiran T. Urushadze

Southern scientific center RAS. | European University at Saint-Petersburg, Saint-Petersburg, Russia.
Email: [aurushadze\[at\]eu.spb.ru](mailto:aurushadze[at]eu.spb.ru)

Abstract

The article analyzes governmental debates on the functions, rights and privileges of the Armenian Catholicoi in the context of inter-institutional controversies. The author attempts to identify and analyze the most influential programmes for solving the “Echmiadzin issue” and their origins presenting at the same time certain aspects of political interaction between the Russian Empire and the Armenian Church as overlapping processes and related events. The history of relationships between Russian state and Armenian Church in XIX–XX centuries shows that different actors of the imperial politics had different ideas about the optimal model of cooperation with Echmiadzin. The divisions took place not only between the various departments (the Ministry of Internal Affairs versus the Ministry of Foreign Affairs), but also within them, where individual officials could hold “anti-departmental” views in each particular case. All this hindered administrative consolidation, slowed down the empire's response to important political challenges and dragged the imperial structures into protracted service-hierarchical confrontations. The “Etchmiadzin Question” and the governmental discussions around it show in part the administrative paralysis of the autocracy and the decompensation of the system of power in the Russian Empire in the early 20th century.

The article employs a rich documentary base of archival materials from the collections of the Russian State Historical Archive. These materials are introduced into the scholarly discourse for the first time ever.

Keywords

Caucasus; Armenian Apostolic Church; North Caucasus Frontier; Russian Empire; Armenian Catholicoi; Ethno-Confessional Policy; Historical Memory; Viceroys of the Caucasus

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

АРМЯНСКАЯ АПОСТОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПОИСК АДМИНИСТРАТИВНОГО ОПТИМУМА

Урушадзе Амиран Тариелович

Южный научный центр РАН | Европейский университет в Санкт-Петербурге.
Санкт-Петербург, Россия. Email: aurushadze@eu.spb.ru

Аннотация

В статье представлена попытка анализа правительственных дискуссий о функциях, правах и привилегиях армянских католиков в контексте межведомственных противоречий. Определены и рассмотрены наиболее влиятельные программы решения «эчмиадзинского вопроса», а также их происхождение. Перечисленные стороны политического взаимодействия Российской империи и Армянской церкви представлены в едином поле пересекающихся процессов и связанных событий. История взаимоотношений Российского государства и Армянской церкви в XIX – начале XX вв. показывает, что различные акторы имперской политики имели разные представления об оптимальной модели взаимодействия с Эчмиадзином. Водоразделы проходили не только между различными ведомствами (министерство внутренних дел против министерства иностранных дел), но и внутри них, когда отдельные чиновники могли придерживаться в каждом конкретном случае «антIVEDOMСТВЕННЫХ» взглядов. Все это препятствовало административной консолидации, замедляло реакцию империи на важные политические вызовы, втягивало имперские структуры в затяжные служебно-иерархические противостояния. «Эчмиадзинский вопрос» и правительственные дискуссии вокруг него отчасти показывают административный паралич самодержавия и декомпенсацию системы власти в Российской империи начала XX в.

Статья основана на обширной документальной базе, которую составили, прежде всего, впервые вводимые в научный оборот архивные материалы из фондов Российского государственного исторического архива.

Ключевые слова

Кавказ; Армянская апостольская церковь; северокавказский фронт; Российская империя; армянские католики; этноконфессиональная политика; историческая память; кавказские наместники

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Взаимоотношения Российского государства и Армянской апостольской (Григорианской) церкви занимают особое место в истории интеграции Кавказа в пространство империи Романовых. Духовный центр армян – Эчмиадзин – перешел под российский контроль в результате русско-персидской войны 1826–1828 гг., которая завершилась заключением Туркманчайского мирного договора 10 февраля 1828 г. И хотя армянское духовенство встречало российские войска колокольным звоном и крестным ходом, между имперской администрацией и армянскими лидерами начали проявляться недоверие и подозрительность. Главноуправляющий в Грузии и командующий Отдельный Кавказским корпусом И.Ф. Паскевич в письме к генералу И.И. Дибичу от 3 марта 1828 г. отмечал, что опасается замыслов архиепископа Нерсеса (Аштаракеци):

«На счет Нерсеса я нахожусь в большом затруднении, политика запрещает мне устранить его совершенно от дела; между тем, ежели оставить его при сем влиянии, то монастырские притязания будут бесконечны...» (АКАК, 1878, с. 486).

И.Ф. Паскевич опасался внешнеполитической самостоятельности армянского иерарха, стремления к расширению церковной собственности (на отвоеванных у Персии территориях), а также его «всегдашней склонности к интригам» (с. 255). Российское начальство тревожилось, что своевольный и энергичный Нерсес сменит престарелого католикоса Ефрема I в качестве духовного лидера всей армянской общины.

«Если это место (армянского католикоса – А.У.) займет человек предприимчивый, склонный к интригам и упрямый, то при всех покушениях правительства к лучшему образованию духовного управления армянского, может он прибегнуть к армянам турецким и персидским и противопоставить их благим намерениям светского начальства», –

отмечал Паскевич в письме к главноуправляющему духовными делами иностранных исповеданий Д.Н. Блудову (с. 262).

В мае 1828 г. Нерсес был переведен в Бессарабию, где возглавил местную армянскую епархию. Спустя пятнадцать лет в 1843 г. архиепископа Нерсеса избрали католикосом Армянской апостольской церкви. Эта история показывает сложность взаимоотношений Российского государства и Армянской церкви. Империя стремилась использовать

авторитет Эчмиадзина в собственных внешнеполитических интересах и, прежде всего, в качестве одного из рычагов давления на Турцию с ее многочисленной армянской общиной. Но армянские католико́сы так и не стали послушным инструментом российского правительства. Независимое поведение армянских духовных лидеров, их епархиальная и школьная политика зачастую шли вразрез с имперскими управленческими принципами, создавали многочисленные конфликты с региональной и центральной администрацией государства Романовых. Во второй половине XIX в. церковь начинает играть ключевую роль в армянском национальном движении. Это вызывает еще большую тревогу российских администраторов, среди которых были сторонники как жесткой, так и мягкой политики в отношении «армянского вопроса».

В современной историографии тема взаимоотношений Российской империи и Армянской церкви регулярно привлекает внимание исследователей, что свидетельствует о ее актуальности и перспективности. Прежде всего, необходимо отметить концептуальную и фундаментальную статью П. Верта, в которой историк проанализировал взаимоотношения российских властей и армянских католико́сов в 1828-1914 гг. Особенно значимым является вывод П. Верта об ограниченности политических возможностей российской власти в деле контроля над Армянской церковью, что стало следствием внешнеполитических мотивов (Верт, 2006, с. 137; 2012, с. 204).

К сходному выводу пришла и Е.Н. Кумпан, которая отметила также рост антиправительственных выступлений со стороны армянских политических активистов. Осторожность правительства в регулировании деятельности Армянской церкви объяснялась, по мнению Е.Н. Кумпан, в том числе опасениями революционного подъема (Кумпан, 2019).

Роли католико́сов в общественно-политической жизни южной окраины империи посвящены обстоятельные статьи И.В. Амбарцумова, выделившего две основные причины конфликта Российского государства и Армянской церкви на рубеже XIX–XX вв.: непродуманные репрессивные действия официальных властей и радикальные настроения католико́са Мкртича I (1892–1907) (Амбарцумов, 2010; 2012). В литературе анализировались и взаимоотношения католико́сов с российскими властями на раннем этапе – в первой половине XIX в. Здесь необходимо отметить работы С.С. Лазаряна о проблемах взаимопонимания И.Ф. Паскевича и архиепископа Нерсеса (Лазарян, 2018) и А.В. Месропяна о церковной политике империи в Восточной Армении (Месропян, 2012).

Краткий анализ современной историографии показывает, что исследовательское внимание сфокусировано в основном на проблемах взаимоотношений имперских институтов с одной стороны и Армянской церковью, представляемой католиками, – с другой. Очевидно, что империя избрала сложную стратегию выстраивания своеобразного партнерства с Армянской апостольской церковью. Это совершенно не похоже на прямолинейную и жесткую ликвидацию автокефалии Грузинской православной церкви в 1811 г., прервавшую 1500-летнюю традицию независимой церкви в исторической Грузии (Рыбаков, 2012). Действительно, рассчитывая использовать Эчмиадзин как фактор внешнеполитического давления, империя ограничила себя в выборе средств административного контроля. С этим тезисом, зафиксированным в историографии, невозможно спорить, но представляется важным сделать следующий шаг. Необходимо проанализировать, как различные акторы имперской политики рефлексировали эту нестандартную имперскую ситуацию.

Кроме того, вопрос взаимоотношений с армянскими католиками выходил далеко за пределы религиозной политики Российской империи. Успешные армянские предприниматели играли важную роль ключевых партнеров империи в деле интеграции южной окраины в состав Российского государства. Об этом можно с уверенностью говорить в отношении, к примеру, первого кавказского наместника М.С. Воронцова (1844–1853), который «завещал» своим преемникам влиятельного армянского коммерсанта И. Мирзоева: «Кто бы ни был на моем месте, я или другой, необходимо всегда будет обращаться к советам Мирзоева и к его весу в общественном мнении», – отмечал наместник в письме управляющему делами Кавказского комитета В.П. Буткову от 6 октября 1852 г. (РГИА, n.d., ф. 1250, оп. 2, д. 12, л. 12.) Во второй половине XIX в. усилилось общественное влияние армянских интеллектуалов, которые издавали несколько газет, популярных среди местного населения. В них по-разному оценивалась политика российской администрации. Церковь являлась важным элементом армянского национального движения, но далеко не единственной его движущей силой.

В предлагаемой статье представлена попытка анализа правительственных дискуссий о функциях, правах и привилегиях армянских католиков в контексте межведомственных противоречий. Определены и рассмотрены наиболее влиятельные программы решения «эчмиадзинского вопроса», а также их происхождение. Перечисленные стороны политического взаимодействия Российской империи

и Армянской церкви представлены в едином поле пересекающихся процессов и связанных событий.

ПОИСКИ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

В июле 1872 г. один из представителей когорты «либеральных бюрократов» А.П. Николаи, занимавший в это время должность начальника главного управления кавказского наместника, писал министру внутренних дел А.Е. Тимашеву, что только лояльный империи католикос может быть проводником российских интересов среди армянского населения Турции. В противном случае, по мнению А.П. Николаи, католикос станет стремиться к приобретению не только духовного, но и политического авторитета, что превратит его в угрозу империи (РГИА, п.д., ф. 821, оп. 138, д. 77, л. 24). А.П. Николаи жаловался на показную самостоятельность католикоса Геворга (Кеворка) IV (1865–1882). Особенно местную российскую администрацию нервировала

«принятая неоднократно патриархом привычка сноситься не только со своими единоверцами в Турции, но даже с турецкими министрами непосредственно от себя помимо здешнего главного начальства...» (л. 26).

Претензии, сформулированные А.П. Николаи, были небезосновательны. Геворг IV, как и его предшественники, тяготились плотной опекой российской администрации. Место армянского католикоса в имперской государственной системе, круг его полномочий и порядок избрания (фактически назначения) были определены «Положением об управлении делами Армяно-Григорианской церкви в России» от 11 марта 1836 г. (ПСЗ РИ, 1837, с. 194–209). Этот закон стал итогом многолетней работы (1829–1836) по изучению и кодификации установлений армянской церкви. Но его нормы были выработаны и на основе политической практики, а именно проведения выборов католикоса весной 1831 г. (Вартанян, 1999, с. 95–105). По точному наблюдению П. Верта, Положение 1836 г. было вполне типичным и полностью соответствовало опыту империи в регулировании конфессиональных отношений (Верт, 2006, с. 109).

Согласно «Положению», выборы католикоса проходили по многоступенчатой системе. Каждая епархия армянской церкви избирала двух депутатов (духовного и светского), которые отправлялись в Эчмиадзин. Надо отметить, что внутри Российской империи были выделены шесть армянских епархий: Нахичеванская, Бессарабская, Астраханская, Эриванская, Грузинская, Карабахская и Ширванская. В то время как турецких епархий насчитывалось 45. Это давало турецким армянам полный и решительный перевес на выборах като-

ликоса, в сумме у них было 90 голосов из 115 (РГИА, n.d., ф. 82, оп. 138, д. 80, л. 3). Такой расклад повлиял на избрание нового католикоса в 1858 г., когда в выборах впервые активно участвовали представители турецких армян.

Депутаты от епархий совместно с эчмиадзинской духовной администрацией и местными монахами сначала избирали четырех кандидатов на патриарший престол. Затем, в ходе второго этапа голосования, из четырех избирались два кандидата. Именно эти две кандидатуры через главу кавказской администрации и Министерство внутренних дел представлялись российскому императору. Самодержец назначал католикоса из двух претендентов (ПСЗ РИ, 1837, с. 194–209). После избрания католикос должен был присягнуть на верность престолу Романовых. Такая процедура ставила главу армянской церкви в подчиненное зависимое положение. В «Положении» были зафиксированы и другие ограничения прав католикоса. Так, в случае, если католикос намеревался покинуть Эчмиадзин более чем на четыре месяца, он был обязан просить на это разрешение российского императора через Министерство внутренних дел.

Центральный институт администрации армянской церкви – Эчмиадзинский синод – формировался католикосом совместно с коронной администрацией. Глава церкви представлял царю для утверждения по две кандидатуры на каждое место. Новые монастыри, церкви и семинарии могли быть открыты исключительно с санкции местной имперской администрации и МВД. Учебные планы, а также внутренний распорядок армянских духовных семинарий проходили обязательную процедуру утверждения в имперских административных институтах. Все эти многочисленные бюрократические пути должны были обеспечить лояльность армянского католикоса, за которой пристально следили региональные начальники и МВД. Но, приобретая внутриимперскую административную лояльность, католикос мог растерять международный авторитет.

Соответственно расходились и позиции различных российских государственных институтов. В министерстве иностранных дел звучали голоса, призывающие повысить авторитет эчмиадзинского престола путем расширения его административной автономии. Министерство внутренних дел и кавказская региональная администрация доказывали необходимость сохранения контроля над армянским католикосом. В 1871–1872 гг. посол в Стамбуле Н.П. Игнатьев предлагал пересмотреть Положение 1836 г. в сторону смягчения его ограничительных императивов. Кавказская администрация выступила резко против либеральной ревизии (РГИА, n.d., ф. 821, оп. 138, д. 77,

л. 26). Обсуждалась также идея проведения в Эчмиадзине большого собора армянской церкви с участием представителей турецких, персидских и индийских епархий армянской церкви. В министерстве иностранных дел полагали, что подобный объединительный собор усилит международное влияние эчмиадзинской администрации, а кавказское начальство опасалось роста нестабильности на южной окраине империи.

Многое в отношениях региональной имперской администрации и армянского католикоса зависело от личных неформальных связей. Первому кавказскому наместнику М.С. Воронцову (1844–1854) удалось выстроить открытые, едва ли не дружеские отношения с католикосом Нерсесом V, который, еще будучи архиепископом, так нервировал И.Ф. Паскевича. Нерсес V с большим радушием встречал наместника и его жену Е.К. Воронцову в Эчмиадзине, а также организовал пышный прием цесаревичу Александру Николаевичу 6–7 октября 1850 г. Католикос даже выписал московского повара для организации питания наследника и его свиты (Ерицов, 1898, с. 40–41). М.С. Воронцов не оставался в долгу и благожелательно встречал просьбы католикоса и армянского духовенства. Так, летом 1845 г. наместник ходатайствовал к председателю Кавказского комитета и военному министру А.И. Чернышеву о возобновлении армянской церкви в Нухе (РГИА, п.д., ф. 1268, оп. 1, д. 825, л. 1–3). В отчете об управлении Кавказом за 1846–1848 гг. М.С. Воронцов писал:

«Назначение (курсив – Авт.) патриархом всех армян Нерсеса имело самое полезное влияние на устройство Армянской церкви и приведение дел ее в порядок. Неутомимая деятельность и заботливость этого почтенного старца дали ход многим полезным предприятиям, остававшимся до него без движения» (РГИА, п.д., ф. 1268, оп. 3, д. 22, л. 64; АКАК, 1885, с. 857).

Преемники М.С. Воронцова не смогли завязать с армянскими католикосами столь дружественных неформальных отношений. Не могли способствовать этому и большие изменения в порядке выборов главы армянской церкви, которые произошли после смерти Нерсеса V.

В 1857 г. кавказский наместник А.И. Барятинский в отзыве председателю Кавказского комитета А.Ф. Орлову

«высказал мнение о желательности направить избрание католикоса на лицо из числа турецких армянских духовных сановников, дабы этим способом восстановить влияние эчмиадзинского престола на армянскую церковь в Турции, а чрез то и на армян турецко-подданных вообще» (РГИА, п.д., ф. 821, оп. 138, д. 80, л. 6.).

Замысел А.И. Барятинского не лишен практического смысла: отношения Эчмиадзина и турецких армян были прерваны Крымской войной (1853–1856). Избрание католикосом архиепископа одной из турецких епархий Армянской церкви выглядело как надежное средство восстановить и расширить эти связи. Согласно «Записке о порядке выбора патриарха всех армян», подготовленной А.П. Николаи в 1883 г.,¹ кавказский наместник А.И. Барятинский понимал, что, инициировав избрание «турецкого» католикоса, империя может получить враждебно настроенного духовного лидера. Однако наместник рассчитывал, что эта угроза будет нивелирована большинством голосов, которое, по его ошибочному мнению, принадлежало российским армянам, а также чувством самодержавной преданности армянского населения (РГИА, п.д., ф. 821, оп. 138, д. 80, л. 6). Расчеты эти оказались ошибочны.

Как уже отмечалось выше, выборы армянского католикоса 1858 г. прошли при абсолютном большинстве голосов представителей турецких армян (90 из 115). «Турецкие» голоса представляли российские подданные Туманов и Гургенбеков, которые получили соответствующие полномочия от армянского национального собрания в Константинополе. Католикосом всех армян единогласно избрали константинопольского патриарха Маттеоса I, который и возглавлял Эчмиадзин до своей смерти 22 августа 1865 г.

Новый католикос не стал проводником российского влияния в Османской империи. Скорее наоборот, его инициативы по пересмотру Положения 1836 г. и артикулируемое недовольство имперским контролем расшатывали лояльность российского армянского населения и вызывали тревогу администрации. Уже после смерти Маттеоса I российский посол в Стамбуле Н.П. Игнатъев отметил в одной из депеш:

«Маттеос оставил нам урок, который стоит запомнить. Покровительствуемый нами и, как считалось, преданный нашим интересам, он вскоре отвернулся от нас и в конце своей жизни позволил вспыхнуть враждебным настроениям по отношению к нам» (РГИА, п.д., ф. 821, оп. 138, д. 80, л. 6).

В сентябре 1866 г. в Эчмиадзине прошли очередные выборы армянского католикоса. Они примечательны участием двух депутатов из Стамбула, которые представляли голоса «турецких» епархий. Ими являлись Сисский епископ Нерсес и коммерсант Акоп-ага Нурединян. Характеристики представителей армянских епархий

1 «Записка» А.П. Николаи представляет значительный интерес как документ, обсуждавшийся на трех Особых совещаниях по армянским делам в 1883, 1884 и 1891 гг.

Османской империи представлены в журнале действительного статского советника М.Е. Чилиева. Если об Акоп-аге М.Е. Чилиев отзывался как о «лице ничтожном, безвестном, бессловесном и подставном», то епископ Нерсес удостоился противоположной оценки. Российский чиновник отметил обширные познания и природный ум Нерсеса, а также призывал начальство заручиться поддержкой столь талантливого духовного лидера (РГИА, п.д., ф. 821, оп. 138, д. 87, л. 78).

Еще до прибытия стамбульских депутатов, константинопольский армянский патриарх Богос II в обращении к эчмиадзинскому синоду писал о существовании в Османской империи 65 армянских епархий, что увеличивало количество «турецких» голосов на выборах католикоса до 130 (л. 7). Кавказская администрация проигнорировала эти претензии константинопольского патриарха, но это не имело решающего значения. Новый католикос Геворг IV ранее занимал кафедру армянской церкви в Бурсе.

Геворг IV пытался балансировать: официально выражал преданность российским интересам, но на практике стремился к расширению своих прав и полномочий. Выше уже отмечалось, что Геворг IV поддерживал прямой контакт со своими влиятельными корреспондентами в Турции. Кроме того, католикос решительно выступил против подчинения армянских церковно-приходских школ российскому учебному начальству. Выдержать сложный политический баланс Геворгу IV не удалось. Российская администрация подозревала католикоса в намерении подорвать имперский суверенитет на южной окраине, а в Турции его популярность, особенно в последние годы патриаршества, пошла на убыль. Армяне Османской империи серьезно обсуждали перспективу разрыва с Эчмиадзином и признание духовного лидерства Сисского католикоса (РГИА, п.д., ф. 821, оп. 138, д. 79, л. 3).

В «Записке» А.П. Николаи подчеркивал, что и Маттеос I, и Геворг IV стремились

«придать патриаршеской власти характер не только высшего духовного, но и светско-национального главенства над армянской нацией, при возможно полной независимости от нашего правительства» (РГИА, п.д., ф. 821, оп. 138, д. 80, л. 8).

На рубеже 1870–1880-х гг. в российских ведомствах и административных институтах, причастных к выработке правительственного курса в отношении Армянской церкви, понимали, что стратегия поддержки «турецких» претендентов показала свою несостоятельность. Начался поиск новых принципов избрания армянских католикосов.

Российской бюрократической элите пришлось признать, что попытки использовать армянского католикоса во внешнеполитических целях провалились. Причинами этого были не только нестеснительность и честность католикосов, но и внутренние политические процессы, протекавшие в Османской империи. Модернизация Османского государства (Танзимат) в годы правления султана Абдул-Меджида I (1839–1861) затронула и вопрос статуса немусульманского населения. Уже Гюльханейский хатт-и шериф («благословенный указ»), обнародованный 3 ноября 1839 г., среди прочего декларировал равенство всех подданных султана вне зависимости от конфессиональной принадлежности (Петросян, 2017, с. 238–239). В условиях дипломатического противостояния накануне Парижского мирного конгресса, подводившего итоги Крымской войны (1853–1856 гг.), османское правительство 18 февраля 1856 г. обнародовало хатт-и хумаюн («высочайший указ»). Этот документ подтверждал все принципы «благословенного указа» 1839 г., а также декларировал право немусульманских религиозных общин, в том числе армянской, на широкое самоуправление (Ueno, 2016, p. 412).

Танзимат привел к своеобразному армянскому ренессансу в Османской империи (Ueno, 2013). Армянский патриарх в Константинополе превратился во влиятельную политическую фигуру, провинциальные турецкие армяне почувствовали свою связь со столичной общиной, подъем переживали армянская журналистика и искусство. Достаточно отметить, что первую профессиональную театральную труппу Стамбула, которая появилась в 1868 г., возглавил Акоп Варто-вьян (Петросян, 2017, с. 247).

Турецкие армяне обрели собственное место в османском административно-правовом пространстве, что лишало российского самодержца статуса единственного защитника и покровителя армянского народа. Константинополь, а не Эчмиадзин являлся религиозно-политическим центром для армянской общины обеих империй.

«При тех условиях, в которых находится ныне армянское народное управление в Константинополе, едва ли можно ожидать, чтобы патриарх константинопольский добровольно отрекся от своей давностью освященной, фактической независимости, от эчмиадзинского престола, и чтобы светское общество подчинилось влиянию духовного главы, в пределах России восседающего» (РГИА, п.д., ф. 821, оп. 138, д. 80, л. 8), –

признавалось в «Записке» А.П. Николаи.

В качестве элементов новой стратегии в отношениях с эчмиадзинскими католикосами российское правительство в 1880-х гг. обсу-

ждало принцип невмешательства в выборы главы армянской церкви и необходимость прямого участия турецких армянских епархий в избрании католикоса. Последнее условие казалось российской правящей элите особенно важным с учетом имеющегося опыта и раскладки голосов, которые приводили к ситуации, когда выбор очередного католикоса предreshался еще в Константинополе. Российское правительство желало видеть католикосом представителя российских епархий Армянской церкви, это должно было обеспечивать соответствующую лояльность:

«Патриарх из среды русского армянского духовенства не внесет, по крайней мере в Эчмиадзин, тех прискорбных веяний, которые несутся из Босфора» (л. 13).

Однако рассматривался и другой исход выборов, при котором эчмиадзинский престол занимал армянский иерарх из турецких епархий. В этом случае со стороны имперских властей предполагалась формальная учтивость при непоколебимой твердости в принуждении католикоса следовать нормам российского законодательства. На Особом совещании по армянским делам в марте 1883 г. было принято решение «обращать главное внимание не на национальность, а на личные качества» кандидатов в католикосы.

Тогда же предлагались и более решительные, если не сказать авантюрные, варианты разрешения политического тупика в деле организации взаимодействия с армянскими католикосами. В 1882 г. едва заступивший на должность кавказского главноначальствующего князь А.М. Дондуков-Корсаков (1882–1890) представил императору Александру III «Очерк политического состояния Кавказа» (РГИА, п. д, ф. 932, оп. 1, д. 296, л. 1–14). Документ касался и «армянского вопроса». А.М. Дондуков-Корсаков отметил, что армянский католикос пользовался в Российской империи «беспримерными правами» и при этом имел на местное население «вредное для целей правительства влияние». Наибольшей опасностью, по словам А.М. Дондукова-Корсакова, был политический характер эчмиадзинского патриаршего престола, который в глазах армянского населения выступал воплощением идеи политического единства всех армян. Кавказский главноначальствующий признавал, что ранее поддержка статуса армянских католикосов как духовных лидеров всех армян – и прежде всего турецких – могла иметь перспективы. Но с приобретением в результате Танзимата турецкими армянами политических прав и привилегий, а также явными признаками мощной армянской ирреденты эта политика должна была уйти в прошлое. Вместо нее

А.М. Дондуков-Корсаков предлагал воспользоваться уже упоминавшимся противостоянием Сисского и Эчмиадзинского патриархатов, довести его до раскола армянской церкви, а значит обеспечить и политическое разобщение армян двух империй.

«В таком случае Эчмиадзинский патриарх остался бы только духовным главой русских армян и мог бы быть поставлен, по отношению к нашему правительству и к своей пастве, в одинаковые с духовными главами других иноверческих исповеданий условия» (л. 5), –

подводил итог предлагаемой политической интриге А.М. Дондуков-Корсаков.

Идея кавказского главноначальствующего не получила продолжения. Однако само ее появление является свидетельством отсутствия у российского правительства ясного плана действий. Процесс пересмотра принципов взаимоотношений с католиками явно затягивался, и это расширяло конфликт империи и армянской церкви.

П. Верт отметил, что к 1890-м годам российское правительство пересмотрело свое отношение к армянским католикам и возглавляемой ими церкви. Новый правительственный курс, по мнению американского историка, привел к неудачной попытке секуляризации имущества армянской церкви в 1903–1905 гг. (Верт, 2006, с. 118). В целом, такая интерпретация верно отражает направление смены политического вектора, но упускает из виду некоторые детали и механизмы этого поворота.

В июле 1885 г. армянским католиком стал российский подданный архиепископ Нахичевано-Бессарабской епархии Макарий, но это не привело к нормализации отношений правительства и армянского католика. Напротив, новый католикос прямо отвергал требования администрации, чем вызывал недовольство кавказского главноначальствующего и МВД. В начале 1891 г. правительство было вынуждено вновь вернуться к обсуждению «армянского вопроса» в рамках Особого совещания. Вопросы, вокруг которых была построена работа особого совещания, были сформулированы МВД и показывают масштаб кризиса:

«1) Не следует ли признать в настоящее время несбыточной мысль о том, что правительство может пользоваться влиянием патриарха-католика на заграничных армян для достижения каких-либо политических целей на Востоке?

2) Надлежит ли правительству, при выборах верховного патриарха, поддерживать какого-либо кандидата из русских или заграничных армянских духовных лиц?

- 3) Необходимо ли озаботиться об уравнивании голосов русских и заграничных армян при выборах верховного патриарха и представляется ли эта цель достижимой?
- 4) Какой способ следует признать наиболее удобным для прекращения произвольных распоряжений патриарха по училищным делам?
- 5) Какие меры следует принять в виду обнаружившегося вообще уклонения патриарха католикоса Макария от исполнения законов и требований правительства?
- 6) Какие распоряжения представляются необходимыми в том случае, если патриарх и Эчмиадзинский Синод, не ограничиваясь уклонениями от исполнения законов, перейдут к явному сопротивлению?» (РГИА, n.d., ф. 821, оп. 138, д. 80, л. 20).

В контексте проблемы выбора лояльного католикоса наиболее важными являлись второй и третий вопросы. Подчеркнем, что они активно обсуждались уже несколько десятилетий и находились в центре внимания российского правительства и регионального начальства. Участники Особого совещания вынуждены были признать, что механизмов прямого и эффективного административно-политического воздействия на армянского католикоса у российских властей нет. Следствием этого признания стала стратегия невмешательства в выборы католикоса, при этом российское правительство оставляло за собой право не утверждать главой армянской церкви «лиц заведомо враждебных» (л. 21). Также было признано излишним стремление к уравниванию количества голосов «русских» и «заграничных» депутатов.

Может показаться, что Особое совещание 1891 г. фактически капитулировало перед вызовом, связанным с политико-административным регулированием Армянской церкви. Но это не совсем так. Наряду с решениями, которые символизировали отказ от идеи манипулирования Эчмиадином в политических целях, империя пыталась внедрить в практику выборов католикоса важное ограничение. Участники Особого совещания сошлись во мнении, что империя может признавать в качестве духовных депутатов от «турецких» епархий Армянской церкви только тех, которые были посвящены в сан или самим эчмиадзинским католикосом, или заняли соответствующую кафедру с его санкции. Это автоматически повышало влияние Эчмиадзина в армянских епархиях на территории Османской империи, а также ограничивало их самостоятельность. Однако практически реализовать этот принцип было крайне затруднительно.

К ограничительным мерам следует отнести и рекомендации министерства народного просвещения, которые касались регулирования работы армянских церковно-приходских школ (четвертый вопрос). МНП предлагало организовать управление школами на общих основаниях Положения о начальных училищах (25 мая 1874 г.). Это означало передачу школ Армянской церкви в ведение чиновников МНП. Армянскому духовенству предполагалось оставить только наблюдение за преподаванием «основ» армяно-григорианского вероисповедания (Закона Божия).

«Только этим путем правительство может положить конец возникающим ныне многочисленным бесплодным пререканием по вопросу о названных школах и обеспечить себе уверенность, что массы детей низших классов народонаселения, пользующиеся сими школами, будут воспитываемы в надлежащем духе и направлении», –

подчеркивалось в отзыве МНП (л. 23).

В 1892 г. католикосом был избран подданный османского султана Мкртич (Хримиан), который ранее возглавлял константинопольский армянский патриархат. Эти выборы внешне показали, что Российская империя дистанцировалась от проблемы подбора лояльного католикоса. Мкртич I продолжил независимую политику своих предшественников и уклонялся от следования курсом, определенным российским правительством, вступал в конфликты с региональной и центральной администрацией. Это вновь вернуло МВД и кавказскую администрацию к обсуждению характеристик потенциально лояльного католикоса, столь желаемого империей.

Рефлексии на эту тему посвящено письмо министра внутренних дел Д.С. Сипягина (1899–1902) к главноначальствующему на Кавказе князю Г.С. Голицыну (1896–1905) от 10 декабря 1901 г. Министр отметил, что российское правительство поддерживало избрание «турецких» католикосов с расчетом усилить влияния Эчмиадзина на всем Ближнем Востоке.

«Но, возведенные в сан католикосов турецкие подданные Матеос и Кеворк, сами подпавши под влияние заграничных неблагонамеренных армян, сделались их послушными орудиями для распространения в наших пределах национальной армянской политической пропаганды и вступили в непрерывную борьбу с органами нашего правительства» (л. 27), –

подводил печальный итог такого правительственного курса Д.С. Сипягин. Министр внутренних дел объяснял такое поведение

католикоса Мкртича I и его предшественников из турецких подданных тем, что

«упомянутые лица, рожденные и воспитанные в Турции, не были в состоянии понять справедливых требований нашего правительства и постоянно пытались применять у нас те деспотические приемы, к которым они привыкли в прежнем своем отечестве» (л. 27).

Д.С. Сипягин видел выход из ситуации противостояния правительства и армянских католикосов в избрании исключительно российских подданных, владеющих русским языком, «знакомых с требованиями цивилизованного государства», а также «привыкших повиноваться предписаниям власти». Министр планировал представить это правило на рассмотрение и утверждение императора.

В ответном письме от 12 марта 1902 г. Г.С. Голицын не согласился с Д.С. Сипягиным. Признав, что владение русским языком и российское подданство – это позитивные стороны биографии кандидата в католикосы, кавказский главноначальствующий сомневался в их решающем значении. Г.С. Голицын предлагал вспомнить католикоса Макария, который, несмотря на российское подданство, русский язык и прочие формальные достоинства, по словам главноначальствующего, «был едва ли не худшим из всех других эчмиадзинских патриархов, не исключая и прибывших из Турции» (л. 29). Из истории с избранием Макария, а также несколькими другим примерам неблагонадежности армянских иерархов Г.С. Голицын делал вывод о бесполезности принципа «русскости», предлагаемого Д.С. Сипягиным. Главноначальствующий считал более уместным оставаться в рамках тактики невмешательства в выборы католикоса, то есть придерживаться решений Особого совещания 1891 г. Кроме того, Г.С. Голицын выражал опасение, что правительственное давление могло только ухудшить положение:

«Не достигнув своей цели, мы в то же время вызвали бы, особенно среди турецких депутатов-избирателей, весьма понятное недовольство и раздражение, а такое настроение в избирательном собрании при свойственной армянам страстности и запальчивости может повести к нежелательным последствиям» (л. 29).

Продолжить дискуссию Д.С. Сипягину не довелось, 2 апреля 1902 г. его убили члены боевой организации эсеров.

Противоположные мнения, высказанные главой МВД и кавказским главноначальствующим, показывают, что у российского правительства не было общепринятой стратегии решения перманентных

конфликтов в отношениях с армянскими католикосами. Действия правительства и региональной администрации носили скорее реактивный характер, хотя и учитывали предшествующий опыт. Российская империя надеялась получить после новых выборов лояльного католикоса, но всякий раз обманывалась в этих надеждах и расчетах. Новые разочарования провоцировали обсуждение ограничительных и даже откровенно репрессивных мер, однако их планомерное внедрение наталкивалось на правовые и политические препятствия. Положение 1836 г. ограничивало как армянского католикоса, так и имперские власти. Наиболее ярко это проявилось в невозможности отрешения католикоса от эчмиадзинского престола, такая процедура просто не была предусмотрена в российском законе. В политическом отношении грубое административное давление на католикоса было сопряжено с серьезными рисками. Оно могло вызвать рост антироссийских настроений среди армянской диаспоры, а также способствовать радикализации армянского национального движения внутри государства Романовых.

Отчаянная попытка поставить католикоса под контроль империи была предпринята в 1903 г., когда началась конфискация имущества армянской церкви. Необходимо отметить, что эта мера обсуждалась с 1895 г. и вызвала раскол российского управленческого класса. Большинство российских министров во главе с министром финансов С.Ю. Витте выступили против секуляризации Армянской церкви. Николай II поддержал кавказского главноначальствующего Г.С. Голицына, который настаивал на конфискации, и министерское меньшинство. Это решение вызвало масштабный протест армянского населения, предводителями которого стали католикос Мкртич I и Армянская революционная федерация (Дашнакцутюн). В августе 1903 г. (через два месяца после начала секуляризации) католикос Мкртич I выступил с письменным запретом армянскому духовенству содействовать имперской администрации в проведении конфискации церковного имущества. Священников, ослушавшихся запрета, католикос подвергал наказаниям.

14 октября 1903 г. на Г.С. Голицына было совершено покушение. Это произошло во время вечерней прогулки главноначальствующего на коджорской дороге. Нападавших было трое, и один из них успел нанести несколько ударов кинжалом Голицыну по голове. Благодаря расторопности кучера и охраны главноначальствующий не получил серьезных ранений, а нападавшие не успели скрыться. Один из них был убит в перестрелке, двое других смертельно ранены. Как отметила газета «Кавказ»,

«все три злоумышленника принадлежат к низшим классам армянского населения» (Кавказ, 1903, с. 2).

Активное сопротивление не поколебало решимости имперских властей, напротив, разрабатывались новые и еще более жесткие политические акции. 15 октября 1903 г. министр внутренних дел В.К. фон Плеве (1902–1904) представил императору Николаю II всеподданнейший доклад, в котором подверг действия католикоса Мкртича резкой критике. Министр отметил, что католикоса следовало отдать под суд, однако его почтенный возраст и популярность среди армянского населения «представляли для правительства немаловажные неудобства» при организации преследования по закону (РГИА, п.д., ф. 821, оп. 138, д. 90, л. 2).

В.К. фон Плеве предложил несколько практических мер, которые должны были ограничить самостоятельность католикоса и показать решительный настрой правительства. Во-первых, министр внутренних дел испрашивал согласия императора на объявление Мкртичу I высочайшего неудовольствия «за самовольные и противозаконные действия». Во-вторых, рекомендовал объявить католикосу о том, что решение о конфискации церковных имуществ «бесспорно». В-третьих, предлагалось установить правило, согласно которому назначения преподавателей армяно-григорианских семинарий, настоятелей монастырей, епархиальных vikariev согласовывались бы с кавказской администрацией. В-четвертых, В.К. фон Плеве предлагал начать официальное межведомственное обсуждение вопроса о «желательных изменениях в положении патриарха-католикоса». По замыслу министра внутренних дел, кроме него самого в определении нового статуса армянского католикоса должны были принять участие министр иностранных дел и кавказский главноначальствующий. Предложения В.К. фон Плеве были утверждены Николаем II за одним исключением: царь посчитал излишним объявлять Мкртичу I свое неудовольствие (л. 4).

Жесткость некоторых формулировок доклада В.К. фон Плеве свидетельствует о серьезности намерений по трансформации статуса католикоса и формата взаимоотношений с ним. Министр внутренних дел указывал на беспрецедентность внешних атрибутов власти армянских католикосов, «какими не пользуются истинные вселенские патриархи православной нашей церкви». Широкие права и привилегии католикоса, по мнению В.К. фон Плеве, являлись следствием «сознательного политического попустительства». Оппозиционные действия католикосов Макария и Мкртича глава МВД характеризовал

как «чисто папские притязания». Категоричность и решительность В.К. фон Плеве в проведении секуляризации имущества армянской церкви заставляют критически воспринимать сведения из популярных воспоминаний В.И. Гурко, представляющих министра внутренних дел противником конфискации (Гурко, 2000, с. 466).

Политические замыслы МВД, направленные на ограничение прав и привилегий армянских католиков, находили поддержку у региональной администрации. В декабре 1903 г. оскорбленный покушением, но не испугавшийся Г.С. Голицын предложил изменить статус армянского католика и порядок выборов на престол Эчмиадзина. Голицынский проект предусматривал ликвидацию вселенского значения эчмиадзинского католика и ограничение его «владений» границами Российского государства. Соответственно, изменялся и порядок выборов католика, в которых, согласно предложениям главноначальствующего, должно было участвовать только духовенство Эчмиадзинского монастыря без приглашения каких-либо депутатов от армянских епархий. В письме к В.К. фон Плеве от 25 января 1904 г. Г.С. Голицын кардинальным образом пересмотрел свои взгляды на качества, необходимые претенденту в католики. Если в 1902 г. кавказский главноначальствующий критически отзывался о предложении Д.С. Сипягина избирать католиком только русского подданного, то спустя два года Г.С. Голицын писал следующее:

«...надлежало бы установить, чтобы и кандидаты в патриархи избирались только из русско-подданных (так в тексте – А.У.), воспитанных в России» (РГИА, п.д., ф. 821, оп. 138, д. 80, л. 31).

Предложения Г.С. Голицына повторяли уже упоминавшиеся идеи А.М. Дондукова-Корсакова, которые последний изложил еще в 1882 г. Это важно подчеркнуть, учитывая, что подобные планы будут вновь активно обсуждаться правительством в 1907–1908 гг. В историографии, как правило, указывается, что автором проекта трансформации вселенского армянского католика в заурядного епархиального начальника являлся Г.С. Голицын (Верт, 2006, с. 127), но это было сформулировано еще в 1882 г. А.М. Дондуковым-Корсаковым в «Очерке политического состояния Кавказа».

Однако политическое давление на армянское духовенство сменилось в 1905 г. поисками компромисса. По мнению П. Верта, это было связано как с активными волнениями на Южном Кавказе, так и с общим кризисом самодержавия. Такая оценка нуждается в дополнении. Как мы видели, протесты армянского католика и вооруженные акции армянских националистов не испугали российскую

региональную администрацию. Осенью–зимой 1903 г. на фоне антиправительственных протестов начался энергичный обмен мнениями МВД и кавказского главноначальствующего о проекте изменения статуса армянского католикоса. Весной 1905 г. прокурор Эчмиадзинского синода А. Френкель представил записку о деятельности возглавляемого им института для сведения министра В.К. фон Плеве. Документ наполнен критическими оценками деятельности армянских католикосов, которые, по мнению А. Френкеля, «весьма ощутительно доказали правительству всю обманчивость возлагавшихся на них надежд» (РГИА., п.д., ф. 821, оп. 138, д. 90, л. 116). Что свидетельствует о том, что проект изменения статуса католикоса имел все шансы получить законодательное утверждение. В наибольшей степени этому помешало не армянское национальное движение, а убийство министра внутренних дел В.К. фон Плеве 15 июля 1904 г. Кавказский главноначальствующий Г.С. Голицын потерял ключевого союзника в столице. Новый министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский являлся оппонентом В.К. фон Плеве и не разделял политических идеалов своего предшественника. Дальнейшее продвижение проекта ограничения прав и привилегий армянского католикоса приостановилось.

В январе 1905 г. Г.С. Голицын покинул Кавказ и в Тифлис в статусе наместника прибыл И.И. Воронцов-Дашков (1905–1915). Указ «О восстановлении должности наместника на Кавказе» (Законодательные акты переходного времени, 2010, с. 28–29). Николай II подписал 26 февраля 1905 г. Наместничество восстанавливалось в пределах территории, находившейся под управлением главноначальствующего: наместник управлял и северной, и южной частями российского Кавказа. Он наделялся широкими полномочиями в гражданской и военно-полицейской сферах управления; являлся членом Государственного совета, Совета и Комитета министров, главнокомандующим войсками наместничества. Как и ранее, наместник подчинялся непосредственно императору.

Невозможность постоянного участия наместника в заседаниях высших государственных институтов компенсировалось учреждением должности постоянного представителя наместника в Петербурге – своеобразного Кавказского комитета в одном лице. Эту должность 13 мая 1905 г. занял барон Э.Ю. Нольде, опытный чиновник, управляющий делами Комитета министров, статс-секретарь.

Почти сразу после приезда в Тифлис И.И. Воронцов-Дашков в личном обращении просил Николая II отменить конфискацию имущества Армянской церкви. Император согласился с доводами наместника, который указывал, что церковная секуляризация способ-

ствовала росту революционных настроений среди армянского населения края:

«В террористических актах против представителей правительственной власти, прикосновенных так или иначе к отобранию имущества, участвовали косвенно, если не деньгами, то сочувствием, все кавказские, а быть может и многие российские, армяне» (Воронцов-Дашков, 1907, с. 8–9), –

отмечал И.И. Воронцов-Дашков.

Покровительство, которое наместник оказывал армянам, объясняется поиском социальной опоры в регионе. Восстановление должности наместника с его широкими полномочиями и служебными привилегиями министры встретили без воодушевления. Все знали и помнили, как сложно контролировать кавказских наместников, с одной стороны, облеченных личным доверием царя, а с другой – пользовавшихся популярностью местного населения. И.И. Воронцов-Дашков пытался добиться и первого, и второго. Это была единственная стратегия, позволявшая рассчитывать на административно-политическую свободу действий. Министрам во главе с С.Ю. Витте почти удалось ликвидировать самостоятельность наместника уже в декабре 1905 г. Совет министров подготовил программу административного реформирования края, которая предполагала

«поставить наместника в теснейшую связь с общегосударственной политикой, преследуемую под верховным руководством монарха центральным правительством, объединяемым ныне в Совете министров» (Совет министров Российской империи, 1900, с. 121–125).

И все же И.И. Воронцову-Дашкову удалось устоять благодаря успехам в борьбе с революционными беспорядками. Под впечатлением от хороших новостей с Кавказа Николай II решил поддержать наместника и проводимый им политический курс (Исмаил-Заде, 2005, с. 129). Документы, которые И.И. Воронцов-Дашков представлял Николаю II, почти неизменно содержали своеобразное кредо всех кавказских наместников – Кавказом нельзя управлять из Петербурга (Кавказ и Российская империя, 2005, с. 493).

Особое положение наместника предопределяло его оппозиционность в отношении административных инициатив и проектов министерской бюрократии и, прежде всего, МВД. После продолжительной чехарды министров внутренних дел (с лета 1904 до весны 1906 г. они успели смениться четырежды) 26 апреля 1906 г. во главе МВД стал П.А. Столыпин (1906–1911). Уже в декабре 1906 г. П.А. Столыпин обратился к «эчмиадзинскому вопросу». Причиной

внимания министра к проблеме взаимоотношений с католиками стало, по его собственной характеристике, «хаотическое состояние управления духовными делами Армяно-Григорианской церкви в империи» (РГИА, п.д., ф. 821, оп. 138, д. 90, л. 167). П.А. Столыпин предложил разработать новое положение по управлению Армянской церкви «без присвоения ей той исключительной самостоятельности, которой она пользуется в настоящее время в ущерб государственным интересам» (л. 167).

И.И. Воронцов-Дашков ответил министру 29 января 1907 г., высказался резко против любых законодательных изменений в положении и статусе Армянской церкви до полной стабилизации политического положения на южной окраине империи. После смерти католика Мкртича I 29 октября 1907 г. П.А. Столыпин счел удобным «приступить к приведению моего намерения в исполнение» (л. 167). Требуется пояснить, почему ситуация, когда место католика оказалось вакантным, представлялась министру внутренних дел подходящей для преобразований, поскольку в историографии замечен дефицит подобных объяснений. П.А. Столыпин разделял вопрос о функциях и правах армянского католика и проблему нового административного положения об управлении Армянской церковью. По мнению министра, время между смертью одного католика и выборами нового удобно для пересмотра статуса, прав и обязанностей главы армянской церкви. После того, как новый католик уже на новых условиях возглавит Армянскую церковь, следовало, по замыслу П.А. Столыпина, разработать новое положение по управлению всей церковью. В этом случае новый административный порядок будет согласован с католиком и таким образом получит все необходимые санкции для полноценного функционирования. Столыпинский план состоял из двух ходов: первый – обеспечить лояльного и контролируемого католика; второй – получить покорную и связанную административными ограничениями Армянскую церковь.

Отметим, что проект П.А. Столыпина предусматривал, в том числе, введение процедуры отстранения католика от должности, чего так не хватало российской администрации для полноценного давления на несговорчивых армянских пастырей. В целом, проект министра внутренних дел следовал в русле предложений А.М. Дондукова-Корсакова и Г.С. Голицына, но содержал также аргументацию в духе «Записки» А.П. Николаи. Так, подчеркивая необходимость ограничения участия заграничных армян в выборах католика, П.А. Столыпин цитировал (впрочем, не ссылаясь) А.П. Николаи и указывал на подавляющий численный перевес представителей

«турецких» епархий, который приводит к ситуации, когда «избрание патриарха эчмиадзинского совершается не в Эчмиадзине, а в Константинополе» (л. 172).

Предложения МВД натолкнулись на противодействие и критику не только наместника, но также Министерства иностранных дел. Один из первых эпизодов бюрократического противостояния произошел уже в декабре 1907 г., когда министр иностранных дел А.П. Извольский (1906–1910) переслал в МВД депеши российского посла в Константинополе И.А. Зиновьева. В этих документах пересказывалась просьба константинопольского армянского патриарха Малахии назначить новые выборы католикоса на 1 мая 1908 г. П.А. Столыпин категорично отверг обоснованность просьбы патриарха Малахии и даже отметил свое подозрение в том, что

«возбуждение этого ходатайства имело место не без участия Эчмиадзина, который, опасаясь едва ли для него неожиданного решения правительства о пересмотре Положения об Армяно-Григорианской церкви и католикоса в России, стремится всеми средствами сократить период вакантности патриаршего престола» (л. 185).

В марте 1908 г. МИД направил МВД официальный отзыв на предложения по реформе управления Армянской церкви. Министр иностранных дел выступил резко против намеченной МВД программы. А.П. Извольский считал, что ликвидация вселенского статуса армянского католикоса – крайне непродуманная и опасная акция сразу по двум причинам. Во-первых, пересмотр российского законодательства, по мнению главы МИД, не гарантировал его реализации. А.П. Извольский обоснованно отмечал, что вселенский статус Эчмиадзина обеспечен армянской религиозно-церковной традицией, которую перемены российских законов будут не в состоянии поколебать. Во-вторых, как подчеркивалось в отзыве А.П. Извольского,

«отнятие у Эчмиадзинского престола его вселенского характера явилось бы нарушением прямых государственных интересов России» (л. 201).

Под этим императивом А.П. Извольский понимал как кризисное состояние российского Кавказа, так и нестабильные отношения с Османской империей, которые грозили новым конфликтом. Здесь контраргументы министра иностранных дел и кавказского наместника сходились – пересмотр Положения 1836 г. мог вызвать новый революционный кризис на южной окраине империи, а также лишить Россию возможности использовать фактор Эчмиадзина в дипломатической борьбе с Османской империей.

Единодушие и сильные аргументы МИД и наместника заставили МВД отказаться от большей части задуманного, но П.А. Столыпин не думал сдаваться. Возможно, настойчивость министра внутренних дел основывалась на некотором разладе внутри ведомства А.П. Извольского. В своей выдающейся статье П. Верт отметил, что, прежде чем раскритиковать проект МВД, А.П. Извольский запросил мнение посла в Константинополе И.А. Зиновьева (Верт, 2006, с. 129). Может сложиться впечатление, что именно И.А. Зиновьев сформулировал основные выпады против столыпинского проекта. Однако ситуация оказалась сложнее. Еще 22 декабря 1907 г. директор департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД В.В. Владимиров частным образом запросил мнение посла И.А. Зиновьева о проекте трансформации статуса католикоса и реформе управления армянской церковью (РГИА, п.д., ф. 821, оп. 138, д. 90, л. 187). Необходимо отметить, что И.А. Зиновьев являлся одним из наиболее опытных российских дипломатов. Он работал в Персии, Средней Азии, руководил Азиатским департаментом МИД. В своем ответе на запрос МВД И.А. Зиновьев почти во всем поддержал проект П.А. Столыпина:

«...было бы как нельзя более желательно не упоминать в нашем законодательстве о вселенском значении католикоса и подвергнуть пересмотру узаконения, определяющие права католикоса и обязанности его к русскому правительству» (л. 190), –

отмечал посол.

Тем не менее, протест МИД и наместника заставил МВД сменить позицию. В последующем обмене мнениями П.А. Столыпин отступил от намерения кардинального пересмотра Положения 1836 г. и предлагал довольно умеренную программу, которая включала три пункта: первый – католикос должен был знать русский язык; второй – голоса российских и заграничных армян на выборах должны быть уравновешены; третий – привилегии католикоса должны быть уточнены. Как видно, в этих предложениях не было ничего нового, их аргументация повторяла содержание записок Г.С. Голицына и планов Д.С. Сипягина и В.К. фон Плеве. Но даже эти меры были поставлены под сомнение А.П. Извольским и И.И. Воронцовом-Дашковым. По их мнению, условие обязательного знания русского языка претендентами на престол католикоса, с одной стороны, никак не гарантировало лояльности главы Армянской церкви, а с другой – подрывало вселенское значение католикоса. МИД выступало против уравнивания голосов депутатов до выборов, но выражало готовность пойти на это после проведения процедуры. Причины такой

позиции крылись в опасности возникновения обвинений в том, что участие турецких армян в выборах католикоса было умышленно ограничено по политическим мотивам. И, наконец, А.П. Извольский, в принципе, не возражал против уточнения административных прав и привилегий армянского католикоса, однако ссылаясь на необходимость дополнительной правовой разработки этого вопроса.

В августе 1908 г. Совет министров принял решение не вводить никаких новелл в Положение 1836 г. Выборы католикоса проводились по традиционным правилам, с одним лишь незначительным дополнением: на последней ступени выборов голоса подавались тайно, что позволяло депутатам чувствовать себя свободнее (Верт, 2006, с. 130–131). П.А. Столыпин был вынужден согласиться с тем, что преобразование порядка выборов католикоса и трансформация его статуса могут усилить политическую турбулентность и привести к эскалации насилия на южной окраине империи.

Новым католикосом в 1908 г. стал Маттеос II, который ранее возглавлял константинопольский патриархат Армянской церкви. Маттеос II пользовался огромной личной популярностью как защитник турецких армян. Вполне возможно, что популярный католикос мог выбрать независимую линию поведения и доставить имперской администрации множество неудобств. Но Маттеос II скончался через полтора года. В 1911 г. главой эчмиадзинского престола стал Геворг V, который нес службу на протяжении 18 лет. П.А. Столыпин так и не смог убедить Совет министров в необходимости преобразований системы управления Армянской церкви. После убийства Столыпина 5 сентября 1911 г. этот вопрос и вовсе исчезает из политической повестки.

ВЫВОДЫ

Взаимное непонимание и подозрительность в отношениях между Российской империей и Армянской церковью присутствовали с момента присоединения Восточной Армении в 1828 г. Несмотря на тщательную подготовку, «Положение» 1836 г. не стало универсальным средством гармоничного сосуществования. Многие определялись наличием у российских администраторов неформальных связей с Эчмиадзином. В качестве примера здесь следует указать на успешный опыт первого кавказского наместника М.С. Воронцова, которому удалось выстроить доверительные отношения с католикосом Нерсесом V.

В дальнейшем отношения балансировали между холодной официальностью и откровенной враждебностью. Российская империя

рассчитывала использовать католиков во внешнеполитических целях, связанных с давлением на Османскую империю и гипотетическим участием в разделе османского наследства. Однако католики своими независимыми действиями раз за разом демонстрировали призрачность этих надежд. В 1880-е гг. представители региональной администрации предложили несколько вариантов решения «эчмиадзинского вопроса». Умеренная программа была представлена в «Записке» А.П. Николаи (1883 г.), предлагавшего наладить контакты с провинциальными армянскими епархиями в Османской империи для нейтрализации «электоральной» гегемонии константинопольских армян. Радикальные преобразования по ликвидации вселенского статуса католика были изложены в «Очерке» А.М. Дондукова-Корсакова (1882 г.). Последующие проекты имперских властей или прямо основывались на этих документах, или повторяли артикулированные в них принципы и положения. Российское правительство на рубеже XIX–XX вв. попыталось поставить Армянскую церковь под контроль, однако революционные протесты и внешнеполитические мотивы заставили Петербург отказаться от репрессивной политики. Но это были не единственные причины показательного бессилия имперской власти.

История взаимоотношений Российского государства и Армянской церкви в XIX – начале XX вв. показывает, что различные акторы имперской политики имели разные представления об оптимальной модели взаимодействия с Эчмиадзином. Водоразделы проходили не только между различными ведомствами (МВД против МИД), но и внутри них, где отдельные чиновники могли придерживаться в каждом конкретном случае «антIVEDOMСТВЕННЫХ» взглядов. Все это препятствовало административной консолидации, замедляло реакцию империи на важные политические вызовы, втягивало имперские структуры в затяжные служебно-иерархические противостояния. «Эчмиадзинский вопрос» и правительственные дискуссии вокруг него отчасти показывают административный паралич самодержавия и декомпенсацию системы власти в Российской империи начала XX в.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена за счет средств Российского научного фонда проект 17-78-20 117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

Список литературы

- Ueno, M. (2013). "For the Fatherland and the State": Armenians Negotiate the Tanzimat Reforms. *International Journal of Middle East Studies*, 45 (1), 93–109. doi: 10.1017/S0020743812001274
- Ueno, M. (2016). Religious in Form, Political in Content? Privileges of Ottoman Non-Muslims in the Nineteenth Century. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 59 (3), 408–441. doi: 10.1163/15685209-12341403
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией* (1878). Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского.
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией* (1885). Тифлис: Типография Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.
- Амбарцумов, И. В. (2010). Армяно-грегорианская церковь и Российское государство в конце XIX – начале XX века. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*, (4), 115–127.
- Амбарцумов, И. В. (2012). Эчмиадзинские католикосы и их влияние на общественно-политическую жизнь Армении (1892–1912). *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*, (3), 76–87.
- Вартанян, В. Г. (1999). *Армяно-григорианская церковь в конфессиональной политике России (последняя треть XVIII – первая половина XIX вв.)*. (Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук). Ростов-на-Дону.
- Верт, П. (2006). Глава церкви, подданный Императора: Армянский Католикос на Перекрестке Внутренней и Внешней Политики Империи, 1828–1914. *Ab Imperio*, (3), 99–138. doi: 10.1353/imp.2006.0107
- Верт, П. (2012). *Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Воронцов-Дашков, И. И. (1907). *Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова*. Санкт-Петербург: Государственная типография.
- Гурко, В. И. (2000). *Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Ерицов, А. Д. (1898). *Патриарх всех армян Нерсес V-й и князь Михаил Семенович и княгиня Елизавета Ксавериевна Воронцовы, в их частной переписке*. Тифлис: Скоропечатня М. Мартirosyantsa.
- Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сб. Законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России* (2010). Москва: Государственная публичная историческая библиотека.
- Исмаил-Заде, Д. И. (2005). *И. И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник*. Москва: Центрполиграф.

Кавказ и Российская империя: Проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. (2005). Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда».

Кавказ (1903). (275).

Кумпан, Е. Н. (2019). Армянская апостольская церковь в религиозной политике Российской империи: процесс инкорпорации и дискуссия о полномочиях католикоса. *Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции*, 185–198. Ставрополь: ИП Дорофеев В.Ю.

Лазарян, С. С. (2018). Архиепископ Нерсес и российские власти в 20–30-е годы XIX века: проблемы взаимопонимания. В *Кавказ в геополитических интересах региональных и мировых держав: сб. науч. ст., посвященный памяти выдающегося ученого-кавказоведа и большого друга армянского народа Виктора Владимовича Черноуса*. Ростов-на-Дону: ДГТУ-Принт.

Месропян, А. В. (2012). Церковная политика царской России в Восточной Армении в первой половине XIX века. *Система ценностей современного общества*, (23), 86–90.

Петросян, Ю. А. (2017). *Османская империя. Могущество и гибель*. Санкт-Петербург: Наука.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. (1837). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (б. д.-а). Ф. 821. Оп. 138. Д. 77.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (б. д.-b). Ф. 821. Оп. 138. Д. 77.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (б. д.-c). Ф. 821. Оп. 138. Д. 79.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (б. д.-d). Ф. 821. Оп. 138. Д. 80.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (б. д.-e). Ф. 821. Оп. 138. Д. 80.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (б. д.-f). Ф. 821. Оп. 138. Д. 87.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (б. д.-g). Ф. 821. Оп. 138. Д. 90.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (б. д.-h). Ф. 932. Оп. 1. Д. 296.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (б. д.-i). Ф. 1250. Оп. 2. Д. 12.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (б. д.-j). Ф. 1268. Оп. 1. Д. 825.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (б. д.-к). Ф. 1268. Он. 3.
Д. 22.

Рыбаков, А. Л. (2012). В «области кесаря»: проблемы статуса и структуры Грузинской православной церкви после отмены автокефалии (первая половина XIX века). В *Конфессия, империя, нация: религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства*. Москва: Новое издательство.

Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. *Документы и материалы* (1990). Ленинград: Наука.

References

Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission (1878). Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus (In Russian).

Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission (1885). Tiflis: Typography of the Office of the Commander-in-Chief of the Civil Part in the Caucasus (In Russian).

Ambartsumov, I. V. (2010). The Armenian Gregorian Church and the Russian State in the Late 19th and Early 20th Centuries. *Vestnik of Tver State University. Series: History*, (4), 115–127. (In Russian).

Ambartsumov, I. V. (2012). The Catholicoses of Etchmiadzin and their influence on the social and political life of Armenia (1892–1912). *Bulletin of Tver State University. Series: History*, (3), 76–87 (In Russian).

Caucasus. (1903). (275) (In Russian).

Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. (1837). St. Petersburg: Printing Office II of His Imperial Majesty's Own Chancellery (In Russian).

Gurko, V. I. (2000). *Features and Silhouettes of the Past: The Government and Public in the Reign of Nicholas II as Portrayed by a Contemporary*. Moscow: New Literary Review (In Russian).

Ismail-Zadeh, D. I. (2005). *I. I. Vorontsov-Dashkov. Viceroy of the Caucasus*. Moscow: Tsentrpoligraf (In Russian).

Kumpan, E. N. (2019). The Armenian Apostolic Church in the Religious Policy of the Russian Empire: The Process of Incorporation and the Discussion of the Powers of the Catholicos. *Ethnicity and Society in the Context of Interethnic Relations: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, 185–198*. Stavropol: IP Dorofeev V. Yu. (In Russian).

Lazarian, S. S. (2018). Archbishop Nerses and the Russian authorities in the 1920s and 1930s: Problems of Mutual Understanding. In *The Caucasus in geopolitical interests of regional and world powers: Collection of Scientific Articles. The article is dedicated to the memory of the outstanding scientist and great friend of the Armenian people Viktor Vladimirovich Chernous*. Rostov-on-Don: DSTU-Print (In Russian).

Legislative Acts of the Transitional Time. 1904–1908: Collection of Laws, Manifestos, Decrees to the Governing Senate, Rescripts and Regulations of the Committee of Ministers

- Regarding the Transformation of the Russian State System..* (2010). Moscow: State Public Historical Library (In Russian).
- Mesropian, A. V. (2012). Tsarist Russian ecclesiastical policy in Eastern Armenia in the first half of the 19th century. *The value system of modern society*, (23), 86–90.
- Petrosyan, Yu. (2017). *The Ottoman Empire. Power and Destruction*. St. Petersburg: Nauka (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.-a). *F. 821. Inv. 138. C. 77* (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.-b). *F. 821. Inv. 138. C. 77* (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.-c). *F. 821. Inv. 138. C. 79* (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.-d). *F. 821. Inv. 138. C. 80* (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.-e). *F. 821. Inv. 138. C. 80* (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.-f). *F. 821. Inv. 138. C. 87* (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.-g). *F. 821. Inv. 138. C. 90* (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.-h). *F. 932. Inv. 1. C. 296* (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.-i). *F. 1250. Inv. 2. C. 12* (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.-j). *F. 1268. Inv. 1. C. 825* (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (n. d.-k). *F. 1268. Inv. 3. C. 22* (In Russian).
- Rybakov, A. L. (2012). In the "Region of Caesar": Problems of the Status and Structure of the Georgian Orthodox Church after the Abolition of Autocephaly (First Half of the 19th Century). In *Confession, Empire, and Nation: Religion and the Problem of Diversity in Post-Soviet History*. Moscow: New Publishing House (In Russian).
- The Caucasus and the Russian Empire: Projects, Ideas, Illusions and Reality. Early 19th-early 20th centuries.* (2005). St. Petersburg: Zvezda Magazine Publishers (In Russian).
- The Council of Ministers of the Russian Empire in 1905–1906. Documents and materials* (1990). Leningrad: Nauka (In Russian).
- Ueno, M. (2013). "For the Fatherland and the State": Armenians Negotiate the Tanzimat Reforms. *International Journal of Middle East Studies*, 45 (1), 93–109. doi: 10.1017/S0020743812001274
- Ueno, M. (2016). Religious in Form, Political in Content? Privileges of Ottoman Non-Muslims in the Nineteenth Century. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 59 (3), 408–441. doi: 10.1163/15685209-12341403
- Vartanyan, V. G. (1999). *The Armenian Gregorian Church in Russian confessional policy (the last third of the 18th century and the first half of the 19th century)*. (PhD in History Thesis). Rostov-on-Don (In Russian).
- Vorontsov-Dashkov, I. I. (1907). *Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov's all-submitting note on administration of the Caucasian Region*. St. Petersburg: State Printing House (In Russian).

- Werth, P. (2006). Head of the Church, Subject of the Emperor: The Armenian Catholicos at the Crossroads of the Inner and Outer Politics of the Empire, 1828-1914, 1828–1914. *Ab Imperio*, (3), 99–138. doi: 10.1353/imp.2006.0107 (In Russian).
- Werth, P. (2012). *Orthodoxy, Non-Orthodoxy, and Other Religions: Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire*. Moscow: New Literary Review (In Russian).
- Yeritsov, A. D. (1898). *Patriarch of All Armenians Nerses V and Prince Mikhail Semenovitch and Princess Elizabeth Xaverevna Vorontsov, in their private correspondence*. Tiflis: M. Martirosyants Printing House (In Russian).

GYPSIES OF THE BELARUSIAN PROVINCES AND LAND MANAGEMENT POLICY AT THE TURN OF THE 1830s–1840s

---

Vladimir N. Shaidurov

Pushkin Leningrad State University. St. Petersburg, Russia. Email: [s-w-n\[at\]mail.ru](mailto:s-w-n[at]mail.ru)

Abstract

At the turn of the 18th-19th centuries, the tsarist government in Russia faced the Gypsy question in the context of implementation of the society homogenization policy. There were campaigns initiated to fight with Gypsy vagrancy during the 1770s-1810s, the primary target of which was to modernize the Gypsies of the Russian Empire and turn them into a constant component of rural or urban societies. However, despite the repressive tools included, these measures did not effect the desired result. The purpose of the present paper is to study the relationship between the Belarusian Gypsies and the authorities when it came to acquisition of land and set up of arable farms in the late 1830s-early 1840s as part of implementation of the subsequent campaign to turn the Gypsies of Russia into a settled population. The basis of the research were archival materials from the fund of the Second Department of the Ministry of State Property of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg). Studying of various historical sources revealed the features of implementation of the decree of Nicholas I (1839) in the Belarusian provinces. Despite the willingness of the local gypsy camps to adopt the sedentary life, they faced various forms of latent chauvinism at the local level: officials sabotaged orders from St. Petersburg; peasants did not want to accept Gypsies into their societies. The article is intended for specialists in the history of the Roma and the national politics in the Russian Empire.

Keywords

Russian Empire; Belarus; Grodno province; Mogilev province; Gypsies; national politics; Nicholas I; Kiselev P. D.; vagrancy; sedentary lifestyle

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ЦЫГАНЕ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ И ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА РУБЕЖЕ 1830–1840-Х ГГ.

Шайдуров Владимир Николаевич

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. Санкт-Петербург, Россия.
Email: s-w-n[at]mail.ru

Аннотация

На рубеже XVIII–XIX в. перед царским правительством в России в условиях реализации политики гомогенизации общества встал цыганский вопрос. В течение 1770–1810-х гг. были инициированы кампании по борьбе с цыганским бродяжничеством, с целью модернизации уклада цыган Российской империи и превращения их в постоянную часть сельских или городских обществ. Однако эти мероприятия, несмотря на включение в них репрессивного инструментария, не принесли желаемого результата. Целью данной статьи является изучение взаимоотношений белорусских цыган и администрации в вопросе обретения земли и устройства земледельческого хозяйства в конце 1830-х – начале 1840-х гг. в рамках реализации очередной кампании по превращению цыган России в оседлое население. Основой для исследования стали архивные материалы из фонда Второго Департамента Министерства государственных имуществ Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург). Анализ различных исторических источников позволил выявить особенности реализации указа Николая I (1839 г.) в белорусских губерниях. Автор пришел к выводу о том, что, несмотря на готовность местных цыганских таборов перейти к оседлому образу жизни, они сталкивались с различными формами латентного шовинизма на местном уровне: чиновники саботировали распоряжения из Санкт-Петербурга, крестьяне не хотели принимать цыган в свои общества. Статья рассчитана на специалистов по истории цыган и национальной политики в Российской империи.

Ключевые слова

Российская империя; Беларусь; Гродненская губерния; Могилевская губерния; цыгане; национальная политика; Николай I; Киселев П.Д.; бродяжничество; оседлый образ жизни

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В XVIII в. тысячи цыган стали подданными Российской империи. Уже в этот период цыганский мир страны не отличался единообразием. Он состоял из различных по своему языку, традициям, вероисповеданию, хозяйственным занятиям цыганских групп, среди которых самыми многочисленными были ингерманландские цыгане, цыгане белорусских губерний, Крыма. Одной из объединяющих характеристик этих сообществ являлся полукочевой образ жизни с постепенным переходом к оседлости. Во второй половине XIX в. цыганский мир России пополнили группы центральноазиатских цыган (люли, парья, кавол и др.) (Демертер & Черных, 2018, с. 99) и кэлдэары, ведущие преимущественно кочевой образ жизни (Там же, с. 94–95). Миграционные процессы, в которые были вовлечены цыгане, способствовали формированию новых этнодисперсных групп в пограничных регионах. Так, в приграничье Могилевщины, Псковщины и Смоленщины возникли региональные группы «псковска рома» и «смоленска рома». На рубеже XVIII–XIX вв. в Сибири сформировалась еще одна группа – «сибирска рома» (Шайдуров и др., 2020, с. 130–142). Но для администрации все эти различия являлись несущественным фактором. В основе отношения аппарата к цыганам лежал традиционный конфессиональный признак. Принадлежность их к православной, лютеранской либо мусульманской общинам ограждала от проведения сегрегационной политики. В этом отношении они отличались, например, от еврейского населения Российской империи.

МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ

Целью данной статьи является изучение взаимоотношений белорусских цыган и администрации в вопросе обретения земли и устройства земледельческого хозяйства в конце 1830-х – начале 1840-х гг. в рамках реализации очередной кампании по превращению цыган России в оседлое население.

В основу исследования заложены принципы теорий модернизации и фронта. В условиях перехода от традиционного к индустриальному обществу русское правительство стремилось избавиться от некоторых анахронизмов в виде кочевничества. То, что было традиционным и допускалось для десятков тысяч подданных в Сибири и Центральной Азии, было нетерпимо в ее Европейской части. Продолжалась реализация Петровской концепции построения регулярного государства, в котором каждый член занимал свое строго опреде-

ленное место. Цыгане должны были стать неотъемлемой частью сельской общины либо городского сообщества.

Автором были использованы преимущественно материалы из Российского государственного исторического архива, которые впервые вводятся в научный оборот.

ОБСУЖДЕНИЕ

История цыган в России и государственной политики в отношении цыган изучена фрагментарно и поверхностно. Первые публикации о цыганах на территории Российской империи относятся к первой половине XIX в. Среди авторов следует выделить польского историка и публициста Т. Чацкого (Czacki, 1807a, 1807b, 1810, 1835, 1845) и правоведа, профессора права в нескольких российских университетах И. Даниловича (Данилович, 1826). Объемная работа последнего должна была познакомить русского читающего обывателя с цыганским миром, который, наряду с еврейским, стал неотъемлемой частью внутренней политики России. И. Данилович, проанализировав крайне немногочисленный корпус русских законов в отношении цыган, одним из первых пришел к выводу о том, что политика Екатерины II и ее последователей на рубеже XVIII–XIX вв. своим либеральным характером выгодно отличалась от действий властей Англии, Швеции, Австрии, Пруссии.

Малочисленность и дисперсность препятствовали изучению цыган. В некоторых случаях мы наблюдаем игнорирование самого факта их присутствия на изучаемой территории. Это можно проследить на примере статистических сборников второй половины XIX в. В таких авторитетных изданиях как «Атлас народонаселения Западно-Русского края по вероисповеданиям» (Риттих, 1864) и историко-литературном журнале «Вестник Юго-Западной и Западной России» (Лебедкин, 1862) мы не обнаружим информацию о цыганах белорусских и украинских губерний.

В этих условиях диссонансом стали некоторые публицистические работы, в которых представлен материал об истории и повседневной жизни белорусских цыган второй половины XIX в. (Шпилевский, 1858). С этого времени исследователи сконцентрировали свое внимание на этнографических, культурологических, лингвистических аспектах, в то время как исторический компонент был либо отодвинут на второй план, либо вовсе выпал из поля зрения исследователей. Однако их работа позволила закрепить представление о цыганах в границах определенного историко-культурного ландшафта современной Беларуси.

В 1920-х – начале 1930-х гг. исследователи обратились к изучению истории малых народов СССР, в частности – цыган в Белорусской ССР. Интерес был продиктован проводимой местными властями политикой «белорусизации» – формирования и развития белорусской культуры и культуры этнодисперсных групп под контролем Советской власти. На этом фоне следует выделить статью Д. Довгяля (Даўгяля, 1926) о цыганах на белорусских землях в период Великого княжества Литовского и краткий очерк профессора Белорусского государственного университета И.А. Себрова (Сербаў, 1926). Эти работы заложили своего рода историографическую традицию – рассматривать историю цыган на территории Беларуси преимущественно в период вхождения ее в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой.

Эту традицию поддержали и развили белорусские историки конца 1980-х – начала 2000-х гг. Возрождение интереса к прошлому этнических меньшинств было вызвано различными факторами. С одной стороны, исследователи обратились к теме, которая в советский период фактически табуировалась: можно было изучать лишь так называемые титульные народы. С другой стороны, сказался общественный запрос на изучение событий из жизни немцев, евреев, корейцев и других – представители этих народов хотели знать свою историю в границах Российской империи – СССР. Не последнюю роль в некоторых бывших союзных республиках сыграли процессы формирования собственной новой национальной идентичности. Однако белорусские исследователи останавливались преимущественно на границах Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой (Карашчанка, 1989; Калінін, 1994; Сосна, 1997; Дучыц, 2003; Карашчанка, 2007; Зиневич, 2009; Захаркевич, 2006; Наваградскі & Захаркевіч, 2017).

Отдельные аспекты истории белорусских цыган в последнее время нашли свое отражение в научных публикациях российских исследователей. В коллективной монографии «Цыгане» они упоминаются в связи с процессом этногенеза отдельных дисперсных групп (2018). В некоторых статьях рассматриваются в общем контексте взаимоотношений царской администрации и цыганского мира конца XVIII – первой половины XIX в. (Shaidurov, 2018; Shaidurov et al., 2020).

Подводя итог, можно с уверенностью констатировать факт, что до сих пор нет серьезных работ, посвященных истории белорусских цыган в XIX – начале XX в. Это подтверждает содержание историографической части одного из последних обобщающих трудов, посвященного истории и культуре цыган России (Деметер & Черных, 2018, с. 9–27).

ЦЫГАНЕ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ

В последней трети XVIII – первой четверти XIX в. предпринимались неоднократные попытки превратить цыган России в оседлое население, приписав их в разряд государственных крестьян в сельской местности или кооптировав в мещанские, купеческие общества в городах. Несмотря на все проводившиеся мероприятия, подавляющая часть лишь формально становилась оседлой, сохраняя традиционный образ жизни. Только в отдельных регионах (Выборгская губерния и Великое княжество Финляндское, Сибирь) властям удалось добиться того, что большая часть местного цыганского населения в силу исторического прошлого либо по объективным причинам вела оседлый образ жизни (Шайдуров и др., 2020, с. 140). Введение репрессивных мер – в отношении цыган, а также местных властей, помещиков – не могло переломить ситуацию.

Кампания по борьбе с бродяжничеством, инициированная Николаем I в 1839 г., затронула места традиционного проживания цыган – белорусские губернии. Надо сказать, что уже в XVIII в. белорусские цыгане вели преимущественно оседлый образ жизни. Внутренняя жизнь цыганского мира регламентировалась принципами самоуправления, которые контролировались местными магнатами. Экономическое благосостояние верхушки базировалось на текстильных мануфактурах. Следовательно, эта часть цыганского сообщества шла по пути добровольной эмансипации. Однако кризис Речи Посполитой спровоцировал изменение сложившейся ситуации. Результатом стал исход части цыганских таборов в Валахию, Молдавию, Сибирь. По данным на начало XIX в., в белорусско-литовских губерниях проживало около 9 % цыган Российской империи, учтенных ревизией 1797 г. (Shaidurov, 2017, с. 2111–2112).

Гродненская губерния была одним из традиционных мест проживания цыган с XVI в. Местечко Мир было своего рода их столицей в Беларуси. Пользуясь покровительством Радзивиллов, цыгане смогли прочно здесь обосноваться (Шпилевский, 1858, с. 72). Во второй половине XVIII – первой трети XIX в. цыгане вновь вернулись к кочевому образу жизни, который в правящих кругах Российской империи квалифицировали не иначе как бродяжничество.

Данные полицейского учета позволяют представить общую картину на Гродненщине. Согласно им, в городах и селениях губернии числилось 114 мужчин и 95 женщин. Только 9 семей (26 душ м.п.) на 1839 г. вели оседлый образ жизни. В отлучке находилось на тот

момент по паспортам 10, без паспортов 67 мужчин. На месте приписки было только 11 человек (РГИА, 1849а, л. 2).

В 1840 г. Гродненская палата государственных имуществ была вовлечена в реализацию очередного плана по превращению цыган в оседлое население. Первым шагом стало их подчинение власти местных окружных начальников, призванных не допустить «непрестанных их побегов» (РГИА, 1849а, л. 3). Согласно донесению от 12 ноября 1841 г., 17 цыганских семей, состоящих из 25 мужчин и 23 женщин, были причислены в различные казенные имения и лесничества. Две семьи, Михаила и Лаврентия Рутковских (9 человек), числились за Пружанским округом, три семьи Томашевичей (11 мужчин и 10 женщин) были направлены в разные селения Лидского округа. Оставшиеся 12 семей были записаны за населенными пунктами Слонимского округа. Из дополнения к ведомости следует, что, помимо упомянутых семей, в ревизских сказках по Гродненской губернии числятся еще 18 семейств, которые находились в бегах (РГИА, 1849а, л. 6). Уровень обеспеченности приписанных цыган был катастрофическим: только семейство Иосифа Томашевича (3 мужчин и 2 женщины) имели хозяйство, занимаясь хлебопашеством. Для прочих Могилевская палата намеревалась испрашивать положенную по закону ссуду (Там же).

Гродненские цыгане в основной своей массе негативно отнеслись к стремлению властей ограничить их перемещение. Как свидетельствуют отчетные документы, «причисленные к казенным селениям цыгане... по водворении из оных самовольно отлучились и оказываются неспособными к оседлой жизни» (РГИА, 1849а, л. 9). Подобная ситуация была скорее правилом, чем исключением. Позиция петербургских чиновников в отношении таких людей категорична: избалованных после приписки к казенным селениям в бродяжничестве следовало предавать суду (РГИА, 1849а, л. 9 об.). Юридически это право местных властей базировалось на Высочайшем указе Николая Первого от 13 марта 1839 г. и указе Сената от 24 апреля того же года (ПСЗ-II, т. 14, № 12 104).

В 1843 г. повсеместно собирались данные о первых результатах кампании. Сведения, представленные в Санкт-Петербург Гродненской палатой, казалось бы, свидетельствовали о некотором успехе властей. Согласно ведомости, чиновникам удалось выявить и приписать к казенным селениям в общей сложности 34 семейства в составе 227 человек (120 м.п. и 107 ж.п.). Руководствуясь циркулярами, они стремились не допустить концентрации цыган в одном месте,

а потому семьи приписывались к разным селениям староств и лесничеств. Если в 1841 г. география была достаточно ограниченной, то теперь стала более широкой (см. табл. 1).

	М.п.	Ж.п.
Гродненский уезд		
Семейство Юстина Иосифова Томашевича	8	8
Семейство Антона Иосифова Касперовича	4	2
Семейство Станислава Матвеева Касперовича	3	4
Семейство Иосифа Томашевича	2	2
Семейство Юстина Юрьева Томашевича	4	4
Лидский уезд		
Семейство Кузьмы Касперовича	5	4
Семейство Петра Губаревича	4	2
Семейство Франца Рутковского	6	5
Семейство Викентия Флорияновича	4	2
Семейство Андрея Урбановича	3	4
Семейство Антона Касперовича	2	4
Семейство Александра Ротковского	2	2
Семейство Игнатия Томашевича	8	3
Семейство Антона Белявского	1	3
Семейство Петра Марцинкевича	2	4
Семейство Иосифа Козловского	1	0
Семейство Франца Стефановича	1	3
Слонимский уезд		
Семейство Казимира Брилевича	5	5
Семейство Иосифа Брилевича	6	4
Семейство Игнатия Брилевича	3	2
Семейство Фомы Брилевича	4	3
Семейство Антона Малевича	3	4
Новогрудский уезд		
Семейство Александра Василевского	1	1
Семейство Кузьмы Врублевского	5	2
Семейство Ивана Врублевского	6	4

Семейство Иосифа Громановича	2	3
Семейство Леона Соколовского	8	4
Кобринский уезд		
Семейство Михаила Васильева Рутковского	3	6
Семейство Якова Войтехова Гловацкого	3	5
Семейство Якова Иосифова Рутковского	0	3
Семейство Феликса Темеровича	4	1
Семейство Доминика Казимиrowa Рутковского	4	2
Семейство Игнатия Станиславова Хведаревича	1	2
Пружанский уезд		
Семейство Ивана Волоши	2	0

**Таблица 1. Размещение цыган в казенных селениях
 Гродненской губернии, январь 1843 г. (РГИА, 1849а, лл. 21 об. – 26)**

**Table 1. Placement of Gypsies in the Government Villages
 of Grodno Province, January 1843.**

В общей сложности окружные управления ассигновали из собственных средств пособия для 11 семей. В некоторых случаях было предписано выделить лес для строительства жилых и хозяйственных построек. Однако это не могло удержать цыган на новом месте. Так, в августе 1843 г. Слонимское окружное управление доносило в Гродненскую палату государственных имуществ о невыдаче приписанным цыганам полагающихся денег. Причинами тому были неспособность к хлебопашеству и отлучка, в бегах числилось 3 семейства.

Цыгане, которые проживали в своих селениях, занимались хозяйством, ремеслом (наибольшее распространение получило изготовление обуви, в первую очередь, сапог). Те, кто не получил еще земельного надела, должны были искать заработок на стороне. Включенность в кустарную промышленность носила единичный характер: так, Игнатий Хведаревич являлся работником кирпичного завода в Кобрине (РГИА, 1849а, л. 26).

Казенные пособия должны были способствовать закреплению цыган в селениях. Их размер для цыган Гродненской губернии был определен в 28 руб. 58 коп. серебром либо 14 руб. 29 коп. серебром и лесом (РГИА, 1849а, л. 40). Всего за 1844 г. из казны цыганам выде-

лили 229 руб. 58 коп. серебром и 66 руб. лесом. Эти пособия получили 13 семей (РГИА, 1849а, л. 60).

Встречались сбои. В конце 1843 – середине 1844 г. между Слонимским окружным управлением и Гродненской палатой государственных имуществ завязалась переписка по случаю отказа цыган Казимира и Игнатия Брилевичей от полагавшихся им пособий в размере 50 руб. асс. на семью. Главы семейств приняли на себя обязательство соорудить дома и прочие хозяйственные постройки за собственный счет. Они уверили местные власти в том, что будут «за отведенную под усадьбу и огород землю положенный по инвентарю чинш и казенные подати платить аккуратно» (РГИА, 1849а, л. 49 об.).

Подобного рода позиция имела под собой определенные основания. Некоторые гродненские цыгане в результате реализации кампании 1839 г. были насильственно причислены в селения. Например, упомянутый Казимир Брилевич, ранее причисленный к мещанскому обществу г. Слонима и занимавшийся «торговой промышленностью». В октябре 1844 г. он обратился к властям с просьбой о перечислении его в прежнее состояние. Факт отказа в принятии ассигнованной ему от Казны денежной ссуды и строевого леса в значительной степени поспособствовали положительному решению. В марте 1845 г. губернская Палата государственных имуществ обратилась во Второй департамент Министерства государственных имуществ с просьбой удовлетворить прошение Брилевича.

Некоторые согласились обзавестись крепким хозяйством. Примером могут служить оказавшиеся в деревне Проневичи Бельского уезда семьи Касперовичей, попавшие в неприятную ситуацию. Получив от окружного управления деньги на возведение дома и хозяйственных построек, они начали строительство «по изданному для сего планам и фасадам». Это потребовало привлечения пилющиков и плотников, результатом чего стало резкое удорожание работ. Летом 1846 г. строительство было остановлено. Не оказалось средств на приобретение нужных сельскохозяйственных орудий, рабочего и домашнего скота. Цыгане обратились к местному начальству с просьбой о выделении дополнительных денег. В октябре того же года Касперовичам было выделено дополнительно 20 руб. серебром (РГИА, 1849а, л. 76). Однако эти деньги, как свидетельствуют документы, они смогли получить лишь в середине 1850 г. (РГИА, 1849а, л. 97).

Одним из мест проживания цыган во второй четверти XIX в. была Могилевская губерния. Некоторые семьи крайне положительно отнеслись к мероприятиям, которые проводились Министерством государ-

ственных имуществ по пути реализации поручения императора. В июле 1841 г. министр П.Д. Киселев совершил осмотр территории. Его приездом воспользовался цыган Давыд Андреевич Барановский (примерно 1796 года рождения), подавший прошение. Как следует из документа, большая часть его жизни была связана со служением «первоначально у бывшего владельца Горецкого имения графа Сологуба, а напоследок у разных знаменитых господ» (РГИА, 1843, л. 4). Давыд Барановский уверенно заявлял, что оставался «совершенно чуждым кочующей жизни общества моего сословия» (РГИА, 1843, л. 4). В достаточно зрелом возрасте (1836 г.) он обзавелся собственным домом. Имея многочисленное семейство, состоявшее из жены, дочери и пяти сыновей, цыган вел хозяйство, которое было главным источником дохода. Сохранился перечень имевшегося у него скота: коров дойных – 3, телят – 4, лошадей рабочих – 3, жеребят – 2, овец – 7, свиней – 15, кур – 17, гусей – 14 (РГИА, 1843, л. 6). Даже по меркам начала XX в. Давыд Барановский был крепким хозяином, различные виды домашней живности свидетельствуют об оседлости их владельца. Однако для поддержания благосостояния главе семейства не хватало земли. Именно ее он добивался у П.Д. Киселева в своем прошении.

В 1842–1843 гг. дело Давыда Барановского получило развитие. Не последнюю роль в этом сыграли столичные чиновники, которые видели в стремлении могилевского цыгана получить землю успех проводимой ими кампании. Прощение было первоначально передано на рассмотрение начальства Горыгорецкой земледельческой школы, в ее ведении находилась Воловая пустошь, из состава которой испрашивались земли. Администрация школы первоначально отказала Давыду Барановскому в переселении, так как он вместе с семейством был записан по ревизии в местечке Горки, принадлежащем школе; ему предложили получить земельный надел по месту приписки. Однако позднее ходатайство направили в Могилевскую палату государственных имуществ, в ведении которой находились земли пустоши. Решение вопроса в результате передали мстиславскому окружному начальнику. По его сведениям, земля числилась праздною, «к представлению из оной в пользование Барановскому просимого им количества нет никаких препятствий» (РГИА, 1843, л. 13).

Однако возникло непредвиденное обстоятельство: пустошь интересовала и местных крестьян, которые вознамерились взять землю в аренду, с платежом 20 руб. 80 коп. асс. в год. В своем донесении в Могилев окружной начальник склонялся в пользу крестьян, «признавая выгоднейшим... дать крестьянам, а платеж обратить

на уплату податей за малолетних крестьянских сирот того имения, а цыгану Барановскому отказать» (РГИА, 1843, л. 13 об. – 14). Чиновник поддержал позицию администрации Земледельческой школы, настаивая на выделении просителю земли на ее территории. Дополнительным аргументом, по его мнению, стал факт выделения здесь других земельных наделов для водворения цыган, «коих несколько семейств уже и водворены» (РГИА, 1843, л. 14).

Руководство губернской Палаты государственных имуществ оказалась в непростой ситуации, но нарушать наложенную на прошение Давыда Барановского резолюцию «сделать надлежащее распоряжение о наделении его просимой землей для прочного водворения с семейством» (РГИА, 1843, л. 14 об.) не стало. Было принято решение, что «нет оснований давать более преимуществ крестьянам, имеющим свои удельные участки земли, пред цыганом Барановским, требующим попечений Правительства, чтобы приучить его к постоянной оседлости» (РГИА, 1843, л. 15 об.). К январю 1844 г. все формальности были урегулированы – Давыд Барановский получил просимые земли и был приписан в ведение Могилевской палаты государственных имуществ (РГИА, 1843, л. 20).

В 1847 г. Давыд Барановский заявил о своем праве на получение казенной помощи. Выше уже отмечалось, что он имел различный скот и домашнюю птицу. Этот факт не давал ему возможность претендовать на получение денежного пособия. Однако им было подано прошение об отпуске леса на постройку дома (на 60 руб. серебром). Просимая сумма пятикратно превышала пособие, предусмотренное законом. На этом основании Могилевская палата государственных имуществ приняла решение в духе упомянутого циркуляра П.Д. Киселева от 27 марта 1840 г.: пособие в размере 50 руб. асс. (14 руб. 29 коп. серебром) выделялось исключительно на приобретение строевого леса (РГИА, 1849b, л. 20 об.).

Как следует из сохранившихся архивных документов, Давыд Барановский был не единственным представителем цыганского общества, кто изъявил желание получить земельный надел и вести оседлый образ жизни. На начало 1846 г. в ведении Конторы Горыгорецкой земледельческой школы числились восемь цыганских семей (Алексея Григорьева, Петра Ермолаева, Елисея Алексева, Ивана Андреева, Ивана Борисова, Венедикта Павлова, Ермолая Васильева и Степана Лукьянова), состоящие из 20 мужчин и 28 женщин (РГИА, 1849b, л. 1 – 1 об.).

К середине 1840-х гг. была разработана серия поощрительных мер со стороны правительства, чем цыгане пользовались. Так, в циркуляре

Министра государственных имуществ П.Д. Киселева от 27 марта 1840 г. предписывалось оказывать им различное материальное вспомоществование. В частности, следовало выделять по 50 руб. асс. из расчета на одну семью.

В своем донесении во Вторую департамент Государственных имуществ Могилевская палата в сентябре 1846 г. сообщала, что цыгане просили выделить им из Казны денежное пособие «на первоначальное обзаведение и отпуск леса для постройки домов» (РГИА, 1849b, л. 1 об.). Ведомство при этом постаралось увязать факт предоставления денежного пособия и строевого леса с фактическим прикреплением семей к земельным наделам. К этому времени шесть из восьми семей высказали согласие поселиться в фольварках, принадлежавших Наталину и Никодимову и находившихся в ведении Могилевской палаты государственных имуществ (РГИА, 1849b, л. 2 об.). Внесение данных в ревизские сказки открывало дорогу к получению заветного пособия.

В сентябре того же года в результате межведомственной переписки в Министерстве государственных имуществ было принято решение о выделении Могилевской палате из средств, определенных к выдаче пособий крестьянам, переселявшимся в многоземельные губернии, 85 руб. 84 коп. серебром – для выдачи шести цыганским семействам Могилевской губернии пособия. Испрашивая полагавшиеся им деньги, цыгане намеревались в течение весны – осени 1846 г. построить жилые постройки и обзавестись каким-то хозяйством. Однако неторопливость бюрократической машины грозила остаться накануне зимы без крыши над головой.

Для решения проблемы нуждающиеся использовали все возможные средства, в том числе проезд П.Д. Киселева через Горыгорецкое имение. Графу было подано прошение «о скорейшем отводе им земель и оказании пособия лесом и деньгами» (РГИА, 1849b, л. 7). Министру пришлось, как и в случае с Барановским, применить «ручное управление», поручив люстратору и окружному начальнику выделить цыганам «смотря по состоянию каждого семейства усадебные, пахотные и сенокосные земли, и по утверждению Палатой внесли в Люстрационный инвентарь платежа за те земли согласно особому постановлению... о цыганах» (РГИА, 1849b, л. 7 – 7 об.). Помощь в водворении должна была исходить не только от казенных ведомств, но и сельских обществ, которым предписывалось осуществить возведение жилых домов и хозяйственных построек.

Семейства Ивана Борисова и Ермолая Васильева оказались в особом положении. Они изъявили желание поселиться в деревне Каролевке имения той же земледельческой школы. Однако чинов-

ники, выполняя поручение П.Д. Киселева, о них забыли. 31 октября 1846 г. Могилевская палата сообщала в Санкт-Петербург, что на два семейства денежные средства до сих пор не запрошены, просило дать распоряжение об их выделении.

К концу апреля 1847 г. была завершена процедура межевания земельных наделов и внесения их в Люстрационный инвентарь. Участки согласились принять только семь из восьми семей: восьмая состояла из двух человек (1 м.п. и 1 ж.п.) и, по данным губернского люстратора, отказалась принять обмежеванную часть по причине «малосемейственности», осталась в положении бобылей (РГИА, 1849b, л. 22).

Процесс выделения цыганам Могилевской губернии законного пособия в размере 14 руб. 29 коп. серебром растянулся. Достоверно известно, что 4 июня, 30 сентября 1849 г., 19 января, 16 мая 1850 г., 24 февраля, 30 июня, 15 октября, 31 декабря 1851 г., 30 июня 1852 г., 14 апреля, 27 августа, 28 декабря 1853 г., 29 сентября 1854 г. (РГИА, 1849b, л. 30 – 43) Второй департамент государственных имуществ направлял запросы в Первый департамент: «какое сделано распоряжение к отпуску в ведение Могилевской палаты государственных имуществ денег в пособие семи семействам цыган, водворенным в казенном Горьгорецком имении» (РГИА, 1849b, л. 43). Только 30 ноября 1854 г. от Могилевской палаты государственных имуществ получили ответ, согласно которому «означенные 8 семейств цыган... денежным пособием на обзаведение хозяйством... не воспользовались» (РГИА, 1849b, л. 44 об.), поскольку требуемая сумма Министерством государственных имуществ выделена не была.

Последовала внутриведомственная проверка. Могилевская палата государственных имуществ, в частности, направила во Второй департамент запрос: «какого года и числа и за каким номером дано ей предписание Первого департамента по предмету назначения денежного пособия цыганам» (РГИА, 1849b, л. 48 – 48 об.). Выяснилось, что подобное предписание было дано еще 21 декабря 1853 г.

В сентябре 1855 г. Могилевская палата подтвердила перед Вторым департаментом факт непредоставления цыганским семьям положенного пособия. И мотивировала отсутствие необходимости его выделения в текущей ситуации: полученные в результате люстрации земельные наделы цыгане не обрабатывали и положенного с них оброка не платили. Вскоре, при исправлении нарезки земель по люстрации, они были лишены участков. В результате, как отмечало ведомство, «продолжили вести кочующую жизнь» (РГИА, 1849b, л. 50 об.).

Местные крестьяне в вопросе инкорпорирования цыган в свой состав занимали негативную позицию. Со слов чиновников, «общество крестьян не ручается в верной и бездоимочной уплате того пособия, в случае бы выдачи такового, тем более, что на них и без того числится значительная недоимка» (РГИА, 1849b, л. 50 об.).

Налицо цепочка взаимосвязанных фактов, объясняющая очередной провал попытки властей превратить цыган в оседлое население: невыплата пособия – невозможность купить скот, инвентарь для обработки земли – обнищание – возвращение к традиционному образу жизни.

ВЫВОДЫ

Таким образом, новая попытка русского правительства «посадить» цыган на землю была обставлена рядом покровительственных мер, которые включали выделение земельных наделов, предоставление финансовой и иной материальной помощи. Однако патерналистская политика в этот период в значительной степени оставалась на бумаге. Одной из основных причин тому стали различные формы латентного шовинизма. Чиновники на местах саботировали распоряжения из столицы, а крестьяне не были готовы к тому, чтобы видеть в цыганах равноправных членов общества.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-09-00 092 «Цыганские сообщества России: формирование, этнокультурные особенности, взаимодействия с обществом и властью».

Список литературы

- Czacki, T. (1810). *O Tatarach* [About Tatars]. *Dziennik Wileński* [Vilnius Daily] (In Polish).
- Czacki, T. (1835). *O Cyganach* [About Gypsies]. In *Pomniki historii i literatury polskiej* [Monuments of Polish history and literature] (Vol. 2, pp. 59–86). Kraków (In Polish).
- Czacki, T. (1845). *O Cyganach* [About Gypsies]. In *Dzieła. Zebrane i wydane przez Hr. E. Raczyńskiego* [Works. Collected and published by Hr. E. Raczyński]: Vol. III. Poznań (In Polish).
- Czacki, T. (1807a). *O Żydach* [About Jews]. Wilno (In Polish).
- Czacki, T. (1807b). *O Żydach i Karaimach* [About Jews and Karaites]. *Dziennik Wileński* [Vilnius Daily] (In Polish).

- Shaidurov, V. (2017). On the History of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century). *BylyeGody*, 46(4). doi: 10.13187/bg.2017.4.1207
- Shaidurov, V. (2018). Gypsies in the Russian Empire: Theories and practices addressing their situation during the eighteenth and first half of the nineteenth century. *Romani Studies*, 28(2), 195–217. doi: 10.3828/rs.2018.8
- Shaidurov, V., Sinko, G., & Goncharov, Y. (2020). Gypsies in Siberia: Resettlement, Family and Economic Activity between the 18th and first half of the 19th century (Historical Aspect). *BylyeGody*, 56(2). doi: 10.13187/bg.2020.2.463
- Данилович, И. (1826a). Историческое и этнографическое исследование о цыганах. *Северный архив*, 19(1), 64–79.
- Данилович, И. (1826b). Историческое и этнографическое исследование о цыганах. *Северный архив*, 19(2), 180–195.
- Данилович, И. (1826c). Историческое и этнографическое исследование о цыганах. *Северный архив*, 19(3), 276–290.
- Данилович, И. (1826d). Историческое и этнографическое исследование о цыганах. *Северный архив*, 19(4), 384–403.
- Данилович, И. (1826e). Историческое и этнографическое исследование о цыганах. *Северный архив*, 20(5), 73–86.
- Данилович, И. (1826f). Историческое и этнографическое исследование о цыганах. *Северный архив*, 20(6), 184–208.
- Даўгяла, З. І. (1926). Цыганы на Беларусі [Gypsies in Belarus]. *Наш край*, (12), 25–34 (In Belarusian).
- Дучыц, Л. У. (2003). З гісторыі цыганоў Беларусі [From the history of the gypsies of Belarus]. *Беларускі гістарычны часопіс [Belarusian Historical Journal]*, (3), 45–49 (In Belarusian).
- Захаркевич, С. А. (2006). Государственная политика по отношению к этническим меньшинствам Беларуси в XIV–XVIII в. *Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*, (1), 3–7.
- Зиневич, Н. (2009). Институт цыганских королей в Речи Посполитой. В *Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі* (сс. 126–138). Гродна.
- Калінін, В. (1994). Цыганы на Беларусі [Gypsies in Belarus]. В *З гісторыі на “Вы” [With a history in the «You»]* (сс. 330–349). Мінск (In Belarusian).
- Карашчанка, І. (1989). Цыганы. В *Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедыя* (сс. 522–523). Мінск (In Belarusian).
- Карашчанка, І. (2007). Цыганы. В *Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя* (Т. 2, сс. 729–730). Мінск (In Belarusian).
- Лебедкин, М. (1862). О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи. *Вестник Юго-Западной и Западной России*, 2(IV), 1–33.

Наваградскі, Т. А. & Захаркевіч, С. А. (2017). Гістарычнасклаўшыяся этнічныя меншасці Беларусі: Вопыт прызнага суіснавання ў еўрапейскай краіне [Historically formed ethnic minorities of Belarus: The experience of friendly coexistence in a European country]. В А. Г. Каханоўскі (Ред.), *Этнічныя меншасці ў Еўрапейскім-Саюзе: Асноўныя прававыя крыніцы* [Ethnic minorities in the European Union: Main legal sources]. Мінск (In Belarusian).

Полное собрание законов Российской империи. Издание II. Т. 14. № 12 104 (1754).

Риттих, А. Ф. (1864). *Атлас народонаселения Западно-Русского края по вероисповеданиям. Составлен при Министерстве внутренних дел в Канцелярии заведующего устройством православных церквей в западных губерниях.* Санкт-Петербург.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (1843). Ф. 384. Оп. 3. Д. 165.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (1849a). Ф. 384. Оп. 4. Д. 524.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (1849b). Ф. 384. Оп. 4. Д. 530.

Сербаў, І. А. (1926). Цыганы. Ведай сваю гісторыю [Gypsies. Know your story]. *Маладыя раты* [Young plowmen], (7), 14 (In Belarusian).

Сосна, У. (1997). Спроба асляніцы цыганоў Беларусі ў канцы XVIII ст. – Першая палова XIX ст. [An attempt to defile the gypsies of Belarus in the late 18th century – The first half of the 19th century]. *Весці Міжнароднай акадэміі вывучэння нацыянальных меншасцей*, (1), 35–36 (In Belarusian).

Цыгане (2018). Москва: Наука.

Шайдуров, В. Н., Новогродский, Т. А., Синько, Г. И. & Захаркевич, С. А. (2020). Цыгане: из Беларуси в Сибирь (по документам и материалам XVIII – первой половины XIX в.). *Вопросы истории*, (10–1), 130–142. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi08

Шпилевский, П. М. (1858). *Путешествие по Полесью и Белорусскому краю.* Санкт-Петербург.

References

Czacki, T. (1810). *O Tatarach* [About Tatars]. *Dziennik Wileński* [Vilnius Daily]. (In Polish).

Czacki, T. (1835). *O Cyganach* [About Gypsies]. In *Pomniki historii i literatury polskiej* [Monuments of Polish history and literature] (Vol. 2, pp. 59–86). Kraków. (In Polish).

Czacki, T. (1845). *O Cyganach* [About Gypsies]. In *Dzieła. Zebrane i wydane przez Hr. E. Raczyńskiego* [Works. Collected and published by Hr. E. Raczyński]: Vol. III. Poznań. (In Polish).

Czacki, T. (1807a). *O Żydach* [About Jews]. Wilno. (In Polish).

Czacki, T. (1807b). *O Żydach i Karaimach* [About Jews and Karaites]. *Dziennik Wileński* [Vilnius Daily]. (In Polish).

- Shaidurov, V. (2017). On the History of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century). *BylyeGody*, 46(4). doi: 10.13187/bg.2017.4.1207
- Shaidurov, V. (2018). Gypsies in the Russian Empire: Theories and practices addressing their situation during the eighteenth and first half of the nineteenth century. *Romani Studies*, 28(2), 195–217. doi: 10.3828/rs.2018.8
- Shaidurov, V., Sinko, G. & Goncharov, Y. (2020). Gypsies in Siberia: Resettlement, Family and Economic Activity between the 18th and first half of the 19th century (Historical Aspect). *BylyeGody*, 56(2). doi: 10.13187/bg.2020.2.463
- Danilovich, I. (1826a). A Historical and Ethnographic Study of the Gypsies. *The Northern Archives*, 19(1), 64–79 (In Russian).
- Danilovich, I. (1826b). A Historical and Ethnographic Study of the Gypsies. *The Northern Archives*, 19(2), 180–195 (In Russian).
- Danilovich, I. (1826c). A Historical and Ethnographic Study of the Gypsies. *The Northern Archives*, 19(3), 276–290 (In Russian).
- Danilovich, I. (1826d). A Historical and Ethnographic Study of the Gypsies. *The Northern Archives*, 19(4), 384–403 (In Russian).
- Danilovich, I. (1826e). A Historical and Ethnographic Study of the Gypsies. *The Northern Archives*, 20(5), 73–86 (In Russian).
- Danilovich, I. (1826f). A Historical and Ethnographic Study of the Gypsies. *The Northern Archives*, 20(6), 184–208 (In Russian).
- Daugyala, Z. I. (1926). Gypsies in Belarus. *Our Land*, (12), 25–34 (In Belarusian).
- Duchyts, L. U. (2003). From the history of the gypsies of Belarus. *Belarusian Historical Journal*, (3), 45–49 (In Belarusian).
- Zakharkevich, S. A. (2006). State policy towards ethnic minorities in Belarus in the 14th – 18th centuries. *Bulletin of Vitebsk State University*, (1), 3–7 (In Russian).
- Zinevich, N. (2009). The Institute of Roma Kings in the Rzeczpospolita. In *Historiography and sources on the history of cities and urbanization processes in Belarus* (pp. 126–138). Grodno (In Russian).
- Kalinin, V. (1994). Gypsies in Belarus. In *With a history in the «You»* (pp. 330–349). Minsk (In Belarusian).
- Karashchanka, I. (1989). Gypsies. In *Ethnography of Belarus: Encyclopedia* (pp. 522–523). Minsk (In Belarusian).
- Karashchanka, I. (2007). Gypsies. In *Grand Duchy of Lithuania: Encyclopedia* (Vol. 2, pp. 729–730). Minsk (In Belarusian).
- Lebedkin, M. (1862). On the tribal composition of the population of the Western Region of the Russian Empire. *Bulletin of Southwestern and Western Russia*, 2(IV), 1–33 (In Russian).
- Navagrodski, T. A. & Zakharkevich, S. A. (2017). Historically formed ethnic minorities of Belarus: The experience of friendly coexistence in a European country. In A. G.

- Kakhanouski (Ed.), *Ethnic minorities in the European Union: Main legal sources*. Minsk (In Belarusian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Edition II. Vol. 14. № 12 104* (1754) (In Russian).
- Rittich, A. F. (1864). *Atlas of the Population of the Western Russian Territory by Religion. Compiled under the Ministry of Internal Affairs in the Office of the Superintendent of Orthodox Churches in Western Provinces*. St. Petersburg (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA) (1843). *F. 384. Inv. 3. C. 165* (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA) (1849a). *F. 384. Inv. 4. C. 524* (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA) (1849b). *F. 384. Inv. 4. C. 530* (In Russian).
- Serbau, I. A. (1926). Gypsies. Know your story. *Young plowmen*, (7), 14 (In Belarusian).
- Sosna, U. (1997). An attempt to defile the gypsies of Belarus in the late 18th century – The first half of the 19th century. *Lead the International Academy for the Study of National Minorities*, (1), 35–36. (In Belarusian).
- Gypsies* (2018). Moscow: Nauka (In Russian).
- Shaydurov, V. N., Novogrodsky, T. A., Sinko, G. I. & Zakharkevich, S. A. (2020). Roma: From Belarus to Siberia (based on documents and materials from the 18th century and the first half of the 19th century). *Issues in History*, (10–1), 130–142. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi08 (In Russian).
- Shpilevsky, P. M. (1858). *Journey through Polesye and the Belarusian region*. St. Petersburg (In Russian).

THE LIFE OF A FOREIGN TRAVELER IN RUSSIA ACCORDING TO JOHANN ARNOLD BRAND'S DICTIONARY-PHRASEBOOK, 1673

Yulia V. Kolpakova¹ (a), Maksim Y. Kolpakov² (a)

(a) Pskov State University. Pskov, Russia

Abstract

The article provides for an overview of foreigners' encounter with the Russian language in the 16th – early 18th centuries; it analyzes, for this purpose, the German-Russian dictionary-phrasebook from the diary “Journey through Brandenburg, Prussia, Courland, Livonia, Pskov, Veliky Novgorod, Tver and Moscow” by Johann Arnold Brand. The phrasebook “Some Muscovite words and expressions that may be useful to travelers”, compiled by Brand on the way from Pskov to Moscow, contains the names of body parts, clothing, household accessories, dishes and drinks, food products, interior items, transport, utensils, writing tools in Russian transliteration with the translation into German. It also includes ready-made speech structures for communicating with fellow travelers, coachmen, owners and staff of the inns, for disposing of servants and property. The analysis of the phrasebook made it possible to recreate the everyday realities of the life of the Brandenburg Embassy on the road, and situations of lexical exchange. The authors provide a commented version of the literal reading of words and expressions in Russian. The independent study of the local language in Russia by foreign travelers was the most effective way to overcome the communication barrier and improve living conditions when traveling to the borderlands. The source under study may be of interest to both historians of the frontier and specialists in material culture and linguistics.

Keywords

dictionary-phrasebook; German-Russian dictionary; road vocabulary; Russian everyday speech of the 17th century; roads; traveler's life; notes of foreigners; Pskov borderland; Brandenburg Embassy; Russian tzardom

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ Email: pskov-sova@mail.ru

² Email: kolpakov.m@gmail.com

БЫТ ИНОСТРАННОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА В РОССИИ, СОГЛАСНО СЛОВАРЮ- РАЗГОВОРНИКУ ИОАННА АРНОЛЬДА БРАНДА, 1673 ГОД

Колпакова Юлия Вячеславовна¹ (а), Колпаков Максим Юрьевич² (а)

(а) Псковский государственный университет. Псков, Россия

Аннотация

В статье дается обзор опыта знакомства иностранцев XVI — начала XVIII вв. с русским языком; с этой целью анализируется немецко-русский словарь-разговорник из дневника «Путешествие через Бранденбург, Пруссию, Курляндию, Лифляндию, Псков, Великий Новгород, Тверь и Москву» Иоганна Арнольда Бранда. Разговорник «Некоторые московитские слова и выражения, которые могут пригодиться путешественникам», составленный в дороге от Пскова до Москвы, содержит названия частей тела, одежды, бытовых аксессуаров, блюд и напитков, продуктов, предметов интерьера, транспорта, утвари, принадлежностей для письма на русском языке в транслитерации с переводом на немецкий. Он также включает готовые конструкции для общения с попутчиками, ямщиками, хозяевами и персоналом постоянных дворов, для распоряжения слугами и имуществом. Анализ словаря-разговорника позволил воссоздать бытовые реалии жизни Бранденбургского посольства в дороге, ситуации обмена лексикой. Авторы приводят комментированную версию буквального прочтения слов и выражений на русском языке. Самостоятельное изучение в России иностранными путешественниками местного языка было наиболее действенным способом преодоления коммуникативного барьера и улучшения бытовых условий при путешествии в пограничье. Исследуемый источник может быть интересен как историкам фронта, так и специалистам по материальной культуре, и лингвистам.

Ключевые слова

словарь-разговорник; немецко-русский словарь; дорожная лексика; русская обиходная речь XVII в.; дороги; быт путешественника; записки иностранцев; псковское пограничье; бранденбургское посольство; Российское царство

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: pskov-sova@mail.ru

2 Email: kolpakov.m@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

В период раннего Нового времени частные деловые и официальные поездки по дорогам русского пограничья, длительные путешествия в столицу Московского царства подразумевали активные социальные контакты иностранных путешественников с проводниками, возчиками, персоналом постоялых дворов, чиновниками, жителями придорожных населенных пунктов. Свободному общению европейцев и русских препятствовали не только ограничения со стороны органов власти, но и языковой барьер. Поиск способов межкультурной коммуникации в общих торговых, политических, культурных и гуманитарных интересах, которым были заняты иностранные путешественники, остается актуальной проблемой и по сей день.

В XVI–XVII вв. Псковская земля являлась транзитным регионом для частных лиц, торговых миссий и дипломатических делегаций, совершавших поездки из Ливонии и Польши (или через Ливонию и Польшу) в Московское царство. Население псковско-литовского приграничья было славяноязычным. Распространенные в Ливонии языки с лингвистической точки зрения не являлись родственными по отношению к русскому. Латинский язык на территории России не мог выступать в роли языка-посредника при торговых и дипломатических контактах. Знание русского языка среди жителей Ливонии было ситуативным и довольно ограниченным. Его, как свидетельствуют источники, сознательно изучали торговцы, поскольку язык становился преимуществом, открывающим доступ к рынкам (Селарт, 2014).

Европейские послы традиционно испытывали недоверие к переводчикам, предоставленным русскими властями. В штат иностранных миссий в Россию обязательно включали одного или несколько человек, владевших русским языком. Дипломат Антонио Поссевино, обобщивший чужой и личный опыт, идеальными кандидатурами на должность переводчика называл нанятых в Польше людей пожилого возраста, «менее склонных к обману», в хорошем варианте – владеющих языками священников или врачей (Поссевино, 1983, сс. 68-71).

В частных поездках по России европейцы, не владевшие русским языком, все же обращались к услугам переводчиков. Ими могли быть такие же иностранцы – компаньоны, случайные попутчики. Так, Самуэль Кихель прибыл в 1585 г. из Дерпта в Псков с рижским купцом, через которого и общался с русскими (Кирпичников, 1994, с. 4). Немцу Иоганну Вундереру во время прогулки по Пскову в 1590 г. помогал «литовский покровитель» (1995, с. 219).

Известны примеры, когда путешественникам приходили на помощь местные жители, немного владевшие немецким языком, а также проживавшие в Русском государстве европейцы. По свидетельству Ганса Морица Айрманна, немца из свиты шведского посланника графа Христиана Горна, многие торговцы в Москве зимой 1669–1670 гг. говорили «по-шведски, польски, фински, немногие – по-нижнегермански» (Левинсон, 1945, с. 279). Но для полноценного общения Айрманну приходилось комбинировать элементы разговора на всех перечисленных языках.

Знание иностранных языков не было широко распространено и в провинциальной русской среде. В 1726 г. по недавнему русско-ливонскому пограничью путешествовал дворянин Обри де Ла Моттре. Помимо французского, он владел английским, немецким, латинским и греческим языками. Оказавшись в Дерпте, Ла Моттре дорожил обществом двух попутчиков-торговцев: один из них в достаточной степени знал латынь, а второй немного владел немецким (La Mottraye, 1732, pp. 203–204). В Пскове француз познакомился с собиравшейся ехать в Великий Новгород группой из четырех купцов и одного русского священника, которым его отрекомендовали два спутника по предыдущей части путешествия. Выяснилось, что только один из потенциальных попутчиков очень поверхностно знал немецкий язык, а остальные понимали только «славянский». Поэтому во время поездки до Новгорода Ла Моттре общался в группе с помощью записок на «славянском» и немного говорил по-немецки (La Mottraye, 1732, p. 206).

Самым действенным способом преодолеть трудности общения было изучение русского языка. В феврале 1665 г., во время пребывания в Москве, голландский дипломат Николаас Витсен, нанял себе учителя русского языка. Правда, образовательный процесс был сорван, так как думный дьяк Алмаз Иванов запретил приводить учителя в резиденцию посольства (Витсен, 1996, с. 117). Путешественник, парусный мастер Ян Стрейс в 1668 г. стал изучать «язык московитов», общаясь с возницами. Голландец легко усваивал язык и «за короткое время знал его настолько, что мог объясняться» (Стрейс, 1935, с. 148).

В XVI–XVII вв. европейцами были созданы пособия для изучения обиходного русского языка. Авторы разговорников использовали латинский алфавит для транскрипции русских слов. Содержание пособий зависело от потребностей их составителей. В настоящее время в научный оборот введено шестнадцать таких словарей-разговорников (Левичкин, 2017, с. 196–198). Фонетика, грамматика, лексика и фразеология в трех пособиях (анонимный русско-немецкий разговорник XVI

в., словарь Томаса Шrove и словарь Тонни Фенне), предназначенных для ганзейских купцов, позволила исследователям соотнести русскую составляющую языка этих разговорников с псковским диалектом (Болек, 2003; Хорошкевич, 1999). Тексты указанных сочинений неоднократно привлекались в качестве источника сведений по истории торговли и быта псковичей в раннее Новое время (Костючук, 2003, 2020; Мжельская, 1984, 1988, 2003, 2010; Мжельская & Костючук, 2003).

В этот же ранненовоязычный период создаются пособия и для изучения других славянских языков. Так, в 1539 г. в Кракове был впервые напечатан “Książeczek polskich”, который позднее неоднократно переиздавался в течение второй половины XVI в. В состав этого польско-немецкого разговорника, кроме повседневных фраз, были включены тексты молитв на польском языке, немецкие и польские образцы писем (Болек, 2003, с. 215).

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ СЛОВАРЯ-РАЗГОВОРНИКА «НЕКОТОРЫЕ МОСКОВИТСКИЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ, КОТОРЫЕ МОГУТ ПРИГОДИТЬСЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ»

В самом начале польско-турецкой войны 1672–1676 гг. царь Алексей Михайлович отправил к бранденбургскому курфюрсту предложение о создании антитурецкой коалиции (Hirsch, 1906, s. 269). В это время Фридрих Вильгельм уже принимал деятельное участие в организованной Голландией в 1672 г. антифранцузской коалиции. Великий курфюрст отказался от предложения русского царя, поскольку бранденбургской армии было необходимо остановить французское вторжение в Вестфалию (Hirsch, 1906, s. 270). В 1673 г. Фридрих Вильгельм заключил сепаратный мир с Францией и стал искать союза с Русским государством. В августе 1673 г. дипломатическая миссия отправилась в Москву (Hirsch, 1906, ss. 270–273). В свиту посла Иоахима Скультета и был включен юрист Иоганн Арнольд Бранд.

Биографические сведения о Бранде очень скудны. Известно, что он родился 27 июля 1647 г. в нидерландском городе Девентер (провинция Оверэйссел). Бранд обучался в нескольких университетах. В 1680 г. он стал доктором права и служил адвокатом в городском суде Клеве. С 1683 г. и до своей смерти (25 июня 1691 г.) Иоганн Арнольд Бранд занимал должность профессора права в Дуйсбургском университете (Günther, 1965, s. 757).

Во время путешествия в Москву Бранд вел путевой дневник и собирал сведения о Курляндии, Лифляндии и Московии. Эти рукописные материалы были переданы его родственниками Иоганну фон

Хеннину, профессору Дюйсбургского университета, который издал их в 1702 году (Brand, 1702). На русском языке опубликовано два кратких фрагмента из «Путешествия через Бранденбург, Пруссию, Курляндию, Лифляндию, Псков, Великий Новгород, Тверь и Москву»: описание пребывания посольства в Великом Новгороде (Коваленко, 2002) и пересказ свидетельства Альбрехта Доббина о ловле соболей в Сибири (Алексеев, 1936).

Согласно дневнику Иоганна Арнольда Бранда, бранденбургское посольство задержалось на пять недель в Кенигсберге. После завершения сбора всех подарков для русского царя, 7 октября делегация продолжила поездку в сторону Москвы (Brand, 1702, ss. 23, 47) и 2 ноября прибыла в пограничный замок Нейгаузен (Brand, 1702, ss. 126–127). Посольство пересекло границу 7 ноября (Brand, 1702, s. 173), быстро продвигалось на Москву по дороге через Псков, Великий Новгород и Тверь. Дипломатическая миссия прибыла в столицу 4 декабря. На следующий день состоялась встреча Иоахима Скульптета с Алексеем Михайловичем, в ходе которой были обсуждены вопросы турецкой угрозы, взаимоотношения сторон с Речью Посполитой и Швецией, судьба городов Себежа и Невеля (Бантыш-Каменский, 1902, сс. 12–14; Форстен, 1900, сс. 53–58; Hirsch, 1906, pp. 276–279). В обратный путь посольство отправилось 14 декабря и уже 26 декабря покинуло территорию России (Brand, 1702, ss. 245, 251).

Частью дневника Иоганна Арнольда Бранда является словарь-разговорник под названием «*Некоторые московитские слова и выражения, которые могут пригодиться путешественникам*». В опубликованном Иоганном фон Хеннином словаре-разговорнике И.-А. Бранда есть также колонтитул “*Moscovische Anmerckungen*” (условно, «Московские заметки»).

В издании 1702 г. учебное руководство занимает 9 страниц: с 258 по 266, текст разделен иллюстративной вставкой – таблицей со славянским алфавитом, взятой из сочинения Адама Олеария. Кроме этого, И.-А. Бранд уделяет внимание истории русских азбук в другой части своего дневника (Brand, 1702, ss. 428–430). Это не первая его любительская языковая штудия – в более ранней части дневника, касающейся Риги, он помещает разговорник для общения на «ливонском» (*Lithaumer, Lieffland*), запись песни и псалмов на «ливонском» из сочинения *Mr. Daniels Klein*, 1666 г. (Brand, 1702, сс. 102–116).

В 1965 г. Э. Гюнтер опубликовала текст разговорника на немецком языке и проанализировала транскрипцию записей русских слов и оборотов речи (Günther, 1965). Э. Гюнтер не рассматривала словарь как

источник по истории дорожной повседневности и по взаимоотношениям иностранцев с русскими. В советской и российской историографии словарь-разговорник никогда не изучался. Краткое перечисление содержания словаря Бранда приведено в работе Л. Н. Пушкарева (Пушкарев, 2004, с. 125). Настоящая публикация имеет целью обзор и частичный перевод источника, рассмотрение его в контексте аналогичных сочинений с точки зрения реалий материальной культуры. Авторы статьи пользуются главным образом методами логико-семантического и компаративистского анализа.

СОСТАВ И СОДЕРЖАНИЕ СЛОВАРЯ-РАЗГОВОРНИКА

В словаре-разговорнике его автор разделил слова и выражения на тематические группы, такие, как принадлежащие к числам и счету, к частям тела, предметам одежды, к дорожному лексикону. Однако внутри групп систематизация слов отсутствует или условна – нет ни алфавитного, ни тематического порядка. Не будучи лингвистом, И.-А. Бранд был любознательным путешественником, проявлявшим живой интерес ко всему иноземному, но не имевшим квалификации, чтобы свести полученные сведения в научно обоснованную систему. Вероятно, выяснение значений происходило в процессе натурного показа предметов. Видно, например, что показ частей тела шёл преимущественно сверху вниз по фигуре, показ одежды и принадлежностей костюма – от пояса, хотя и с некоторыми объяснимыми отступлениями и возвратами. При переносе слов из черновых заметок в итоговый текст автор и издатель не стали совершенствовать изначальный порядок.

Большая часть транслитерированных И.-А. Брандом слов интуитивно понятны русскому читателю и без немецкого перевода. Поэтому перевод немецкого перевода И.-А. Бранда обратно на русский язык представляется нам в тексте данной статьи избыточным. Будем отмечать лишь те случаи, когда перевод автора явно расходится с приведенным русским словом или выражением, либо может прояснить спорные места. Представляется важным уделить больше внимания русским словам в передаче И.-А. Бранда, и приводимое нами «буквальное прочтение» – это предположение относительно того, как могли звучать русские слова и фразы в исполнении автора словаря-разговорника, а «перевод» в квадратных скобках – это разъяснение написанных латиницей русских слов¹. Расшифровка словаря

¹ Благодарим доктора филологических наук, профессора кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного Псковского государственного университета Ларису Яковлевну Костючук за консультацию и советы по представлению текста И.-А. Бранда.

на немецком языке доступна читателю в публикации Э. Гюнтер (Günther, 1965).

Свой словарь Иоганн Арнольд Бранд начинает с лексики, необходимой для счета на русском языке. В раздел «Числа» он помещает такие слова, как «perrowoy» – букв., перровой [первый], «drugoy» – другой, или второй, «tri» – три, «tschattiri» – букв., чаттыри [четыре], «riad» – букв., пядь [пять], «ssiest» – букв., ссесть [шесть], «sschjéme» – букв., сшьеме [семь], «wosmi» – букв., восми [восемь], «dewet» – букв., девет [девять], «dezet» – букв., децет [десять], «odínatset» – букв., одинатцет [одиннадцать], «dwenatset» – букв., двенатцет [двенадцать], «trinatzet» – букв., тринатцет [тринадцать], «tschattirinatzet» – букв., чаттиринатцет [четырнадцать], «riadnatset» – букв., пяднатцет [пятнадцать], а также «dwatzet» – букв., дватцет [двадцать], «perrowoydwatzet» – букв., перровойдватцет [двадцать первый или двадцать один], «tritset» – букв., тритцет [тридцать], «perroxvoy-tritset» – букв., перроксвой-тритцет [тридцать первый или тридцать один], «ssorock» – букв., ссорок [сорок], «riad-dezat» – букв., пядь-децат [пятьдесят]. После чисел «пятнадцать», «двадцать один» и «пятьдесят» И.-А. Бранд позволяет читателю самому конструировать числительные, трижды добавляя: «и так далее» (дословно, «und so ferner»). В рассказе о русских азбуках он поясняет, что русские числа для своего сочинения позаимствовал из текста Адама Олеария (Brand, 1702, s. 430).

Под заголовком «Члены (конечности) тела» (*Glieder des Leibs*) в словаре расположены: «glasa» – глаза, «barada» – букв., барада [борода], «ouss» – ус, «nô» – нос, «rôt» – рот, «jasyk» – букв., язык [язык], «sube» – букв., зубе [зубы], «guba» – губа, «ssôke» – букв., ссёке [щёки], «brôvi» – букв., брёви [брови], «ouschje» – уши, «pleetzo» – букв., плетцо [плечо], «lokaetz» – букв., локатц [локоть], «paeltz» – букв., пелтц [палец], «ruka» – рука, «nokat» – букв., нокат [ноготь], «ssustaetz» – букв., ссустаец [суставец], «gorrla» – букв., горрла [горло], «sschéja» – букв., сшея, шея (?) [шея], «spina» – спина, «boolssjey» – букв., боолсшей [большой палец], «loop» – букв., лооп [лоб], «missynjetz» – букв., миссинетц [мизинец], «reôbra» – рёбра, «wollosse» – букв., волоссе [волосы], «poup» – пуп, «breougcha» – букв., брюгха [брюхо], «gssuj» – букв., гссуй, «naga» – букв., нага [нога], «kalyna» – букв., калина [колени], «peta» – букв., пета [пята], «укра» – икра, «golin» – букв., голин [голень], «pysta» – букв., писта, что автор деликатно переводит латинским «*membrum muliebre*», «beaudra» – бёдра, «gousna» – букв., гузна [гузно]. К первому значению при переводе слова «beaudra» – «бедро, бёдра» автор добавил второе – «ягодицы».

Для перевода термина «gssuj», сообщенного автору вместо книжного «уд», И.-А. Бранд использует немецкое «стыд» (*scham*). Слово «ус» у автора, вероятно, ошибочно, переводится как «*knebel*» (колено). Слову «*djytska*» [дядька – ?] в данном разделе соответствует перевод «грудь», и это вряд ли отражает какое-то местное наименование части тела. Вероятнее всего, ошибка возникла из-за характерного жеста указания на себя/указания на грудь. В данном случае респондент представился, хотя и не назвал имени. В целом, содержание и компоновка названных слов также скорее указывает на то, что информант Иоганна Бранда был мужчиной.

Тема описания внешности продолжается в разделе «*Вещи, относящиеся к одежде и уходу за телом*» (*Zur Kleydung und dienst des Leib gehörige dinge*). Здесь И.-А. Бранд помещает такие слова, как «*preâska*» – букв., пряшка [пряжка], «*spaga*» – шпага, «*јура*» – букв., юпа [юбка], «*kaftaen*» – кафтан, «*puguvytze*» – букв., пугувитце [пуговицы], «*basmaek*» – башмак, «*tzulok*» – букв., тцулок [чулок], «*ssstane*» – букв., сстане или штане [штаны], «*rokávytze*» – букв., рокавитце [рукавицы], «*peristrancku*» – букв., перистранки [И.-А. Бранд поясняет, что это вязанные перчатки], «*ssleapa*» – букв., сслапа или шлапа [шляпа], «*rubáecha*» – рубаха, «*reemen*» – букв., ремен [ремень], «*wytkail*» – букв., виткайл, «*sskuffia*» – скуфья, «*künitza*» – букв., кюнитца [куница], «*plaet*» – плат, «*kaermahn*» – карман.

Автор разговорника полагает, скуфья – это ночной колпак, ночная шапочка, но не головной убор монаха или священнослужителя, а также поясняет, что плат – это носовой платок, а карман – мешочек или «*schiebsack*».

Слово «*wytkail*» появляется в словаре, когда автор пытается выяснить русское название слова «*halßtuh*» (галстук, шейный платок), и вряд ли соответствует значению.

В раздел «*Пища и напитки, и всё, что к ним относится*» (*Spcuß und Tranck/und was dazü schönt*) автор помещает названия продуктов, приправ и напитков: «*mugcha*» – букв., мутха [мука], «*јајitze*» – букв., яйitze [яйца], «*karaffé*» – букв., караффé [каравай], «*sseaul*» – соль, «*massla*» – букв., массла [масло], «*poëretz*» – букв., пёретц [перец], «*ryba*» – букв., риба [рыба], «*barana*» – букв., барана [баран], «*gous*» – букв., гус [гусь], «*kuritza*» – букв., куритца [курица], «*indeiska kuriska*» – букв., индейска куриска [индейка], «*yssum*» – изюм, «*gorilka wina*» – букв., горилка вина [вино/бренди], «*piwa*» – букв., пива [пиво].

Здесь же перечислены необходимые для приготовления и употребления пищи или напитков предметы: «*drova*» – дрова, «*oogoín*» – букв., оогоин [огонь], «*uguel*» – уголь, «*ssreblitz*» – букв.,

среблитц [скребница (?)], «upollowna» – букв., уполовна [половник], «upollowna rieetka» – букв., уполовна риеетка, «ssklanitza» – букв., сскланитца или шкланитца [скляница], «stool» – стол, «neauzjysk» – ножик, «wiltz» – букв., вильтц [вильца, вилка], «tzeeren» – букв., тцерен [черен = ручка ножа], «neausny» – ножны либо «ножни», ножницы.

Также в перечень входит «potz sswysnick» – подсвечник, но в переводе у автора указана *rothe Rübe* (красная свекла), что может указывать на недоразумение. Названия половников автор переводит как *Kochlöffel* (кухонная ложка) и *Shaumlöffel* (ложка для снятия пены).

Далее словарь прямо внутри раздела переходит в формат разговорника, и в тексте появляются готовые конструкции, в том числе, с новыми словами (молоко, вода, жаркое «schjalyck», капуста, курица, хлеб).

У автора	Буквальное прочтение, перевод, пояснения
Prynnessi na dwá coryke sswyzja molokka	букв., Принесси на два копийке свижа молокка [Принеси на две копейки свежего молока]
Dóoytte matska molokka?	букв., Дойтте матска молокка [Дайте, матушка, молока]
Davai póvar woda	букв., Давай повар вода [Дай, повар, воды]
Peauverty schjalyck	букв., Поверти шялык [шашлык] [Автор переводит это как <i>wend den Braten</i> – «переверни жаркое»]
Jessle utebéa Sswezja capusta?	букв., Ессле у тебеа ссвежъя капуста? [Есть ли у тебя свежая капуста?]
Jessle utebéa dobbra, choroschja, piwa?	букв., Ессле у тебя доббра хорошъя пива? [Есть ли у тебя доброе хорошее пиво?]
Pookroy sstool	букв., Поокрой сстол [Накрой на стол (?)]
Wostmy protsch	букв., Возтми протч [Возьми, т.е. заведи, унеси прочь – народное]. Согласно пояснению автора, это должно означать «унеси это блюдо», <i>nehmt den Disch auf</i>
Daimene ssweeschja chólotna woda	букв., Дай мене свежъя холотна вода [Дай мне свежую холодную воду]
Khiópla woda	букв., Хиопла вода [Тёплая вода] Возможно, в тексте описки или опечатка, и на месте «Kh» должна быть «Th»
Jatwoi sdorovia piú	букв., Я твой здоровья пью [Я пью за твое

	здоровье]
Budis doróve	букв., Будис дорове [Будь здоров]
Sspassibo	Спасибо
To poslanick sdorovia	букв., То посланик здоровья [Здоровья посланнику (?)] <i>Автор переводит это как Ich bring dir des H. Ubgesandten Gesundheit</i>
Je tibi wina dam	букв., Я тибви вина дам [Я тебе вина дам]
Daimene, kaktebe yswohlit, ot kuritza	букв., Дай мене как тебе изволит, от куритца [Дай мне, какую изволишь, часть курицы]
Ryschmone chleba	букв., Риж моне хлеба [<От>режь мне хлеба]
Ewod wosmi chleba	букв., Эвод возми хлеба [Вот, возьми хлеба]

Таблица 1. | Table 1.

Фразы из раздела о трапезе позволяют воссоздать живые диалоги в корчме между иностранцами и местными хозяевами. Заметно, что гость одновременно пытается быть и требовательным, и вежливым посетителем, либо его подвигают к тому снабжающие его лексикой информанты (ср. «Davai róvar woda», «Pookroy sstool», с одной стороны, и «Daimene, kaktebe yswohlit», «Daime laesku natzem ssedsjítz»). Возглас «To poslanick sdorovia» наводит на мысль о коллективных трапезах посольской делегации в гостях у русских должностных лиц, где из уст хозяев мог прозвучать подобный тост.

Отличительной чертой словаря-разговорника Иоганна Бранда является наличие обширного раздела о письменных принадлежностях. Эти предметы, вероятно, автор пытался добыть в каком-либо месте, где посольство останавливалось на подворье. По повторам и несостыковкам в разделе можно осторожно предположить, что И.-А. Бранд испытал довольно большие затруднения с получением необходимых вещей.

В данный раздел – «Принадлежности для письма и прочее» (*Schreib-Geräth / und ander mehr*) помещены такие слова, как «koryga» – букв., корига [автор переводит это как *Schreib buch*]; «bulaefka» – букв., булафка [при этом автор переводит слово как *Schreib stuhl* – «стул для письма»]; «sserlynitza» – букв., серлинитца [чернильница]; «bumágu» – бумага; «pieaureau» – перо; «ssteaul» – букв., стол [но автор переводит слово как *dinte* – «чернила»]; «kosja» – букв., кося [кожа или козья, в переводе автора – *uinschlag eines buchs*, «обложка книги»]; «pissoók» – букв., писок [песок для присыпания написанного чернилами];

«peausswiroelka» – [вероятно, песочница, письменный прибор, либо пресс, у И.-А. Бранда – *pseisse*]; «ssypietz» – букв., ссыпец [сыпец = сосуд для песка из письменного прибора, но у автора – *licht putz*]; «teauroór» – букв., топор [автор переводит как *becken*]; «sstulea» – букв., сстулеа или сстуло [автор переводит словом *block*]; «zirkola» – букв., зиркола [зеркало]; «griebin» – букв., гребин [гребень, но автор переводит как *kamin*]; «kudri» – кудри; «oroijaska» – опояска, но автором переведено, как *velour* – «велюр», «бархат»; «sswieetsche» – букв., свече [свеча]; «to ridwaen» – букв., то ридван [повозка, рыдван]; «karéta» – карета; «koleósza» – букв., колеосца [колеса].

Из всего сочинения именно данный блок лексики обладает наименьшей прозрачностью для перевода. Возможно, часть слов и значений была перепутана или искажена при печати дневника. Не исключено, что оригинальные записки в этой части могли быть обрывочны или дефектны, что информанты были неверно поняты. Во всяком случае, сочетание слова «булавка» с переводом «стул для письма» (возможно, стило для письма?), слова «ssteul» (стол?) с переводом «чернила», слова «teauroór» (топор?) с переводом «becken» (в значении «сосуд?») в первом приближении вызывает недоумение. Нет ясности и с переводом первого слова в разделе – «koryga». Выскажем предположение, что в рукописи Иоганна Бранда вместо этого слова могла быть просто «кнуга». Перевод «kamin» для «griebin», может быть, не является ошибкой, а восходит к «samino» («гребешок»).

Помещение в данную часть лексики, связанной с уходом за собой и гигиеной (гребень, зеркало), может иметь только ситуативное объяснение, связанное с путевыми потребностями или наличием в соответствующем месте описанных в разделе предметов.

В раздел попадает и дорожная лексика: карета, рыдван, колеса – видимо, из-за связи с почтовой службой и ямскими реалиями. Это позволяет предположить, что поиск письменных принадлежностей Иоганн Бранд пытался осуществить на постое в почтовом яме.

Бросается в глаза, что передача звуков в словах данного раздела отличается избыточностью, переусложненностью (напр. «Sswieetsche», «Píeaureau»). И.-А. Бранд не декларировал в своем словаре-разговорнике никаких правил передачи звуков немецкими буквами, и в сочинении нет единой системы. Он пытался выработать наиболее удачную транскрипцию по ходу составления словаря-разговорника, мог пользоваться советами каких-либо людей, но и респонденты автора по разным разделам могли иметь свои особенности произношения.

Наиболее объемная часть словарного сочинения Иоганна Бранда – раздел «*Всякие вещи в путешествиях*» (*Allerhand in reisen dientich*).

Раздел начинается со слов «Dwornik, Dwornitza» (хозяин/управляющий гостиницей и хозяйка гостиницы), но вся оставшаяся его часть выстроена, как разговорник.

Часть выражений относится к универсальным случаям общения, часть призвана помочь в общении с прислугой, особенно в ситуациях с поклажей.

У автора:	Буквальное прочтение, перевод, пояснения:
Ssluschaytis?	букв., Сслушайтис? [Слушайтесь]
Ssluchay	букв., Слухай <i>И.-А. Бранд переводит это, как «Höre du» (ты слушай?).</i>
Stó gchótsschjes?	букв., Сто гхоцчис? [Что хочешь?]
Klikay tot schjollovjick	букв., Кликай тот чолловик [Кликни, <i>т.е. позови или оклики</i> того человека]
Ny gray drougues	букв., Ни грай ...дрогас (?) <i>Неясное место, авторский перевод: «Macht kein geschrey» (не кричи). «Грай» может означать крик, шум.</i>
Kien naeszin	букв., Кин назин [Кинь наземь (?), <i>т.е. сбрось</i>]
Dobbróste	букв., Добросьте [Да брось ты <i>или Да бросьте</i>] <i>Перевод И.-А. Бранда гласит «es ist gut»</i>
Ach de ti stóis?	букв., Ах де ти штоис [Ах, где ты стоишь?]
Wót sterrá	букв., Вот стерра [Вот здесь, <i>шутл.?</i>]
Wienezí koropki wohn	букв., Винеци коропки вон [Вынеси коробки вон]
Prienczí nate éga koropka	букв., Принези на те<л>ега коропка [Принеси, <i>т.е. перенеси</i> , на телегу коробку]
Wosmi nazim schjemodan	букв., Возми нацим чемодан [Возьми наш (<i>наземь?</i>) чемодан]
Stoï taem gdié phzanie stoid	букв., Стой там где фсани стоид [Стой там, где сани стоят]
Stoi taem gdié loosjed stoïd	букв., Стой там где лоошедь стоид [Стой там, где лошадь стоит]

Таблица 2. | Table 2.

Небольшой блок общих фраз предназначен, возможно, для облегчения общения с попутчиками, с другими постояльцами, с хозяевами, ямщиками:

У автора:	Буквальное прочтение, перевод, пояснения:
Zdorove zjiveósteri?	букв., Здорове живёстери [Здорово живёшь, шутл. ?]
Sdoróvoy zjiveósch?	букв., Здоровой живёш [Здорово живёшь?]
Ja twoi Sslugasteri	букв., Я твой слугастери [Я твой слуга? шутл. ?]
Prostyste	букв., Простисте [Простите]
Pudy spaetz	букв., Пуди спатц [Подиди спать]
Da jútero ráнно stavay	букв., Да утеро ранно ставай [Утром рано вставай]
Prósty drugne	букв., Прости другне И.-А. Бранд переводит это: «Хорошо, мой друг»
Dobro utero	букв., Добро утеро [Доброе утро]
Dobro weetsjor	букв., Добро вечор [Добрый вечер]

Таблица 3. | Table 3.

Часть фраз непосредственно относится к общению с ямщиками, а также к верховой езде:

У автора:	Буквальное прочтение, перевод, пояснения:
Phtottssjai gotof	букв., Фтотчай готоф [Тотчас готов]
Jem ssjick miessjock semno	букв., Йем щик мешок семно [Ямщик, мешок сена]
Wykin wohn ssolóma miessjock?	букв., Викин вон солома мешок [Выкинь вон мешок соломы].
León	Лён
Pregay phsanie, losschjet jam ssjik	букв., Прегай фсани лошадь йам щик [Запрягай в сани лошадь, ямщик]
Poye schjay	букв., Пое шай [Поезжай, поехали]
Ponnessi ssoloma wohn	букв., Поннесси ссолома вон [Понеси, т.е. вынеси или отнеси солому вон]
Wosmi mieschock wohn, dapossli ssomenoi	букв., Возми мешок вон, да поссли со мной ссоменой [Возьми мешок вон, да пошли со мной] «Возьми вон» употреблено в значении «вынеси»
Cudi etoi dorógua poidiot?	букв., Куды этой дорога пойдёт? [Куда эта дорога идёт?]
Do torssjoeck	букв., До торжок [До Торжок, т.е. до Торжка (?)] И.-А. Бранд переводит, как «на город»

Ot goroda	От города
Mattigg jobo, vel Tycho pojé ssjai	букв., Маттиг ёбо вел ты чо поешай [<i><возможно, бранное выражение></i> , ты что поезжай]
Pojé ssjai sskoro	букв., Поешай сскоро [Поезжай скоро]
Mnógchole myle mjégchale ssousotne?	букв., Многоле миле миегхале ссосотне? [Много ли миль мы ехали со сотни, <i>возможно</i> , «за сёдне», <i>т.е. за сегодня</i>] <i>Здесь возможно смешение с топонимом, например, Осотня – река на Смоленщине и деревня на Полотщине</i>
Mnogchole würost mjégchale is derevna?	букв., Многоле вюрст миегхале из деревна? [Много ли вёрст мы ехали из деревни?]
Dersshémene loschsjet	букв., Дерше мене лошадь [Держи мене лошадь]
Dersshémene ssapónie	букв., Дерше мене сапоние [Держи мене супонь] <i>И.-А. Бранд переводит, как «крепко держи мене стремя»</i>
Peauschallu	букв., Пошалу [Пожалуйста – <i>так и в переводе И.-А. Бранда</i>]
Büdetlie fskoreau sswietleau nadíeau?	букв., Будет ли вскоре светло надо [Будет ли вскоре светло, надеюсь? (?)]

Таблица 4. | Table 4.

Большой массив выражений призван облегчить общение с русской прислугой, владельцами корчмы или постоянного двора по поводу обслуживания в комнате и приготовления пищи:

У автора:	Буквальное прочтение, перевод, пояснения:
Postaéve phpeetch	букв., Поставе фпетч [Поставь в печь]
Wósme eaugón issphpeetch	букв., Возме огон исппетч [Возьми огонь из печи]
Teaupimene phpeetch	букв., Топи мене фпетч [Топи мене печь]
Polló schimene ssolóma ssmischjock	букв., Поло шимене ссолома ссмишок [Положи мене солома с мешок]
Kien zypka wohn	букв., Кин зипка вон [Кинь, <i>т.е. выкинь</i> зыбку вон]
Wipasche won peaul	букв., Випаше вон пол [Выпаши вон пол (?)]
Ssidi	букв., Ссиди [Сиди]
Ssidié tebié nakoigne	букв., Сиди тебе на когне [Сядь на коня (?)]

Poostave swetietz ssuda	букв., Поста́ве светитц ссуда [Поста́вь светец сюда]
Nysschnie málitz	букв., Ниш́ни ма́литц [Нишкни ма́лец, <i>т.е.</i> помолчи, <i>малец</i>]
Polloschy schapka nagóllova	букв., Поло́ши шапка наго́лова [Положи, <i>т.е.</i> наденъ, шапку на голову]
Daime laesku natzem ssedsjítz	букв., Дайме ласку на тцем сидеть [Дай мне, ласку, на чем сидеть]
Proëtz malitz	букв., Проетц малитц [Проедь, <i>малец, т.е.</i> дай доро́гу]
Poddi wohn	букв., Поди вон
Poddi wohn, tiotsschies noch pagchnes	букв., Подди вон, ти от чеснох пагхнес [Поди вон, ты от чеснока пахнешь, <i>т.е.</i> чесноком пахнешь или от чеснока <дурно> пахнешь]
Otworri dwerr	букв., Отворри дверр [Отвори дверь]
Ssakroy dwerr	букв., Ссакрой дверр [Закрой дверь]
Sskoroi jelay	букв., Сскорой желай [Скорей желай (?) <i>делай (?)</i> И.-А. Бранд переводит это как «поторопись»]
Davai poietti	букв., Давай поети [Давай поестъ или давай взять/поять или давай поедем]
Daimene ssoloma	букв., Дай мене ссолома [Дай мне соломы]
Daimene sswescha Ssoloma, eta Ssoloma pagchnet	букв., Дай мене ссвеша ссолома эта ссолома пахнет [Дай мне свежую солому, эта солома <дурно> пахнет]
Ssjena	букв., Ссена [Сено]
Ssasjémene lucinu	букв., Зажже мене луцину [Зажги мне лучину]
Ssnimay sschwietz	букв., Сснимай сшветц [Снимай свет (?) <i>светец (?)</i> свечу (?)]
Davaymene ináa lucina	букв., Давай мене инаа луцина [Дай мне иную, <i>т.е.</i> другую, лучину]
Ssagasse lucinu	букв., Ссагассе луцину [Загаси лучину]

Таблица 5. | Table 5.

Всего лишь несколько фраз относятся к торговле, что отличает словарь И.-А. Бранда от торговых словарей-разговорников:

У автора:	Буквальное прочтение, перевод, пояснения:
Stóte gchtsjes potsché mutot tawar?	букв., Стоте гхочес почему тот тавар? [Что ты хочешь, почему тот товар?]
Tak dóroga	букв., Так дóрога [Так дорого]

Таблица 6. | Table 6.

Ряд выражений характеризует возможность попадания в конфликтные ситуации:

У автора:	Буквальное прочтение, перевод, пояснения:
Predymene jesschódin nakon!	букв., Преди мене йесшодин након! [Приди ко мне ещё раз на кон!] <i>И.-А. Бранд переводит это, как «давай ещё раз»</i>
Jacchotssjú tebié piath orégchie dam	букв., Якхочу теби пять орегхи дам [Я хочу тебе <о>пять <на> орехи дать] <i>В переводе И.-А. Бранда – дать пощечину</i>
Daváy jemó piath orégchie	букв., Давай емо пять орегхи [Дай ему <о>пять <на> орехи]
Blédinssin	букв., Блединсин [Б***** сын]
Schjortj	букв., Шьорт [Чёрт]

Таблица 7. | Table 7.

Структура и состав разговорника И.-А. Бранда имеет некоторые аналоги в других сочинениях своего жанра. Например, русская азбука и раздел «Число» существуют почти во всех иностранных словарях. Параллель набору приветственно-ответных фраз можно найти в разделе «Речи двух добрых друзей» немецко-русского словаря-разговорника Генриха Невенбурга 1629 г. Как отмечает Н. Г. Савич, приведенные в диалоге фразы выдержаны в подчеркнуто дружественном, сердечном тоне (Савич, 1978, с. 275). Вместе с тем разговорник И.-А. Бранда по своему составу – это пособие именно для путешественника. В отличие от него словари Т. Шрове, Т. Фенне и Г. Невенбурга содержат лексику, связанную с ведением хозяйства и необходимую людям, подолгу проживающим в чужих городах.

ВЫВОДЫ

Словарь-разговорник И.-А. Бранда является ценным источником по истории дорожного быта своего времени. Состав словаря-разговор-

ника позволяет воссоздать бытовые реалии жизни Бранденбургского посольства в дороге. Можно предположить, что в костюме обычного участника входили рубаха, кафтан на пуговицах, штаны, чулки и башмаки, ремень с пряжкой, вязанные перчатки, рукавицы и шляпа. Какая-то теплая одежда была подбита упомянутым мехом куницы. Также у путешественника с собой были шапочка для сна, частью костюма были карманы, шейные и носовые платки.

На стоянках и во время пути возникала возможность для общения с местными людьми, в том числе и для обмена лексикой. Этот обмен иногда был затруднен, а иногда сопровождался подшучиванием над приезжими, возможно, передразниванием иностранной речи (см. комплекс слов, дополненных фрагментом «стер»: слугастери, здестери).

Вопросы покупки продовольствия, судя по набору фраз в разговорнике, Иоганна Бранда волновали мало. Вероятно, этим занимались специальные люди, и составитель не был свидетелем их общения.

Бытовое обеспечение посольства выглядит солидно, если, конечно, лексика словаря не отображает запросы его составителя. Эти запросы могли далеко не всегда удовлетворяться. Мясные продукты в словаре представляют баран, гусь, курица, индейка, курица. Жаркое на вертеле, по данным И.-А. Бранда, русские называют словом «шялык», весьма напоминающим «шашлык». Также упоминается рыба. В отличие от словаря-разговорника Тонни Фенне, где перечисление рыб и сопутствующей лексики занимает три страницы (Hendriks & Schaeken, 2008, ss. 71–73), упоминание рыбы у Иоганна Бранда единично. Из овощей удостоилась попадания в словарь лишь капуста и, по ошибке, красная свекла. Учитывая, что путешествие проходило уже в зимние месяцы, присутствие в словаре запроса о «свежей капусте» выглядит со стороны участников посольства как прихоть. Впрочем, речь могла идти о несвежем блюде либо о неприятии кислой или квашеной капусты.

Названы как хлеб, так и каравай, упоминаются мука, яйца, масло, а также соль, перец и изюм. Из напитков словарь перечисляет воду, молоко, вино и горилку, а также пиво. Отдельно названа «скляница», в которой мог находиться какой-то крепкий напиток.

Столовые приборы, которые называет словарь И.-А. Бранда, включают нож и вилку. О названиях ложек автору удалось узнать лишь то, что существует деревянный половник и ложка для снятия пены. Никакой посуды, в которой готовили, И.-А. Бранд не упоминает.

Для трапезы накрывали стол. Стулья или лавки не упоминаются, но в словаре есть вежливая фраза «дай мне, ласку, на чем сидеть».

Грелись представители посольства у печей, о чем говорят упоминание требования истопить печь и обозначения всего, что с нею связано: дрова, уголь, огонь.

Свет в помещениях давала лучина, закрепленная в светец, либо свечи в подсвечниках. И.-А. Бранду, как можно видеть из его текста, для общения потребовались фразы о замене лучины – ведь ему был необходим свет, чтобы вести свои заметки.

Из средств передвижения И.-А. Бранд называет карету, рыдван, сани и телегу. Учитывая время года, колесные повозки и колеса автор мог, скорее всего, видеть не на ходу, а на поветях станций и постоянных дворов. Однако один раз в словаре присутствует перевод для требования принести багаж на «те ега» (предположительно, «телега»). О верховом конном передвижении свидетельствуют слова «супонь» (русское) и «стремя» (немецкое).

В услужении у членов посольства была русская прислуга. И.-А. Бранд дважды называет слово «малиц» (вероятно, «малец»), один раз «слуга» (может быть, вежливый оборот, не относящийся к прислуге). Возможно, именно к ним обращены требования убрать в комнате, перенести вещи, зажечь или погасить огонь, и другие императивы.

Также упоминаются и ямщики, которые везли посольство от места до места. Судя по расположению фраз в разговорнике, в обязанности прислуги, а иногда и ямщиков входила погрузка багажа (упоминаются «коропки» и «чемодан») и добыча свежего сена или соломы. Сено в записках путешественников, в целом, фигурирует как стратегический ресурс – на нем спали, его набивали в тюфяки, его укладывали в повозки (Tende, 1686, pp. 326–330). Особую заботу составляло попечение о свежести сена. Эта традиция поддерживается и словарем Иоганна Бранда: два раза упоминается сено, пять раз солома, и еще один раз – мешок, видимо, тоже с соломой.

Разговоры во время переездов, судя по тексту И.-А. Бранда, касались направлений дороги, расстояний и времени дня. Лексика, касающаяся погоды или качества дороги, в словаре отсутствует. Выражение «приди мене ещё один на кон» может косвенно свидетельствовать о практике азартных игр или о драках. Автор счел возможным включить в разговорник и бранные выражения, а также фразы с угрозами. Вероятно, конфликтные ситуации на протяжении поездки посольства также присутствовали.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00 015 «Антропология дороги: коммуникации русско-белорусского пограничья в XIV–XVIII вв.».

The reported study was funded by RFBR and BRFR, project number 20-59-00 015 “Anthropology of the road: communications of the Russian-Belarusian borderland in XIV–XVIII centuries”.

Список литературы

- Brand, J. A. (1702). *Reysen, durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovien, Gross-Naugardien, Tweerien und Moscovien: In welchen vieles nachdencklich wegen gemeldter Länder, ... Anbey Eine Seltsame und sehr Anmerckliche Beschreibung von Siberien* [Reysen, durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovien, Gross-Naugardien, Tweerien und Moscovien: In denen viel nachdencklich wegen gemeldter Länder, ... Anbey A Strange and Very Remarkable Description of Siberia]. Wesel: J. von Wesel. (In German).
- Günther, E. (1965). Russische Wörter und Redewendungen in einer Reisebeschreibung von 1673. *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin*, 14(5), 757–765.
- Hendriks, P., & Schaeken, J. (Eds.). (2008). *Tönne's Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607* (An electronic text). Leiden: Opl. Slavistiek. Retrieved from <http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/fenne11.pdf>
- Hirsch, F. (1906). *Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Band 19: Politische Verhandlungen* [Documents and records on the history of Elector Frederick William of Brandenburg. Volume 19: Political negotiations]. Berlin: G. Reimer. (In Germany).
- La Mottraye, A. (1732). *Voyages, en anglois et en françois, d'A. de La Mottraye en diverses provinces et places de la Prusse ducal et royale, de la Russie, de la Pologne, etc. [Texte imprimé], contenant un traité de divers ordres de chevalerie, un grand nombre de particularités curieuses touchant le tumulte de Thorn, la diette de Grodno, la vie de... Pierre I, celles de l'impératrice Catherine, du général Le Fort et du prince Menzikoff, avec des remarques géographiques, topographiques, historiques et politiques sur ces provinces et autres païs par lesquels l'auteur a passé. La Haye: A. Moetjens* [Travels, in English and French, of A. de La Mottraye in various provinces and places of ducal and royal Prussia, Russia, Poland, etc. [Printed text], containing a treatise on various orders of chivalry, a great number of curious particulars concerning the tumult of Thorn, the diette of Grodno, the life of the... [Printed text], containing a treatise on various orders of chivalry, a great number of curious particulars concerning the tumult of Thorn, the dietta of Grodno, the life of... Peter I, the Empress Catherine, General Le Fort and Prince Menzikoff, with geographical, topographical, historical and political remarks on these

provinces and other countries through which the author passed]. La Haye: A. Moetjens. (In French).

- Tende, G. (1686). *Relation historique de la Pologne contenant le pouvoir de ses rois, leur élection, & leur couronnement, les privileges de la noblesse, la religion, la justice, les mœurs & les inclinations des Polonois; avec plusieurs actions remarquables. Par le Sieur de Hauteville* [*Relation historique de la Pologne contenant le pouvoir de ses rois, leur élection, & leur couronnement, les privileges de la noblesse, la religion, la justice, les mœurs & les inclinations des Polonois; avec plusieurs actions remarquables. By the Sieur de Hauteville*]. Paris: J. Villery. (In French).
- Алексеев, М. П. (1936). *Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: Введение, тексты и комментарии*. Иркутск: КРАЙГИЗ.
- Бантыш-Каменский, Н. Н. (1902). *Обзор внешних сношений России (по 1800 г.)*. Москва: Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства Иностранных дел.
- Болек, А. (2003). Псковские разговорники-словари в работах краковских ученых. В *Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция* (Т. 2, сс. 213–218). Москва: МГУП.
- Витсен, Н. (1996). *Путешествие в Московию, 1664–1665: Дневник* (В. Г. Трисман, Пер.). Санкт-Петербург: Simposium.
- Кирпичников, А. Н. (1994). Сообщения немецкого путешественника Самуэля Кихеля о Пскове XVI в. Публикация источника и исследования. Часть I (публикация источника). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История языкознание, литературоведение*, (2), 3–8.
- Кирпичников, А. Н. (1995). Сообщение Иоганна Вундерера о Пскове и России 1590 г. Исследование и публикация источника. В *Славяно-русские древности. Выпуск 3. Проблемы истории Северо-Запада Руси* (сс. 167–217). Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
- Коваленко, Г. М. (Ред.). (2002). *Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века*. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого.
- Костючук, Л. Я. (2003). Псков XVI–XVII веков глазами иностранцев. (Понимание языковой картины мира через впечатления от незнакомого). *Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал*, (19), 41–47.
- Костючук, Л. Я. (2020). Уникальные источники о торговых отношениях и быте псковичей XVI–XVII вв. *Метаморфозы истории*, (15), 120–134.
- Левинсон, Н. Р. (1945). Записки Айрманна о Прибалтике и Московии 1666–1670 гг. *Исторические записки*, (17), 265–307.
- Левичкин, А. Н. (2017). Отрывок русско-голландского словаря XVII века из Пскова. В А. С. Герд & Е. В. Пурицкая (Ред.), *Севернорусские говоры. Выпуск 16* (сс. 196–235). Санкт-Петербург: Издательство «Нестор-История».
- Мжельская, О. С. (1984). Лексика псковского рынка начала XVII в. В А. С. Герд & В. В. Колесов (Ред.), *Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Выпуск 4* (сс. 84–96). Ленинград: Издательство ЛГУ.

- Мжельская, О. С. (1988). Лексика судоходства в «Разговорнике» Т. Фенне. В О. А. Черепанова (Ред.), *Русская историческая лексикология и лексикография. Выпуск 4* (с. 127–142). Ленинград: Издательство ЛГУ.
- Мжельская, О. С. (2003). *Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв.: По данным иностранных руководств для изучения русского языка*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
- Мжельская, О. С. (2010). Из названий товаров на Псковском рынке (XVI–XVII вв.). В О. А. Черепанова (Ред.), *Историческая лексикология и лексикография: Межвузовский сборник. Выпуск 8* (с. 99–117). Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Мжельская О. С., & Костючук Л. Я. (2003). Русско-иноязычные разговорники XVI–XVII вв. Как источники сведений о жизни древнего Пскова и его обитателей (псковский торг). В *Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция* (Т. 2, с. 207–212). Москва: МГУП.
- Поссевино, А. (1983). *Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.)* (Л. Н. Годовикова, Пер.). Москва: Издательство МГУ.
- Пушкарев, Л. Н. (2004). Освоение русского языка иностранцами в конце XVI–XVII вв. *Вопросы истории*, (6), 121–128.
- Савич, Н. Г. (1978). Из истории русско-немецких культурных связей в XVII в. (Немецко-русский словарь-разговорник Г. Невенбурга 1629 г.). *Исторические записки*, (102), 246–286.
- Селарт, А. (2014). Тайна купцов, забота дипломатов: Русский язык в средневековой Ливонии. В Л. Н. Киселева & Т. Н. Степанищева (Ред.), *Лотмановский сборник. Выпуск 4*. Москва: ОГИ.
- Стрейс, Я. Я. (1935). *Три путешествия* (А. Морозова, Ред.; Э. Бородина, Пер.). Москва: ОГИЗ-Соцэкгиз.
- Форстен, Г. В. (1900). К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского. *Журнал министерства народного просвещения*, (330), 22–58, 304–336.
- Хорошкевич, А. Л. (1999). Из истории создания немецко-русских словарей-разговорников «Томаса Шrove» и «Тонниса Фенне». В *Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. К юбилею Инги Константиновны Лабутиной* (с. 218–230). Псков: Псковская областная типография.

References

- Alekseev, M. P. (1936). *Siberia in the notes of West European travelers and writers: introduction, texts and comments*. Irkutsk: KRAYGIZ. (In Russian).
- Bantysh-Kamensky, N. N. (1902). *Review of external relations of Russia (up to 1800). Part 4: (Prussia, France, Sweden)*. Moscow: Commission for state certificates and contracts printing at the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs. (In Russian).

- Bolek, A. (2003). Pskov phrasebooks-dictionaries in the works of Krakow scientists. In *Pskov in Russian and European history: International scientific conference* (Vol. 2, pp. 213–218). Moscow: MGUP. (In Russian).
- Brand, J. A. (1702). *Reysen, durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovien, Gross-Naugardien, Tweerien und Moscovien: In welchen vieles nachdencklich wegen gemeldter Länder, ... Anbey Eine Seltsame und sehr Anmerckliche Beschreibung von Siberien* [Reysen, durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovien, Gross-Naugardien, Tweerien und Moscovien: In denen viel nachdencklich wegen gemeldter Länder, ... Anbey A Strange and Very Remarkable Description of Siberia]. Wesel: J. von Wesel. (In German).
- Forsten, G. V. (1900). To the foreign policy of the great Kurfust Friedrich Wilhelm of Brandenburg. *Journal of the Ministry of Public Education*, (330), 22–58, 304–336. (In Russian).
- Günther, E. (1965). Russische Wörter und Redewendungen in einer Reisebeschreibung von 1673. *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin*, 14(5), 757–765.
- Hendriks, P., & Schaeken, J. (Eds.). (2008). *Tönnie's Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607* (An electronic text). Leiden: Opl. Slavistiek. Retrieved from <http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/fenne11.pdf>
- Hirsch, F. (1906). *Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Band 19: Politische Verhandlungen* [Documents and records on the history of Elector Frederick William of Brandenburg. Volume 19: Political negotiations]. Berlin: G. Reimer. (In Germany).
- Khoroshkevich, A. L. (1999). From the history of German-Russian dictionaries-phrasebooks "Thomas Schrove" and "Tonnis Fenne" creation. In *Antiquities of Pskov. Archaeology. History. Architecture. To Inga Konstantinovna Labutina anniversary* (pp. 218–230). Pskov: Pskov Regional Printing House. (In Russian).
- Kirpichnikov, A. N. (1994). Notes of the German traveler Samuel Kihel about Pskov of the 16th century. Source and research publication. Part I (source publication). *Bulletin of St. Petersburg University. Series 2. History, Linguistics, Literary criticism*, (2), 3–8. (In Russian).
- Kirpichnikov, A. N. (1995). Report of Johann Wunderer about Pskov and Russia in 1590. Research and publication of the source. In *Slavic-Russian antiquities. Issue 3. Problems of the history of North-West Russia* (pp. 167–217). St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
- Kostyuchuk, L. Ya. (2003). Pskov of the XVI–XVII cc. through the eyes of foreigners (understanding the linguistic picture of the world through the impressions of the stranger). *Pskov. Scientific and practical, historical and local history journal*, (19), 41–47. (In Russian).
- Kostyuchuk, L. Ya. (2020). Unique sources on trade relations and life of the pskovites of the XVI–XVII. *Metamorphoses of history*, (15), 120–134. (In Russian).
- Kovalenko, G. M. (Ed.). (2002). *eliky Novgorod in foreign works of the XV – early XX century*. Veliky Novgorod: NovSU named after Yaroslav the Wise. (In Russian).

- La Mottraye, A. (1732). *Voyages, en anglois et en françois, d'A. de La Motraye en diverses provinces et places de la Prusse ducal et royale, de la Russie, de la Pologne, etc. [Texte imprimé], contenant un traité de divers ordres de chevalerie, un grand nombre de particularités curieuses touchant le tumulte de Thorn, la diette de Grodno, la vie de... Pierre I, celles de l'impératrice Catherine, du général Le Fort et du prince Menzikoff, avec des remarques géographiques, topographiques, historiques et politiques sur ces provinces et autres païs par lesquels l'auteur a passé. La Haye: A. Moetjens [Travels, in English and French, of A. de La Motraye in various provinces and places of ducal and royal Prussia, Russia, Poland, etc. [Printed text], containing a treatise on various orders of chivalry, a great number of curious particulars concerning the tumult of Thorn, the diette of Grodno, the life of the... [Printed text], containing a treatise on various orders of chivalry, a great number of curious particulars concerning the tumult of Thorn, the dietta of Grodno, the life of... Peter I, the Empress Catherine, General Le Fort and Prince Menzikoff, with geographical, topographical, historical and political remarks on these provinces and other countries through which the author passed]. La Haye: A. Moetjens. (In French).*
- Levichkin, A. N. (2017). An excerpt from the Russian-Dutch dictionary of the XVII century from Pskov. In A. S. Gerd & E. V. Puritskaya (Eds.), *Northern Russian dialects. Issue 16* (pp. 196–235). St. Petersburg: Publishing house «Nestor-Istoriya». (In Russian).
- Levinson, N. R. (1945). Ayrmann's notes on the Baltic and Muscovy 1666–1670. *Historical notes*, (17), 265–307. (In Russian).
- Mzhelskaya, O. S. (1984). Vocabulary of the Pskov market at the beginning of the XVII century. In A. S. Gerd & V. V. Kolesov (Eds.), *North Russian dialects. Interuniversity collection. Issue 4* (pp. 84–96). Leningrad: Leningrad State University Press. (In Russian).
- Mzhelskaya, O. S. (1988). Shipping vocabulary in the Phrasebook by T. Fenne. In O. A. Cherepanova (Ed.), *Russian historical lexicology and lexicography. Issue 4* (pp. 127–142). Leningrad: Leningrad State University Press. (In Russian).
- Mzhelskaya, O. S. (2003). *Vocabulary of everyday-spoken language of Muscovite Russia of the XVI–XVII: According to foreign guidelines for Russian language study*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
- Mzhelskaya, O. S. (2010). From the names of goods in the Pskov market (XVI–XVII). In O. A. Cherepanova (Ed.), *Historical lexicology and lexicography: interuniversity collection. Issue 8* (pp. 99–117). St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University. (In Russian).
- Mzhelskaya, O. S., & Kostyuchuk, L. Ya. (2003). Russian-foreign language phrasebooks of the XVI–XVII cc. as sources of information about the life of ancient Pskov and its inhabitants (Pskov market). In *Pskov in Russian and European history: International scientific conference* (Vol. 2, pp. 207–212). Moscow: MGUP. (In Russian).
- Possevino, A. (1983). *Historical writings about Russia in the XVI c. ("Muscovy", "Livonia", etc.)* (L. N. Godovikova, Trans.). Moscow: Moscow University Press. (In Russian).
- Pushkarev, L. N. (2004). Mastering Russian by foreigners at the end of the XVI–XVII. *Issues of History*, (6), 121–128. (In Russian).

- Savich, N. G. (1978). To the history of Russian-German cultural relations in the 17th century. (German-Russian dictionary-phrasebook by G. Nevenburg 1629). *Historical notes*, (102), 246–286. (In Russian).
- Selart, A. (2014). Mystery of merchants, care of diplomats: the Russian language in Medieval Livonia. In L. N. Kiseleva & T. N. Stepanishcheva (Eds.), *Lotmanovsky collection. Issue 4*. Moscow: OGI. (In Russian).
- Streis, J. J. (1935). *Three journeys* (A. Morozova, Ed.; E. Borodina, Trans.). Moscow: OGIZ-Sotsekgiz. (In Russian).
- Tende, G. (1686). *Relation historique de la Pologne contenant le pouvoir de ses rois, leur élection, & leur couronnement, les privileges de la noblesse, la religion, la justice, les mœurs & les inclinations des Polonois; avec plusieurs actions remarquables. Par le Sieur de Hauteville* [*Relation historique de la Pologne contenant le pouvoir de ses rois, leur élection, & leur couronnement, les privileges de la noblesse, la religion, la justice, les mœurs & les inclinations des Polonois; avec plusieurs actions remarquables. By the Sieur de Hauteville*]. Paris: J. Villery. (In French).
- Witsen, N. (1996). *Journey to Muscovy, 1664–1665: Diary* (V. G. Trisman, Trans.). St. Petersburg: Simposium. (In Russian).

GERMAN TRAVELERS IN PERU OF THE SECOND HALF OF 19th AND EARLY 20th CENTURIES: DEVELOPMENT AND ENVIRONMENT CONSTRUCTION

Elena V. Novoselova

MIREA – Russian Technological University. Moscow, Russia. Email: [Helena-Novoselova\[at\]yandex.ru](mailto:Helena-Novoselova[at]yandex.ru)

Abstract

The article is dedicated to the analysis of Peruvian travelogues of German-speaking travelers in the second half of 19th – early 20th centuries. Until now, this material has not attracted the attention of americanists. In the present analysis the author sets the following tasks: identifying the place of Peru in the German social and cultural discourse of the corresponding period; describing the social portrait of the German traveler in Peru; highlighting the main patterns underlying the image of Peru created by travelers; analyzing factors that influenced the creation of these patterns. The analysis shows the following results. First, the place of Peru in German discourse can be described as insignificant. Secondly, the typical German traveler to Peru was an educated middle-class person with a certain background concerning the Peruvian theme. Third, the author identifies the following patterns – stable sets of ideas about Peru: exoticism, mostly negative image of local habitants, dichotomy of the Peruvian past and present, in which the past acts as an era of glory, and the present – as the time of decline; view of the landscape as a reflection of the political and economic state of the country. The author also characterizes the main descriptive model of Peru for German travelers as “realistic”. Finally, the author identifies some factors that influenced the formation of the image of this country, in particular, the colonial discourse and the racial theory, as well as the political sympathies of the travelers themselves.

Keywords

German travelers; Peru; colonialism; race theory; environment construction; travelogues; landscape; frontier; Incas; German language

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НЕМЕЦКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В ПЕРУ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.: ОСВОЕНИЕ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Новосёлова Елена Владимировна

МИРЭА — Российский технологический университет. Москва, Россия.

Email: [Helena-Novoselova\[at\]yandex.ru](mailto:Helena-Novoselova[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена анализу путевых заметок немецкоязычных путешественников второй половины XIX — начала XX в., посвященных их поездкам по Перу. До настоящего момента этот материал не привлекал пристального внимания американистов. При его анализе автор поставил следующие задачи: обозначить место Перу в немецком общественном и культурном дискурсе соответствующего периода; обрисовать социальный портрет немецкого путешественника в Перу; выделить основные паттерны, лежащие в основе создаваемого путешественниками образа Перу; проанализировать, какие факторы оказывали влияние на создание этих паттернов. В ходе анализа были получены следующие результаты. Во-первых, место Перу в немецком дискурсе можно охарактеризовать как незначительное. Во-вторых, типичный немецкий путешественник по Перу был образованным представителем среднего класса, имеющим определенный историко-культурный фон касательно перуанской тематики. В-третьих, автор выделяет следующий набор устойчивых представлений о Перу: экзотичность, преимущественно негативный образ местных жителей, дихотомия прошлого и настоящего Перу, в рамках которой прошлое выступает как эпоха славы, а настоящее — упадка; взгляд на ландшафт как отражение политико-экономического состояния страны. Автор также определяет основную описательную модель Перу у немецких путешественников как «реалистическую». Наконец, автор отмечает факторы, оказавшие воздействие на формирование образа Перу, в частности, это колониальный дискурс и связанная с ним расовая теория, а также политические симпатии самих путешественников.

Ключевые слова

немецкие путешественники; Перу; колониализм; расовая теория; конструирование пространства; путевые заметки; ландшафт; фронтир; инки; немецкий язык

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Тематика, связанная с путешествиями, в последние годы является одной из наиболее популярных в широком спектре гуманитарных наук (истории, этнографии, культурологии, философии и т. д.). Это можно объяснить в том числе той важностью, которой обладает феномен путешествия для развития культуры. Знакомство с неизвестным всегда оказывало влияние на индивидов, расширяло их кругозор (Назаров, 2020, сс. 257-258) и активизировало самопознание (Lipski, 2018, сс. 2-3). Все это оказывало влияние и на культуру, к которой индивиды принадлежали, способствовало расширению культурного пространства (Замятин, 2003, с. 80).

В этом отношении путешествия в отдаленные, малоизученные регионы являлись еще более мощным импульсом к самопознанию и расширению культурных горизонтов. В известной степени такие путешествия можно назвать частным случаем освоения фронта, пусть не всегда и в буквально-физическом, но неизменно духовном смысле: важнейшей особенностью этого процесса был контакт двух различных культур (Якушенков, 2019, с. 17).

Объектом изучения настоящей статьи является образ Перу, сформированный немецкоязычными¹ путешественниками обозначенного периода, а также средства, с помощью которых создавался этот образ. Для этого необходимо решить следующие исследовательские задачи: 1) обозначить место Перу в немецком общественно-культурном дискурсе того времени; 2) обрисовать социальный портрет немецкого путешественника в Перу; 3) выделить основные наборы устойчивых представлений, лежащие в основе создаваемого путешественниками образа Перу; 4) проанализировать, какие факторы оказывали влияние на создание этих клише. Решение данных задач позволит показать всю сложность и динамичность процесса ментального освоения перуанского пространства немецкоязычными путешественниками. С методологической точки зрения нам кажется наиболее продуктивным геокультурологический подход, в рамках которого географическое пространство изучается как культурный феномен. Мы также будем использовать историко-сравнительный и текстологический анализы с учетом принципа историзма.

---

1 Оговоримся, что не все путешественники, чьи работы будут анализироваться, были именно немцами, то есть подданными Германии в ее тогдашних границах. Однако тот факт, что немецкий был их родным языком и что именно на нем они писали свои произведения, говорит об их принадлежности к немецкой культуре. Используя далее по отношению к этим авторам и их трудам определение «немецкий», мы подразумеваем именно этот культурно-языковой аспект.

Хронологические рамки исследования (вторая половина XIX — начало XX в.) выбраны из следующих соображений. Более ранний период немецких путешествий в Перу исследован намного лучше, пусть и во многом за счет фигуры Александра фон Гумбольдта, которого с полным основанием можно назвать самым известным немецким путешественником в Перу (Humboldt, 1810; 1965). Избранный же период, несмотря на немалое количество немецких путешественников, практически не изучался. Путешествия в Перу более позднего периода уже нельзя назвать в полной мере столкновением с неизвестным и освоением фронта, поэтому они оставлены за рамками настоящей работы.

Основным источником для написания данной статьи послужили несколько произведений, написанных немецкими путешественниками в результате их поездок по Перу: «Перу. Наблюдения и исследования страны и ее жителей в течение 25-летнего пребывания» в трех томах Эрнста Вильгельма Миддендорфа, «Путешествия в Перу в течение 1838-1842 гг.» Йохана Якоба фон Чуди¹, «Путешествие в Панаму, Перу, Чили, Аргентину, Парагвай, Уругвай и Бразилию» Рихарда Фрайхерра и «Путешествие в Перу и Эквадор, совершенное в 1909 г.» Рихарда Зиверса. В качестве сравнительного материала будет также привлекаться труд британского путешественника Клеменса Маркхама «Путешествия в Перу». Выбор именно этого автора обусловлен двумя обстоятельствами: во-первых, его дважды за сравнительно короткий срок публиковали в Германии (в 1865 и 1874 гг.), что свидетельствует о популярности и востребованности. Во-вторых, на Маркхама ссылались упомянутые выше авторы, в особенности Миддендорф.

С жанровой точки зрения эти произведения можно назвать путевыми заметками, хотя мы и признаем известную условность такого определения. Одна из главных причин — неоднородность представленных материалов: от весьма поверхностного, туристического обзора Фрайхерра до глубокого и пространного анализа Чуди и особенно Миддендорфа, чьи произведения находятся на стыке путевых заметок и научного труда об истории и культуре Перу. Однако вне зависимости от глубины проникновения в предмет каждый из этих обзоров по-своему интересен, поскольку позволяет взглянуть на проблему под разными углами и, как следствие, получить более полную картину образа Перу у немецких путешественников. Также нельзя не отметить,

1 Несмотря на то, что само путешествие Чуди состоялось ранее нижнего хронологического рубежа настоящей работы, публикация результатов этого путешествия в 1846 г., то есть практически в середине века, дает основание включить этого автора в наш обзор.

что эти произведения крайне многогранны и могут рассматриваться как источник не только по заявленной проблематике, но и по истории немецкой общественной мысли и внешней политики, а также по истории самого Перу (как XIX в., так и древнего¹). Хотя эти аспекты не являются главными объектами изучения в рамках настоящей статьи, совсем обойти их вниманием мы тоже не можем.

Столь же многогранна и историография представленной темы. Мы сочли необходимым привлечь не только работы, связанные с феноменом путешествия и его осмыслением – этот пласт историографии является самым объемным (Назаров, 2020; Шпак, 2018; Замятин, 2003; Lipski, 2018; Helme & Youngs, 2002; Adams, 1983), – но и литературу по немецкой внешней политике (Lahme, 1990; Grabendorf & Roett, 1985; Бюлов, 1915) и колониализму (Zhang, 2017; Birkenmaier, 2013; Rohde, 2005; Steinnetz, 2003). При этом необходимо подчеркнуть, что работы, в которых осмысляются немецкие путешествия в Перу обозначенного периода, фактически отсутствуют в мировой историографии: немногочисленные обзоры (например: Leonard, 1972) ограничиваются Гумбольдтом. Даже существующие переводы этих произведений на испанский язык не сопровождаются должными обзорными статьями (единственное исключение – вводная статья к переводу труда Миддендорфа: Núñez, 1973). Эти обстоятельства и побудили автора к написанию настоящей статьи.

ПЕРУАНСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Теперь перейдем к анализу места вояжей в Перу в немецкой культуре и общественном дискурсе. К середине XIX в. путешествие в Перу для Германии уже не было чем-то из ряда вон выходящим: еще в XVIII в. был издан ряд путевых заметок, посвященных поездкам в Перу и сопредельные страны. Самым известным и влиятельным немецким путешественником был, конечно, А. фон Гумбольдт, но он был далеко не единственным: существуют как переводные, так и оригинальные немецкоязычные путевые заметки, посвященные Перу и вышедшие в XVIII – начале XIX вв. (Frezier, 1718; Bayer, 1776; Röppig, 1835). Такой расклад отличается, например, от России той же эпохи, где Перу в качестве направления для путешествий на фоне других латиноамериканских стран рассматривалось как глубокая периферия

1 Последнее относится, прежде всего, к трудам Миддендорфа и Чуди, которые оставили подробные описания многочисленных археологических объектов, относящихся к доиспанской истории Перу. Их ценность заключается в том, что многие из этих объектов на данный момент частично или полностью разрушены, и лишь более ранние описания путешественников позволяют представить, как эти объекты выглядели.

(Буйнова, 2017, с. 52). Таким образом, мы можем сделать предположение, что к середине XIX в. в немецкой культуре уже мог сложиться определенный образ Перу, который оказывал известное влияние на восприятие путешественниками перуанской действительности.

Тем не менее, анализируя роль Перу в общественном дискурсе Германии, следует признать, что его место было сравнительно скромным, хотя и достаточно важным, чтобы соответствующие путевые заметки были опубликованы. В рассматриваемый период Германия, будучи самой молодой из великих европейских держав (Бюлов, 1915, с. 1), занималась активным поиском своего «места под солнцем», включившись в колониальную гонку. При этом она не всегда преследовала сугубо завоевательные цели; ее интересовало в том числе экономическое и военно-политическое влияние. В связи с этим в литературе возникла концепция «неформального империализма» (Bernecker & Fischer, 1995, p. 273). Именно в этом контексте Латинская Америка вызывала известный интерес Германии, но он был направлен преимущественно на более крупные и перспективные с экономической точки зрения страны, такие как Бразилия и Аргентина (Glenn Penny, 2013, p. 366; Quelle, 1933-1934, pp. 195-197).

В связи с этим показательно, что Зиверс в своем почти стостраничном обзоре «Южная Америка и немецкие интересы» уделяет Перу лишь несколько страниц (Sievers, 1903, сс. 81-84). Отчасти это можно объяснить тяжелым экономическим положением Перу, которое усугубилось после Тихоокеанской войны, когда страна потерпела тяжелое поражение от Чили. Сами путешественники отмечают контраст прошлого и настоящего: будучи в колониальную эпоху богатейшей страной региона, сейчас (то есть во второй половине XIX в.) Перу страдает от разрухи. Однако даже там сформировалась немецкая община, пусть и немногочисленная (Sievers, 1903, p. 84), которая отличалась социальным разнообразием (Blackbourn, 2015, pp. 328-329).

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что немецкие путешественники в Перу принадлежали к сравнительно привилегированным слоям населения, а их поездки осуществлялись не из туристических, а практических соображений. В большинстве случаев это предположение оказывается верным: Миддендорф и Чуди, занимаясь научными исследованиями, написали свои произведения с целью представить собственный анализ перуанского прошлого и настоящего, главной целью Зиверса было изучение геологического разнообразия Анд, а Фрайхерр рассматривал свою поездку как способ укрепить позиции своего государства (Freiherr, 1906, p. 10). Таким образом, социальный портрет немецкого путешественника в Перу можно предста-

вить следующим образом: образованный представитель среднего класса (то есть не принадлежащий ни к низшим, ни к высшим слоям общества), имеющий определенные знания о Перу: у Чуди и Миддендорфа эти знания обуславливались научным интересом, а у Зиверса определялись тем обстоятельством, что его отец торговал со странами Южной Америки (Wagner, 1922, p. 49). Степень соответствующих знаний варьируется в каждом конкретном случае, но, судя по всему, все путешественники были знакомы с таким минимумом, как труды Гумбольдта и «Королевские комментарии инков» Инки Гарсиласо де ла Вега, самого популярного и читаемого в то время хрониста (русский перевод: Гарсиласо де ла Вега, 1974; последнее немецкое издание: Garcilaso de la Vega, 1986). Относительно Миддендорфа можно сказать, что он был знаком со всеми основными хрониками колониального периода, опубликованными на тот момент. Характерны также ссылки на Уильяма Прескотта, одного из самых известных исследователей доиспанской Америки в XIX в (Prescott, 1874).

Наличие определенных знаний и представлений предполагает формирование набора детерминаций, то есть неких образов, стереотипов и т.п., которые оказывают влияние на восприятие и анализ действительности. Они формируют определенный набор ожиданий, которые имеются у путешественника перед поездкой. Реальность может соответствовать им или же нет, но само наличие таких детерминаций свидетельствует хотя бы о приблизительном знакомстве с предметом.

Что мы можем сказать о немецких путешественниках в этом контексте? Показательны слова Миддендорфа, который отмечает, что многие молодые люди из Европы нередко разочаровываются, приезжая в отдаленные уголки земного шара, так как ожидали большей экзотики (Middendorf, 1893, p. 17-18). Эти слова относятся к первому впечатлению автора о Сиднее, но их вполне можно отнести и к Перу. Таким образом, первой перуанской детерминацией немецких путешественников мы можем назвать экзотику. Это кажется логичным, но требует некоторых пояснений.

Экзотика сама по себе предполагает необычность, непохожесть на знакомые путешественнику реалии. Здесь возможны две модели описания действительности: с опорой на привычные предметы / явления или же без них. Немецкие путешественники в Перу рассматриваемого периода прибегают, как правило, ко второй модели. Они практически никогда не прибегают к сравнению перуанских реалий с европейскими; некоторым исключением может считаться Миддендорф (например, он сравнивает андский горный пейзаж

с альпийским: Middendorf, 1895, pp. 71-72), однако учитывая внушительные размеры его труда, следует признать, что количество подобных сравнений ничтожно мало и на общую картину влияет весьма незначительно.

При этом перуанская экзотика воспринимается путешественниками XIX века совершенно иначе, чем в более ранние периоды. Даже в XVIII в. еще имела место тенденция приукрашивать описываемую действительность (Hulme and Youngs, 2002, p. 57), не говоря уже о предшествующих столетиях, когда Новый Свет в целом и Перу в частности воспринимались как область всяческих чудес и диковин, а также как пространство, столкновение с которым чревато опасностями. Более того, эти противоречивые представления в принципе характерны для восприятия отдаленных регионов, о которых нет исчерпывающих сведений (Якушенков & Якушенкова, 2013, сс. 9-11; Якушенков, 2015).

Немецкие путешественники второй половины XIX в. относятся к природным и культурным достопримечательностям Перу весьма прагматично (порой даже критично) и без особых эмоций. Описания Зиверса, Миддендорфа и Фрайхерра во многом ориентированы на практические аспекты: общий уровень экономики, состояние транспорта, общественных зданий и т.п. Особого внимания путешественников заслуживают железные дороги, которые возводились при непосредственном участии европейских специалистов. В то время это был единственный способ попасть во внутренние районы страны; кроме того, железные дороги в ту эпоху рассматривались как своего рода мерило экономического развития страны.

На этом фоне резко выделяется Маркхам, который описывает, например, бывшую столицу инкского государства Куско в следующих выражениях: «Куско! Ты — место действия такого величия и великолепия! ... Где твое твоея сила и твое величие?» (Markham, 1874, p. 50). Патетичность такого описания бросается в глаза, как и несомненное влияние романтических приемов описания действительности. Этому не приходится удивляться: хронологически Маркхам — один из самых ранних автор из нашего списка, который совершил свое первое путешествие еще в 50-е гг. (Markham, 1874, p. 49). Однако абсолютизировать этот хронологический аспект не стоит: труд Чуди, который побывал в Перу еще раньше (в 40 гг.), лишен этого романтического ореола. Очевидно, что причина такого подхода Маркхама к описанию действительности во многом кроется в его личных симпатиях и взглядах и его общей культурно-исторической подготовке.

Еще одна важная система образов касается восприятия местных жителей, прежде всего индейцев. В целом ее можно охарактеризовать как снисходительно-негативную, хотя восприятие каждого автора, конечно, имеет свои особенности.

Наиболее подробно описание Миддендорфа: в первом томе его произведения есть подробный раздел, посвященный этому вопросу, и далее по ходу повествования он неоднократно к нему возвращается. Приведем одно из наиболее типичных описаний: «Цвет лица и кожи индейцев варьируется от кожаного-коричневого до красно-коричневого, у них густые, плотные черные волосы, низкие лбы, темные глаза с грязно-желтыми белками и вялым выражением» (Middendorf, 1893, pp. 224-225). Уже в этом описании можно уловить негативные оттенки, которые отражены в последней характеристике: она несомненно антонимична выражению «ясное/осознанное выражение» (klarer Blick) и подчеркивает пассивность индейцев.

Далее негативные оценки становятся еще более прямолинейными: по мнению путешественника, индейцы и близкие к ним категории населения — по сути своей ментальные рабы, которых годы излишне сурового колониального правления безнадежно испортили (Middendorf, 1895, p. 298). Сюда же можно отнести их ненадежность как работников (особенно суров Миддендорф в этом отношении к афроперуанцам (Middendorf, 1894, p. 131)), нечистоплотность (Middendorf, 1894, p. 317) и пьянство (Middendorf, 1895, p. 105). На этом фоне работающие и непьющие трезвые жители вызывают у автора удивление (Middendorf, 1894, p. 330).

Любопытно, что Миддендорф, в отличие от других авторов, проводит довольно четкую грань между современными индейцами и жителями этой страны более ранних эпох, прежде всего инками. Например, Зиверс в одной из своих работ прямо отождествляет инков и индейцев-кечуа (Sievers, 1897, p. 250)¹. По утверждению же Миддендорфа, инки отличались иным строением тела и имели другой темперамент (Middendorf, 1893, p. 225). Сложно сказать, чем вызваны такие построения, возможно, убеждением, что создателями развитой древней цивилизации не могли быть столь «примитивные» люди.

Остальные авторы уделяют этому вопросу меньше внимания, но в целом их взгляд на местных жителей схож с позицией Миддендорфа. Зиверс пишет о примитивности индейцев — жителей гор, об их

1 Этнолингвистическая принадлежность инков — самостоятельная научная проблема, которую необходимо анализировать отдельно. Отметим лишь, что сегодня более или менее общепринятым является версия об их аймарском происхождении, которое подтверждается лингвистическим материалом (Cerrón-Palomino, 2006). Однако вплоть до недавнего времени появлялись работы, авторы которых отождествляли инков с кечуа (Covey, 2006).

козлиных бородках и «еврейских» носах (последнее определено нельзя считать комплиментом) (Sievers, 1914, p. 28); Фрайхерр — о «туповатом» (geistesarm) выражении их лиц и тощеватости фигур (Freiherr, 1906, p. 61). Чуди, в целом позитивно оценивая индейцев как работников, тем не менее, иронично отмечает, что «они сочетают личное тщеславие с немыслимой степенью нечистоплотности» (Tschudi, 1847, p. 106). При этом описанию их внешности Чуди не уделяет особого внимания. В целом можно сказать, что для немецких путешественников европейский фенотип внешности является синонимом красоты, а индейский, негритянский и т.п. — отклонением от него, возрастающим с усилением «посторонних» примесей. В этом можно увидеть не только расизм, но и естественную настороженность по отношению к чему-то незнакомому и непривычному.

Исключением на этом фоне является Маркхам: он, в отличие от остальных, описывает перуанских индейцев в позитивных тонах. Говоря о внешности индейцев, путешественник сравнивает их с монголоидами, при этом он отмечает красоту местных женщин (Markham, 1874, p. 111). Об их характере Маркхам пишет следующее: «Перуанцы — умные люди, гостеприимные и добродушные», хотя автор признает, что длительное пребывание в неволе оказало на их нрав негативное воздействие (Markham, 1874, p. 290). Таким образом, этому путешественнику свойственно позитивное восприятие местных жителей и их жизни.

Нельзя не отметить также весьма практичный взгляд путешественников на особенности взаимоотношений между местными жителями. Многие из них описывают вполне интимные детали, но при этом без тени ханжества или осуждения. Особенно много подобных эпизодов приводит Миддендорф: например, традиция местных священников представлять перед посторонними своих дочерей в качестве племянниц (Middendorf, 1894, p. 336). Эта традиция в представлении немецких путешественников должна была контрастировать с европейскими реалиями, где в результате преобразований, последовавших за Тридентским собором, конкубинат и нарушение целибата в среде католического духовенства перестали быть повсеместной практикой (Bireley, 1999, pp. 144-145). Любопытен также случай с дамой-креолкой (Миддендорф подчеркивает, что она имела белую кожу и темные волосы), которая воспитывала дочерей своего мужа от служанки-полукровки (Middendorf, 1894, p. 394). Все эти хитросплетения местных нравов наверняка в новинку для немецких путешественников, однако их восприятие всего этого показывает готовность воспринять чужую культуру без предрассудков.

Приведенное выше хорошо демонстрирует, сколь сильное влияние на восприятие конкретной действительности оказывают сформированные культурные предрассудки и модели. Описания перуанцев являются наглядным подтверждением того, что в Германии последней четверти XIX в. (как и в ряде других европейских держав) сформировался имперский дискурс по отношению к менее развитым неевропейским государствам. В рамках этого дискурса данные государства рассматривались как стоящие на более низкой стадии развития, отчего и происходит некоторый взгляд «свысока».

Подводя итог анализу образа индейцев в трудах немецких путешественников, можно сказать, что на него оказали несомненное влияние расовая теория, распространение которой коррелирует с развитием европейского империализма (Warnke, 2009, p. 294). Это влияние прослеживается как во внимании авторов к анатомическим особенностям перуанцев, так и в продвигаемой идее об их более низком уровне развития. В этом контексте не случаен тот факт, что Миддендорф отказывает Перу в обладании собственной нацией, несмотря на существование собственной государственности: по его мнению, здесь речь может идти лишь об отдельных племенах — *Stämme* (Middendorf, 1894, p. 365). Тот же термин был распространен и в немецком колониальном дискурсе об Африке, целью которого было подчеркивание отсталости тамошних жителей (Warnke, 2009, p. 298).

При этом следует обратить внимание и на вполне позитивную тенденцию, а именно на стремление к более взвешенному и беспристрастному анализу. Это особенно заметно в трудах Миддендорфа и Чуди, которые по своим характеристикам приближаются к научным. Эти авторы стремятся передать наблюдаемую ими действительность во всей ее полноте и многообразии, что им вполне удастся. Конечно, их передача не лишена субъективности, однако во многом именно она придает их заметкам уникальность.

Следующая важный комплекс представлений, с помощью которого путешественники анализировали и воспринимали Перу, — это дихотомия прошлого и настоящего. Под данной дихотомией мы понимаем более или менее четкое деление реальности (в данном случае перуанской) на две временные категории, которые сильно отличаются друг от друга. Даже авторы (например, Фрайхерр), цель которых не заключалась в систематическом анализе и описании перуанской истории, в большей или меньшей степени интуитивно учитывали эту особенность. В трудах же тех, для кого история служила важным компонентом анализа (Миддендорф и Чуди), эта дихотомия прослеживается еще более четко.

В чем именно она заключалась? Прежде всего, в том, что путешественники рассматривали прошлое и настоящее Перу как две пусть и связанные, но совершенно самостоятельные пространственно-временные категории¹. Говоря о последней характеристике, мы подразумеваем, что в представлении немецких путешественников каждая временная категория неизменно связана с определенными элементами пространства: для прошлого это прежде всего руины доиспанского времени и сооружения колониальной эпохи (церкви, дворцы и т.п.), для современности — убогие жилища местных жителей. Эти пространственные элементы разных временных категорий могут пересекаться (например, в Лиме, где соседствуют сооружения разных эпох), но путешественники довольно четко их разделяют. Теперь рассмотрим каждую из этих пространственно-временных категорий подробнее.

Можно с уверенностью утверждать, что все путешественники единодушны в оценке этих категорий: если перуанское прошлое было эпохой величия и расцвета, то настоящее — это период стагнации и упадка. Перуанское прошлое в сознании путешественников связано в первую очередь с двумя империями — инкской и испанской, каждая из которых оставила свой отпечаток в истории этой страны. Например, выше уже приводилась оценка Маркхама, данная им инкскому периоду. Он же пишет о чувстве «болезненного уныния» (*schmerzliche Riedergeschlagenheit*), которое охватило его при виде руин инкских дорог (Markham, 1874, p. 13) как символа утраченного величия. Зиверс отмечает, что в колониальный период Перу было богатейшей и важнейшей страной Южной Америки (Sievers, 1903, p. 81). Миддендорф также неоднократно замечает, что в прошлом тот или иной город процветал, чего не скажешь о его нынешнем состоянии (Middendorf, 1894, с. 101, 359). Здесь же отметим, что единодушно высокая оценка уровня развития инкского государства путешественниками второй половины века разнится со взглядом более раннего периода. Так, Гумбольдт называл инков и другие народы древнего Перу «полудикиими» (*halbwilde*), а их искусство — грубым и примитивным (Humboldt, 1810, p. 3).

Перу второй половины XIX в. почти все немецкие путешественники рассматривают очень критически. В первую очередь это касается политического и экономического развития страны. Фрайхерр, который в целом не склонен к отстраненным рассуждениям, отмечает, что существующая ныне республиканская форма правления

1 О категории пространства-времени в европейской литературе путешествий см. (Шпак, 2018, с. 18).

не приносит блага стране, так как не обеспечивает стабильность (Freiherr, 1906, p. 50). В этом пассаже нетрудно увидеть и критику республиканского строя вообще – что неудивительно, учитывая, что Фрайхерр адресует вступление своего труда эрцгерцогу Францу-Фердинанду (Freiherr, 1906, p. 2), однако материалы других путешественников показывают, что причина не только в этом.

Миддендорф, проживший в Перу много лет и прекрасно знакомый с местными реалиями, пишет о многочисленных злоупотреблениях и нарушениях, распространенных в местной политике (Middendorf, 1893, с. 361-364), а также о беспорядках в судебной системе и взяточничестве (Middendorf, 1893, p. 419-421). Он также отмечает, что монархическая форма правления больше подходит Перу и что перуанцы были ею довольны (Middendorf, 1893, p. 365). Этот тезис представляется дискуссионным, однако очевидно, что здесь мы имеем дело не только с оценкой самой перуанской действительности, но и с выражением политических симпатий самого автора. Чуди, также много времени проводивший в Перу, тоже пишет о нестабильности местной политической обстановки, о стремлении власти отвлечь внимание населения от реальных проблем посредством разного рода зрелищ (Tschudi, 1847, p. 156).

Наряду с нестабильной политической обстановкой путешественники довольно много говорят и о трудностях перуанской экономики, поскольку эти категории тесно связаны между собой. Многие пишут о зачаточном состоянии промышленности (Freiherr, 1909, p. 82) и преобладании сельского хозяйства и животноводства (Sievers, 1903, pp. 82-83), которые тоже испытывают многочисленные трудности из-за падения цен на мировом рынке (Middendorf, 1894, pp. 131-132). Транспорт, по их мнению, тоже оставляет желать лучшего: железных дорог мало, и по значительной части страны можно путешествовать только на мулах. Впрочем, в большей степени это особенности ландшафта, чем экономических сложностей.

Как бы то ни было, но все это приводит к логичному следствию, а именно к бедственному положению основной массы местного населения. Это накладывает видимый отпечаток на условия и образ их жизни. Соответствующие описания очень многочисленны. Зиверс пишет, что жители горных областей едва сводят концы с концами (Sievers, 1909, p. 27), а бедные жилища производят впечатление заброшенности (Sievers, 1909, с. 76). Неоднократно схожие описания можно встретить у Чуди (Tschudi, 1847, pp. 202, 222, 385), который не раз повторяет определения «бедный» и «грязный», а также у Миддендорфа (Middendorf, 1894, с. 236; Middendorf, 1895, pp. 24, 93). У него же есть

характерные зарисовки быта местных сельских жителей; они касаются конкретных городов или деревень, но могут служить хорошей иллюстрацией тогдашней перуанской жизни в целом. Путешественник пишет, что местные не носят обуви, не пользуются мебелью, а их еда и одежда очень просты (Middendorf, 1894, p. 408). Оценка же Миддендорфа жизни в горах и вовсе похожа на приговор: «Жизнь в Сьерре тяжела, скучна и сводит с ума» (Middendorf, 1895, p. 44).

Прямо противоположное впечатление складывается при чтении труда Маркхама. В отличие от остальных авторов, он не заостряет внимание на бедности и грязи, которых он, надо полагать, видел в Перу не меньше остальных. Маркхам, напротив, стремится подчеркнуть виденную им прелесть перуанских городов и деревень: красоту каменных церквей, наивное любопытство местных жителей, яркие краски одежд индианок (Markham, 1874, p. 39, 48, 224-227).

Нетрудно заметить, что за пределами дихотомии прошлого и настоящего оказывается недавнее (относительно интересующего нас периода) прошлое Перу, то есть ранний республиканский период. Оно действительно вызывает меньший интерес путешественников (за исключением лишь Миддендорфа и Чуди), возможно, по той причине, что оно не столь экзотично, как более отдаленное прошлое, и не столь актуально для современников, как настоящее. Как бы то ни было, недавнее прошлое становится своеобразным водоразделом, который делит на две части сложный конструкт временного и пространственного полотна Перу.

В завершение анализа клише перуанской действительности у немецких путешественников остановимся на образе перуанских ландшафтов. Природа является неизменным предметом внимания любого путешественника, и немцы интересующего нас периода следуют этой традиции. На соответствующие описания оказывают влияние как личные впечатления от увиденного, так и тот багаж знаний и ассоциаций, который накопил путешественник за свою жизнь. Функция ландшафта как объекта двояка: с одной стороны, он выступает как фон, на котором разворачиваются прочие описания, и в этом смысле настроение, с которым описывается ландшафт, часто коррелирует с настроением анализа прочих элементов повествования (подробнее об этом см. ниже). С другой стороны, ландшафт может выступать и как самостоятельная единица, ценная сама по себе. Теперь посмотрим, как эти теоретические положения проявляются на изучаемом материале.

Перу четко делится на три основные природно-климатические области: засушливое побережье, пересекаемое многочисленными

речными долинами, в которых возможно продуктивное земледелие; обширные горные пространства Анд, называемые Сьерра, и, наконец, зона тропических лесов, лежащая к востоку от Анд и на северо-востоке страны. К последней области относится и Амазония, которая, несмотря на пристальный к ней интерес среди европейских путешественников XVIII-XIX вв. (Hulme, Youngs, 2002, p. 123), нашими авторами не посещалась. Причина, вероятно, в том, что эта зона является наиболее обособленной и в наименьшей степени связана с предшествующей историей Перу. Недаром Миддендорф замечает, что Амазония ближе к Бразилии, чем к Перу (Middendorf, 1895, p. 242). У этого же автора есть описание зоны тропических лесов (или сельвы, как часто называют эту область), но сам он там никогда не был.

В итоге перечисленные нами путешественники описывают почти исключительно Сьерру и побережье. Логичнее начать анализ их впечатлений с побережья, поскольку все они знакомились с ним в первую очередь, прибывая на кораблях из Европы. Почти всех объединило чувство некоторого разочарования: перуанское побережье действительно довольно однообразно и мрачно. Приведем несколько примеров: «Вид этого перуанского побережья безотраден» (Freiherr, 1906, p. 46); «...повсюду зрелище пыльного и потрепанного упадка, свойственный всем сухим и жарким странам» (Middendorf, 1893, p. 24); «Зимой сыро и грязно, летом — пыльно» (Tschudi, 1847, p. 47). Все эти оценки хорошо иллюстрируют то разочарование, которое испытали путешественники, только оказавшись в Перу. Сьерра вызывала более противоречивые чувства: природа этого края более разнообразна и в целом более впечатляюща, чем на побережье. Некоторых, например, Чуди, перуанские горы вгоняют в уныние: «Самая скудная растительность едва ли может извлечь пищу из холодной почвы, и животные избегают унылых и пустынных диких мест» (Tschudi, 1847, p. 300). При этом форма некоторых вершин напомнила ему горы в Швейцарии (Tschudi, 1847, p. 294). Вероятно, здесь сказался личный опыт путешественника: Чуди был уроженцем Швейцарии (Wurzbach, 1883, p. 61). Любопытно, что Миддендорф тоже сравнивал местный перуанский ландшафт со швейцарским (Middendorf, 1895, p. 71-72). В целом этот автор испытывал к региону схожие чувства: «Ландшафт оставляет общее впечатление пустынности и тоскливости» (Middendorf, 1895, p. 44); «При всем великолепии отдельных мест перуанское нагорье сильно уступает нашим Альпам в живописности» (Middendorf, 1895, p. 15).

Совершенно в ином ключе построено описание перуанского горного ландшафта у Маркхама: оно пестрит такими восторженными

эпитетами, как «роскошный» и великолепный» (Markham, 1874, p. 43). Все это позволяет сделать вывод, что в определенной мере описание ландшафта и его характеристик отражают взгляды путешественников на Перу в целом, на его обитателей и их образ жизни. Маркхам стремится во всем видеть только хорошее и не замечать недостатки, поэтому его описания как ландшафта, так и местной жизни исполнены в позитивных, романтических тонах. Нельзя исключать, впрочем, и такой возможности, что позитивный настрой Маркхама был вызван «юношеским максимализмом»: ему было около 20 лет, когда он впервые попал в Перу, и для него Новый Свет был новинкой. Как бы то ни было, немецкие авторы настроены более скептически, и они методично замечают многие негативные особенности местного ландшафта и окружающей жизни.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Мы не ставили перед собой задачу определить, насколько изложенные выше наборы устойчивых представлений соответствуют реальной действительности: в рамках настоящего исследования она не представляется выполнимой, поскольку требует всестороннего анализа различных аспектов перуанской жизни второй половины XIX — начала XX в. Однако необходимо обозначить, что оказало влияние на формирование этих паттернов. Выше мы уже отчасти затрагивали этот вопрос, теперь же рассмотрим его системно.

В первую очередь следует еще раз подчеркнуть, что путевые заметки немецких путешественников в Перу подтверждают следующий тезис: на формирование образа пространства большое влияние оказывают не только объективные характеристики этого пространства, но и субъективный настрой путешественника, багаж его прежнего опыта и впечатлений. Все путешественники, о которых шла речь выше, нередко наблюдали одни и те же локации (Лима, Кальяо, Куско и т.п.), но каждый из них сконструировал свой, индивидуальный образ пережитого. В целом это многообразие можно поделить на две основные модели: «реалистическую» (собственно немецкие авторы) и романтическую (Маркхам). Нельзя сказать, что какая-то из моделей более правдива: все они в равной мере отражают многообразие тогдашней перуанской действительности, но ни в коей мере не исчерпывают ее. По выражению одного из исследователей, путешественники создают «вторую естественную среду» для того или иного пространства и времени (Orellana, 1996, p. 68), при этом эта «вторая среда» для каждого индивидуальна.

Можно высказать предположение, что на образ Перу в представлении немецких путешественников оказали влияние колониальный дискурс и связанная с ним расовая теория. Хотя Перу (как и Южная Америка в целом) не являлось объектом непосредственной экспансии Германии, характеристики, данные перуанцам (акцентирование расовых признаков, порочности характера, невысокого уровня культуры и пр., о чем шла речь выше), свидетельствуют: в представлении немецких путешественников существовала определенная корреляция между индейцами и африканскими племенами, которые в полной мере испытали на себе все тяготы немецкого колониализма. Это предположение требует уточнения на более широком материале и выдвигается в качестве рабочей гипотезы.

Из более частных моментов, оказавших влияние на конструирование образа Перу, следует назвать, например, политические симпатии путешественников. Очевидно, что для большинства из них, привыкших к немецкому порядку и педантизму и воспитанных в монархическом государстве, общественно-политические реалии Перу, далекие от представлений об идеальной республике, не вызывают симпатий.

Сюда же можно отнести следующий момент. Все путешественники были носителями определенного образа жизни. В Перу они столкнулись с реалиями, которые разительно отличались от того, к чему они привыкли. Отчасти именно этим можно объяснить то неприятие, которое вызывали у многих из них отдельные элементы перуанской действительности, от глобальных проблем (экономика, политика и т.д.) до мелочей.

В завершение отметим, что опыт немецких путешественников по освоению и конструированию перуанского пространства является интересным примером сочетания предрассудков и стремления к объективности, которое стадо необходимым переходным этапом на пути к подлинно научному постижению действительности.

Список литературы

- Adams, G. P. (1983). *Travel literature and the evolution of the novel*. Lexington: The University Press of Kentucky.
- Bayer, F. (1776). *Reise nach Peru*. Nürnberg: Johann Eberhard Beh.
- Bernecker, W. L., & Fischer, T. (1995). Deutschland und Lateinamerika im Zeitalter des Imperialismus [Germany and Latin America in the Age of Imperialism]. *Ibero-amerikanisches Archiv*, 3–4, 273–302. (In Germany).

- Bireley, R. (1999). *The refashioning of catholicism, 1450-1700. A reassessment of the counter Reformation*. London: Macmillan Press.
- Birkenmaier, A. (2013). Scenarios of colonialism and culture Oswald Spengler's Latin America. *MLN*, 128(2), 256–276. doi: 10.1353/mln.2013.0021
- Blackbourn, D. (2015). Germans Abroad and Auslandsdeutsche: Places, Networks and Experiences from the Sixteenth to the Twentieth Century. *Geschichte und Gesellschaft*, 41(2), 321–346. doi: 10.13109/gege.2015.41.2.321
- Cerrón-Palomino, R. (2006). Cuzco: La piedra donde se posó la lechuza [Cuzco: The stone on which the owl landed]. *Lexis*, XXX(1), 143-184. (In Spanish).
- Covey, A. (2006). *How the Incas Built Their Heartland: State Formation and the Innovation of Imperial Strategies in the Sacred Valley, Peru*. Michigan: The University of Michigan Press.
- Freiherr, R. (1906). *Reise nach Panama, Peru, Chile mit Feuerland, Argentinien, Paraguay, Uruguay und Brasilien [Trip to Panama, Peru, Chile with Tierra del Fuego, Argentina, Paraguay, Uruguay and Brazil]*. Wien: Kommission-Verlag von Karl Gerolds Sohn. (In German).
- Frézier, A.-F. (1718). *Reise nach der Südsee und denen Küsten von Chili, Peru and Brasilien [Journey to the South Seas and the coasts of Chili, Peru and Brazil]*. Hamburg: Thomas von Wierings. (In German).
- Grabendorf, W., & Roett, R. (Eds.). (1985). *Latin America, western Europe, and the US. Reevaluating the Atlantic triangle*. New York: Praeger Publishers.
- Hulme, P., & Youngs, T. (2002). *The Cambridge companion to travel writing*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Humboldt, A. von. (1810). *Pittoreske Ansichten der Cordilleren und Monumente amerikanischer Völker [Picturesque views of the Cordilleras and monuments of American peoples]*. Tübingen: J.G. Cotta'schen Buchhandlung. (In German).
- Humboldt, A. von. (1965). *Auf Steppen und Strömen Südamerikas [On the steppes and rivers of South America]*. Leipzig: Brockhaus Verlag. (In German).
- Leonard, I. A. (1972). *Colonial travelers in Latin America*. New York: Knopf.
- Lipski, J. (Ed.). (2018). *Travel and identity studies in literature, culture, and language*. New York: Springer.
- Markham, C. (1874). *Reisen in Peru [Travel in Peru]*. Leipzig: Verlag von Senfs Buchhandlung. (In German).
- Middendorf, E. W. (1893). *Peru. Beobachtungen und Studien über das Land und seine Bewohner während eines 25-jährigen Aufenthalts. B.I [Peru. Observations and studies of the country and its inhabitants during a 25-year stay. B.I]*. Berlin: Robert Oppenheim. (In German).
- Middendorf, E. W. (1894). *Peru. Beobachtungen und Studien über das Land und seine Bewohner während eines 25-jährigen Aufenthalts. B.II [Peru. Observations and studies of the country and its inhabitants during a 25-year stay. B.II]*. Berlin: Robert Oppenheim. (In German).

- Middendorf, E. W. (1895). *Peru. Beobachtungen und Studien über das Land und seine Bewohner während eines 25-jährigen Aufenthalts. B.III* [Peru. Observations and studies of the country and its inhabitants during a 25-year stay. B.III]. Berlin: Robert Oppenheim. (In German).
- Núñez, E. (1973). La vida y obra de E.W. Middendorf [The life and work of E.W. Middendorf]. In E. W. Middendorf, *Observaciones y estudios del país y sus habitantes durante una permanencia de 25 años* [Observations and studies of the country and its inhabitants during a 25-year stay] (pp. 15–28). Lima Universidad Nacional Mayor de San Marcos. (In Spanish).
- Orellana, M. (1996). The 19th century european traveller. *Arte de México*, (31), 67–80.
- Penny, H. G. (2013). Latin American Connections: Recent Work on German Interactions with Latin America. *Central European History*, 46(2), 362–394. doi: 10.1017/S0008938913000654
- Pöppig, E. (1835). *Reise in Chile, Peru und auf dem Amazonenstrome während der Jahre 1827-1832* [Journey in Chile, Peru and on the Amazon River during the years 1827-1832]. Leipzig: Friedrich Fleischer. (In German).
- Prescott, W. (1874). *History of conquest of Peru*. Philadelphia: J.B. Lippincott Company.
- Quelle, O. (1933). Die Siedlungsgebiete der Deutschen in Südamerika [The Settlement Areas of the Germans in South America]. *Ibero-Amerikanisches Archiv*, (2), 195-200. (In German).
- Rohde, A. (2005). Der Innere Orient. Orientalismus, Antisemitismus und Geschlecht im Deutschland des 18. Bis 20. Jahrhunderts [The Inner Orient. Orientalism, Antisemitism and Gender in Germany from the 18th to the 20th Century]. *Die Welt des Islams*, 45(3), 370-411. (In German).
- Sievers, W. (1897). *Amerika: Eine allegemeine Landeskunde* [America: A general survey of the country]. Leipzig, Wien: Bibliographisches Institut. (In German).
- Sievers, W. (1903). *Südamerika und die deutschen Interessen. Eine geographisch-politische Betrachtung* [South America and German Interests. A Geographical-Political View]. Stuttgart: Verlag von Strecker und Schröder. (In German).
- Sievers, W. (1914). *Reise in Peru und Ecuador, ausgeführt 1909* [Trip in Peru and Ecuador, executed 1909]. München-Leipzig: Verlag von Dicker und Humblot. (In German).
- Steinmetz, G. (2003). “The Devil’s Handwriting”: Precolonial Discourse, Ethnographic Acuity, and Cross-Identification in German Colonialism. *Comparative Studies in Society and History*, 45(01). doi: 10.1017/S0010417503000045
- Tschudi, J. J. von. (1847). *Travels in Peru, during the years 1838-1842*. London: David Bogue.
- Wagner, H. (1922). Wilhelm Sievers. *Geographische Zeitschrift*, 3–4, 49–54.
- Warnke, I. H. (2009). *Deutsche Sprache und Kolonialismus. Aspekte der nationalen Kommunikation, 1884-1919* [German Language and Colonialism. Aspects of National Communication, 1884-1919]. Berlin, New York: Walter Gruyter. (In German).

- Wurzbach, C. (1883). Tschudi, Jacob Johann von. In *Biografisches Lexikon des Kaisertums Österreich [Biographical Dictionary of the Austrian Empire]* (pp. 61–64). Wien: Kaiserlich-königliche Hof- und Staatsdruckerei. (In German).
- Zhang, C. (2017). *Transculturalism and German discourse in the age of european colonialism*. Evanston: Northwestern University Press.
- Буйнова, К. Р. (2017). *Русские путешественники в Латинской Америке в XIX — нач. XX в.* Москва: МГИМО.
- Бюлов, Б. фон. (1915). *Внешняя политика Германии*. Одесса: Книгоиздательство А. А. Ивасенко.
- Вега, Г. де ла И. (1974). *История государства инков*. Ленинград: Наука.
- Замятин, Д. Н. (2003). *Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Назаров, А. Н. (2020). *Путешествия как метод постижения бытия. Часть III*. Москва: Университетская книга.
- Шпак, Г. В. (2018). *Репрезентация образов времени и пространства в европейском травелоге XVII-XVIII вв (PhD Thesis)*. Москва.
- Якушенков, С. Н. (2015). Топофилия vs топофобия как когнитивные парадигмы фронтирного пространства. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (3), 261–266.
- Якушенков, С. Н. (2019). In *Frontier we trust. Журнал фронтирных исследований*, (3), 12–59. doi: 10.24411/2500-0225-2019-10 018
- Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2013). Изобилие ресурсов как одна из черт фонтанной территории. *Человек. Общество. Управление*, (2), 4–15.

References

- Adams, G. P. (1983). *Travel literature and the evolution of the novel*. Lexington: The University Press of Kentucky.
- Bayer, F. (1776). *Reise nach Peru*. Nürnberg: Johann Eberhard Beh.
- Bernecker, W. L., & Fischer, T. (1995). Deutschland und Lateinamerika im Zeitalter des Imperialismus [Germany and Latin America in the Age of Imperialism]. *Ibero-amerikanisches Archiv*, 3–4, 273–302. (In Germany).
- Bireley, R. (1999). *The refashioning of catholicism, 1450-1700. A reassessment of the counter Reformation*. London: Macmillan Press.
- Birkenmaier, A. (2013). Scenarios of colonialism and culture Oswald Spengler's Latin America. *MLN*, 128(2), 256–276. doi: 10.1353/mln.2013.0021
- Blackbourn, D. (2015). Germans Abroad and Auslandsdeutsche: Places, Networks and Experiences from the Sixteenth to the Twentieth Century. *Geschichte und Gesellschaft*, 41(2), 321–346. doi: 10.13109/gege.2015.41.2.321

- Buinova, K. R. (2017). *Russian travelers in Latin America in the 19th - beginning 20th century*. Moscow: MGIMO University. (In Russian).
- Bulow, B. von. (1915). *German foreign policy*. Odessa: Publishing by A. A. Ivasenko. (In Russian).
- Cerrón-Palomino, R. (2006). Cuzco: La piedra donde se posó la lechuza [Cuzco: The stone on which the owl landed]. *Lexis*, XXX(1), 143-184. (In Spanish).
- Covey, A. (2006). *How the Incas Built Their Heartland: State Formation and the Innovation of Imperial Strategies in the Sacred Valley, Peru*. Michigan: The University of Michigan Press.
- Freiherr, R. (1906). *Reise nach Panama, Peru, Chile mit Feuerland, Argentinien, Paraguay, Uruguay und Brasilien [Trip to Panama, Peru, Chile with Tierra del Fuego, Argentina, Paraguay, Uruguay and Brazil]*. Wien: Kommission-Verlag von Karl Gerolds Sohn. (In German).
- Frézier, A.-F. (1718). *Reise nach der Südsee und denen Küsten von Chili, Peru and Brasilien [Journey to the South Seas and the coasts of Chili, Peru and Brazil]*. Hamburg: Thomas von Wierings. (In German).
- Grabendorf, W., & Roett, R. (Eds.). (1985). *Latin America, western Europe, and the US. Reevaluating the Atlantic triangle*. New York: Praeger Publishers.
- Hulme, P., & Youngs, T. (2002). *The Cambridge companion to travel writing*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Humboldt, A. von. (1810). *Pittoreske Ansichten der Cordilleren und Monumente amerikanischer Völker [Picturesque views of the Cordilleras and monuments of American peoples]*. Tübingen: J.G. Cotta'schen Buchhandlung. (In German).
- Humboldt, A. von. (1965). *Auf Steppen und Strömen Südamerikas [On the steppes and rivers of South America]*. Leipzig: Brockhaus Verlag. (In German).
- Leonard, I. A. (1972). *Colonial travelers in Latin America*. New York: Knopf.
- Lipski, J. (Ed.). (2018). *Travel and identity studies in literature, culture, and language*. New York: Springer.
- Markham, C. (1874). *Reisen in Peru [Travel in Peru]*. Leipzig: Verlag von Senfs Buchhandlung. (In German).
- Middendorf, E. W. (1893). *Peru. Beobachtungen und Studien über das Land und seine Bewohner während eines 25-jährigen Aufenthalts. B.I [Peru. Observations and studies of the country and its inhabitants during a 25-year stay. B.I]*. Berlin: Robert Oppenheim. (In German).
- Middendorf, E. W. (1894). *Peru. Beobachtungen und Studien über das Land und seine Bewohner während eines 25-jährigen Aufenthalts. B.II [Peru. Observations and studies of the country and its inhabitants during a 25-year stay. B.II]*. Berlin: Robert Oppenheim. (In German).
- Middendorf, E. W. (1895). *Peru. Beobachtungen und Studien über das Land und seine Bewohner während eines 25-jährigen Aufenthalts. B.III [Peru. Observations and studies*

- of the country and its inhabitants during a 25-year stay. B.III].* Berlin: Robert Oppenheim. (In German).
- Nazarov, A. N. (2020). *Travel as a method of comprehension of being. Part III.* Moscow: University book. (In Russian).
- Núñez, E. (1973). La vida y obra de E.W. Middendorf [The life and work of E.W. Middendorf]. In E. W. Middendorf, *Observaciones y estudios del país y sus habitantes durante una permanencia de 25 años [Observations and studies of the country and its inhabitants during a 25-year stay]* (pp. 15–28). Lima Universidad Nacional Mayor de San Marcos. (In Spanish).
- Orellana, M. (1996). The 19th century european traveller. *Arte de México*, (31), 67–80.
- Penny, H. G. (2013). Latin American Connections: Recent Work on German Interactions with Latin America. *Central European History*, 46(2), 362–394. doi: 10.1017/S0008938913000654
- Pöppig, E. (1835). *Reise in Chile, Peru und auf dem Amazonenstrom während der Jahre 1827–1832 [Journey in Chile, Peru and on the Amazon River during the years 1827–1832]*. Leipzig: Friedrich Fleischer. (In German).
- Prescott, W. (1874). *History of conquest of Peru*. Philadelphia: J.B. Lippincott Company.
- Quelle, O. (1933). Die Siedlungsgebiete der Deutschen in Südamerika [The Settlement Areas of the Germans in South America]. *Ibero-Amerikanisches Archiv*, (2), 195–200. (In German).
- Rohde, A. (2005). Der Innere Orient. Orientalismus, Antisemitismus und Geschlecht im Deutschland des 18. Bis 20. Jahrhunderts [The Inner Orient. Orientalism, Anti-Semitism and Gender in Germany from the 18th to the 20th Century]. *Die Welt des Islams*, 45(3), 370–411. (In German).
- Shpak, G. V. (2018). *Representation of images of time and space in the European travelogue of the XVII–XVIII centuries* (PhD Thesis). Moscow. (In Russian).
- Sievers, W. (1897). *Amerika: Eine allegemeine Landeskunde [America: A general survey of the country]*. Leipzig, Wien: Bibliographisches Institut. (In German).
- Sievers, W. (1903). *Südamerika und die deutschen Interessen. Eine geographisch-politische Betrachtung [South America and German Interests. A Geographical-Political View]*. Stuttgart: Verlag von Strecker und Schröder. (In German).
- Sievers, W. (1914). *Reise in Peru und Ecuador, ausgeführt 1909 [Trip in Peru and Ecuador, executed 1909]*. München-Leipzig: Verlag von Dicker und Humblot. (In German).
- Steinmetz, G. (2003). “The Devil’s Handwriting”: Precolonial Discourse, Ethnographic Acuity, and Cross-Identification in German Colonialism. *Comparative Studies in Society and History*, 45(01). doi: 10.1017/S0010417503000045
- Tschudi, J. J. von. (1847). *Travels in Peru, during the years 1838–1842*. London: David Bogue.
- Vega, G. de la I. (1974). *History of the Inca state*. Leningrad: Nauka. (In Russian).
- Wagner, H. (1922). Wilhelm Sievers. *Geographische Zeitschrift*, 3–4, 49–54.

- Warnke, I. H. (2009). *Deutsche Sprache und Kolonialismus. Aspekte der nationalen Kommunikation, 1884-1919* [German Language and Colonialism. Aspects of National Communication, 1884-1919]. Berlin, New York: Walter Gruyter. (In German).
- Wurzbach, C. (1883). Tschudi, Jacob Johann von. In *Biografisches Lexikon des Kaisertums Österreich* [Biographical Dictionary of the Austrian Empire] (pp. 61–64). Wien: Kaiserlich-königliche Hof- und Staatsdruckerei. (In German).
- Yakushenkov, S. N. (2015). Topophilia vs topophobia as cognitive models of frontier space. *Caspian region: economy, politics, culture*, (3), 261–266. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N. (2019). In Frontier we trust. *Journal of Frontier Studies*, (3), 12–59. doi: 10.24411/2500-0225-2019-10018 (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2013). Abundance resources as one of the peculiarities of frontier territories. *Man. Society. Governance*, (2), 4–15. (In Russian).
- Zamyatin, D. N. (2003). *Humanitarian geography: space and language of geographical images*. Saint Petersburg: Aletheia. (In Russian).
- Zhang, C. (2017). *Transculturalism and German discourse in the age of european colonialism*. Evanston: Northwestern University Press.

WE WILL FEED OUR AND A NEW WORLD: SEVERAL CASES OF FOOD WAYS OF FRONTIER REGIONS. PART 2

Serguey N. Yakushenkov

Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: [shuilong\[at\]mail.ru](mailto:shuilong[at]mail.ru)

Abstract

This article is the second part of the study of regional foodways. If the first part is devoted to the analysis of the foodscape of Astrakhan, the second part analyzes the food system of the Republic of Peru. The choice of this object of study is based on the frontier nature of the region, the diversity of economic and cultural types, and hybridity. All these factors allow us to compare the ways of formation of the foodways of these regions.

The Peruvian alimentary landscape began to form in the 16th century, after the conquest of Peru by the Spanish conquistadors. As a result of mutual influences and struggles between elements of autochthonous and alien cultures, a new "hybrid" phenomenon takes shape. The turning point in the development of national cuisine was in the 1930s, when, as a result of gastropolitical strategies, the government managed to create a food system accessible to the workers of large cities. The opening of "people's restaurants" allowed workers to have calorie-dense food. It also contributed to the creation of a national food system.

The search for national identity among the Peruvian elite led to the "discovery" of their national roots. The fact that Peruvian culture was based on natural and ethnic diversity made the country's alimentary system diverse and rich. This process coincided with global trends in the approach to food in the sense of a focus on "simple" and "healthy" peasant foods, as opposed to foods undergone of maximum processing. Ultimately, this was manifested in the creation of a "new Andean cuisine" that embraced Peru's centuries-old traditions and the country's natural diversity. In doing so, Peruvian restaurateurs used both familiar approaches to business and invented new ones that went beyond the culinary arts. As a result of the efforts of many culinary masters and restaurateurs, in competition with internationally renowned culinary brands, a new global culinary brand has been created, recognized around the world.

Keywords

---

foodscapes; frontier; hybridity; Republic of Peru; cultural development; regionalism; globalism

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

МЫ НАШ И НОВЫЙ МИР НАКОРМИМ: НЕСКОЛЬКО КЕЙСОВ АЛИМЕНТАРНЫХ ТРАДИЦИЙ ФРОНТИРНЫХ РЕГИОНОВ. ЧАСТЬ 2

Якушенков Сергей Николаевич

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. Email: [shuilong\[at\]mail.ru](mailto:shuilong[at]mail.ru)

Аннотация

Данная статья представляет собой вторую часть исследования региональных алиментарных систем. Если первая часть посвящена анализу алиментарного ландшафта Астрахани, то во второй части проводится анализ алиментарной системы Республики Перу. В основу выбора этого объекта исследования положены фронтирность региона, разнообразие хозяйственных и культурных типов, гибридность. Все эти факторы позволяют сопоставлять пути формирования алиментарных систем этих регионов.

Перуанский алиментарный ландшафт начинает формироваться в XVI в. – с момента завоевания Перу испанскими конкистадорами. В результате взаимовлияния и борьбы элементов автохтонной и пришлой культур и происходит формирование нового «гибридного» явления. Переломным моментом в развитии национальной кухни являются 30-е гг. XX в., когда в результате гастрополитических стратегий правительству удалось создать доступную для рабочих крупных городов систему питания. Открытие «народных ресторанов» позволило трудящимся получать калорийную пищу. Это также способствовало созданию национальной системы питания.

Поиск национальной идентичности в среде перуанской элиты привели к «открытию» своих национальных корней. Тот факт, что перуанская культура зиждилась на природном и этническом своеобразии, делал алиментарную систему в этой стране разнообразной и богатой. Этот процесс совпал с мировыми тенденциями в подходе к пище, выразившиеся во внимательном отношении к «простой» и «здоровой» крестьянской пище, противопоставляемой пище, подвергаемой максимальной переработке. В конечном итоге это нашло отражение в создании «новой андской кухни», в которой реализовались многовековые традиции Перу и природное разнообразие страны. При этом перуанские рестораторы использовали как уже известные подходы к бизнесу, так и изобретали новые, выходящие за рамки кулинарного искусства. В результате усилий многих кулинарных мастеров и рестораторов удалось в конкурентной борьбе со всемирно известными кулинарными брендами создать новый мировой кулинарный бренд, признанный во всем мире.

Ключевые слова

алиментарный ландшафт; фронтир; гибридность; Астраханская область; Республика Перу; культурные процессы; регионализм

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВСТУПЛЕНИЕ

В предыдущей части нашего исследования мы анализировали алиментарный ландшафт Астраханской области (Якушенков & Палаткин). Выбор объекта исследования был детерминирован рядом факторов, которые мы посчитали особо важными для нашего исследования. Среди этих факторов, основными на наш взгляд, были наличие разнообразных экологических зон, которые предопределили и наличие в регионе разных типов хозяйственной культуры: рыболовство, скотоводство, земледелие и охота. Другим важным фактором, оказавшим важное влияние на формирование алиментарного ландшафта в регионе, была поликультурная среда, т.е. наличие множества этнических групп, как «автохтонных», так и прибывших относительно в позднее время.

Важнейшим импульсом для нашего исследования был также тот факт, что оба региона представляют собой фронтирные регионы, в которых эта фронтирная составляющая определяла доминанту их развития. Во многом эта фронтирность сохраняется и по сей день, однако теперь она выражена в иной форме, и не всегда доминирует в экономических и культурных региональных процессах.

Эти факторы послужили для нас отправной точкой для компаративистских исследований, направленных на сопоставление генезиса алиментарного ландшафта в крае, с типологически и топологически сходными явлениями. В качестве подобного объекта для сравнения мы выбрали Центральные Анды, и в частности Республику Перу, так как посчитали, что данный кейс позволяет нам сравнивать как схожие модели развития, так и сопоставлять совершенно разные пути развития алиментарного ландшафта в конце XX – нач. XXI вв..

Мы уже говорили в первой части, что мы осознаем таксономически разные единицы нашего анализа. В одном случае это лишь территория в составе национального государства (Астраханское царство, Астраханская губерния, Астраханская область), а с другой национальное государство (Республика Перу). Однако, не следует забывать, что длительное время данная территория – Вице-королевство Перу – также являлось частью огромной империи, и получила независимость относительно недавно. Длительное время развитие культурного ландшафта Перу проходил в рамках колониальной истории. А во второй половине XX в. здесь доминировали глобалистские тенденции.

На наш взгляд, для исследователя особенно важны те конструктивные изменения, которые произошли в алиментарном ландшафте

Перу за последние десятилетие XX в. и первые два десятилетия XXI в.. Пример с Перу продемонстрировал то, как алиментарный ландшафт (мы здесь не говорим про всю культуру в целом) может не только выстоять в борьбе с глобалистскими тенденциями, но и добиться признания как в рамках национального пространства, но и в культурных пространствах ведущих стран мира (Великобритания, США и т.д.). Именно эти моменты заслуживают внимательного изучения, тем более отправная точка этих изменений совпадала по времени с серьезными социальными и экономическими трансформациями, происходящими в нашей стране.

Изучение перуанской модели демонстрирует удивительные моменты совпадений в развитии с российской ситуацией в целом, и астраханской в частности. Порой эти совпадения случайны, но во многом продиктованы схожими условиями развития.

Вместе с тем, примечательно то, как население осознает свою уникальность, аутентичность, и стремится эту аутентичность познать. Мы уже говорили, что перуанские ученые проявили огромный интерес к своему алиментарному ландшафту, посвятив ему огромное количество самых разнообразных исследований. При этом изучаются как исторические аспекты перуанской кухни, так и ее современное состояние (Olivas Weston, 1996; 1998; 1999; 2008; 2015; Villavicencio, 2007; 2017; Guardia; León; Cartay; Clausen de Molina; Lauer; Orefici.). Мы привели здесь лишь небольшой список книг, посвященных перуанской кухне¹.

Это наводит на мысль, что перуанские ученые в большей мере осознают всю важность вопроса изучения и пропаганды культурного наследия своих народов (Benavides de Rivero; Benites).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. ПЕРУАНСКАЯ МОДЕЛЬ: ОТ ФРОНТИРНОЙ ГАСТРОНОМИИ К ГЛОБАЛЬНОМУ ТРЕНДУ

Данная модель начала складываться на основе нескольких этнокультурных компонентов. В основе ее лежат алиментарные традиции Центральных Анд в их нескольких вариантах. В первой половине XVI в. к ним добавилась испанская модель, так как в 1530-33 гг.

1 Мы осознаем некоторую некорректность сравнения числа выпущенных книг по перуанской кухне и астраханской. Ведь если бы нам пришлось сравнивать, например, с российской печатной продукцией, то ситуация была бы приблизительно схожей. Однако, и численность населения этой страны почти в пять раз меньше, чем в России, мы здесь умолчим про территорию, да и природное разнообразие нашей страны. Кроме этого, мы вынуждены признать наличие в Перу мощных научных центров по изучению национального алиментарного ландшафта и отсутствие подобных центров в нашей стране.

империя инков Тауантинсуйо была покорена испанскими конкистадорами, а местное население было превращено в подневольных крестьян, обязанных работать на колонизаторов (Cieza de Leon; Prescott). Столица инков Куско оказалась разрушенной, а испанцы в 1535 г. основали город Лиму, который позднее стала новой столицей вице-королевства Перу.

Как уже говорилось в предыдущей части, отличительной чертой обеих регионов было их природное разнообразие. Именно этот фактор сыграл решающую роль, как нам кажется, в формировании хозяйственных и пищевых моделей населения Центральных Анд.

В силу географического своеобразия региона здесь сформировалась особая хозяйственная модель, названная *вертикальной экологией* или *вертикальным архипелагом* (Murra, 1975). В упрощенном виде эту хозяйственную модель можно представить в виде определенных вертикальных зон, население которых активно взаимодействовало друг с другом: Коста, Сьерра и Сельва или западное побережье, высокогорная зона и зоны восточные леса. В ином варианте эту схему можно изобразить следующим образом: Коста – это рыболовство и земледелие, Сьерра – высокогорное земледелие и скотоводство (камелиды), Сельва – тропическое земледелие и охота. Все три зоны имели тесные экономические и культурные связи друг с другом. И хотя политическую основу андских государств, как правило, составляли политии, расположенные в Сьерре, однако, все они на протяжении длительного времени владели дополнительными колониями в Косте и Сельве. Ну а государство Тауантинсуйо располагалось сразу в трех зонах, так что контроль природных ресурсов на этой территории осуществлялся в полной мере, хотя, конечно, в значительной степени рацион основной массы населения этого государства составляли овощи и злаки, с небольшим дополнением мяса домашних животных (камелиды и морские свинки). Специфика вертикального архипелага заключалась в том, что высокогорные сообщества старались создать на западном побережье и на восточных склонах Анд дополнительные колонии, где жители производили местную сельхозпродукцию для снабжения высокогорных селений дополнительными пищевыми ресурсами (Goldstein, pp. 188-190; Якушенков, 1988).

Не стоит забывать, что высокогорные районы Перу можно считать родиной картофеля (*Solanum tuberosum*), возраст доместикации которого насчитывает около 10 000 лет (Engel), так что мир обязан этому региону этим ценным продуктом. Высокогорье подарило миру и еще такой злак, ставший очень модным в настоящий момент, как *киноа* (*Chenopodium quinoa*), относящийся к семейству амарантовых. ООН

объявило 2013 г. «Годом киноа», назвав его злаком будущего (A Future Sown Thousands of Year Ago, 2013). Кроме этих двух важнейших культур следует упомянуть такие культурные растения, как клубненосные *ока* (*Oxalis tuberosa*), *уллюко* (*Ullucus tuberosus*), *настурицию* или *исанью* (*Tropaeolum tuberosum*), а также злак *каньяуи* (*Chenopodium Sp.*), родственный отечественной мари, ну и, конечно, кукурузу, играющую огромную роль в рационе перуанцев¹.

К этим растениям нужно добавить огромное количество самых разнообразных тропических фруктов: разные виды анон (чиримоя, гуанабана), плоды пальмы агухе (*Mauritia flexuosa*), плоды перуанского физалиса (*Physalis peruviana*), каму-каму (*Myrciaria dubia*), капулин (*Prunus salicifolia*), называемое также «горной черешней», кокона (*Solanum sessiliflorum*), гуава (*Psidium guajava*), плоды пасифлор гранадилья (*Passiflora ligularis*), тумбо (*Passiflora supersect. Tacsonia*) и маракуя (*Passiflora edulis*), лукума (*Pouteria lucuma*), манго, авокадо и многие другие.

Легко убедиться, что многие фрукты стали частью мировой кулинарной культуры, и активно выращиваются и потребляются в пищу во многих странах мира. В том числе и на Нижней Волге. В некоторых частных садах региона можно встретить тот же физалис, а манго, авокадо, гранадилью, маракуя, некоторые виды анон можно приобрести и в местных магазинах во многих уголках России. Но и более экзотические фрукты из перуанских тропиков стали доступны в различных уголках мира. Так около 10 лет назад в Японии стал популярен фрукт каму-каму, доставляемый из Перу (Peruvian Camu Camu fruit conquers Japan).

Завоевание Центральных Анд испанцами в некоторой степени изменило алиментарный ландшафт региона. Значительная часть региона была идеальной для занятий скотоводством: разведением крупного рогатого скота, овец, свиней. Все это разнообразило мясной рацион отдельных слоев населения Перу. Вместе с тем, данные нововведения не могли серьезным образом повлиять на систему питания индейцев, так как значительная часть коренного населения Перу продолжает жить в зоне высокогорья (выше 3 тыс. метров над уровнем моря), где возможности для разведения коров, овец или свиней в значительной мере ограничены. Разведение камелидов (лам и альпак) было и остается единственным возможным направлением животноводства.

1 Кукуруза имела и продолжает сохранять особое значение в культуре перуанцев. Недаром индейцы кечуа называли ее '*Сара Мама*' – «мать-кукуруза», считая ее священным растением (Steward, 1946, p. 216)

Этот краткий очерк алиментарного ландшафта Центральных Анд был бы неполный, если бы мы не упомянули о такой важной хозяйственной сфере народов этого региона, как рыболовство и сбор морепродуктов. Учитывая тот факт, что Перу располагается вдоль Тихого океана и линия морского побережья имеет протяженность более 3000 км, легко предположить, что морское рыболовство получило в этой стране большое распространение. Рыба и морепродукты являются важнейшей частью рациона населения этой страны, особенно городского. Еще в древности на территории Косты, т.е. побережья, возникли цивилизации, население которых активно занималось морским промыслом: Паракас, Моче (Benson) и т.д.. В конце XX – нач. XXI вв. Перу занимало ведущее место в мире по объему выловленной рыбы (в основном анчоусов и сардин) (National Fisheries Sector Overview Peru, 2020).

Помимо морской рыбной ловли и сбора моллюсков, на части территории Перу находится самое высокогорное в мире озеро Титикака, где также развито рыболовство, а местная этническая группа индейцев уру сформировалась на основе рыболовства, так как эти индейцы были оттеснены другими этническими группами в центр озера и жили на искусственных островах из тростника (Stanish, pp. 52-57).

Длительное время перуанский культурный ландшафт развивался в значительной степени под влиянием двух основных культурных традиций: испанской культуры и традиционных индейских. Французский морской офицер Максимилиан Радиге (Maximiliano Radiguet), посетивший Лиму в 1841 г., отмечал, что сопротивление индейским традициям шло по линии использования кастрюль и сковородок: «классическая кастрюля и сковорода испанской кухни до сих пор являются способами сопротивления в высших кругах» (Radiguet, p. 105).

Конечно, не только испанская посуда стала неотъемлемой частью новой перуанской кухни. Сюда следует добавить молочные и хлебные продукты, свинину, говядину, новые специи, вино, крепкий алкоголь и многое другое. Однако, не следует воспринимать столичную кухню, с которой познакомился М. Радиге, как некую типичную (pp. 104-106). Она скорее была исключением, чем классическим примером, так как основная масса населения продолжала жить высоко в горах и придерживалась многовековых традиций доиспанского периода.

В Лиме и других крупных городах на базе испанской и традиционной индейской кухни к XIX в. сформировалась креольская кухня, представлявшая собой некий фьюжин.

Примечательно, что М. Радиге отмечал влияние французской моды на перуанских женщин. Он даже считал, что здесь ее влияние гораздо сильнее чем в какой-нибудь французской провинции (р. 103), однако, он нигде не обнаружил влияние французской кухни.

Вместе с тем, об окончательном формировании креольской кухни можно говорить лишь к началу XX в., когда к уже имеющимся традициям индейско-испанской кухни добавились итальянская, китайская и японская.

При этом все три кухни вступили в активное соперничество за вкусы перуанцев, формируя все новые и новые кулинарные подходы в стиле фьюжин. И, конечно, этот список был бы неполным, если бы мы не упомянули африканских рабов, привнесших в этот алиментарный ландшафт свой колорит и свое видение вкусной пищи. Правда, первоначально влияние африканской культуры было ограничено территориально (некоторые районы Косты, куда африканских рабов завозили для работы на сахарных плантациях) и социально, так как эта группа населения была максимально сегрегирована (Ndi, 2018). Вместе с тем, роль африканских кулинарных традиций в перуанской кухне весьма значительна, особенно это характерно для кулинарных традиций Косты.

Как считал американский историк Арнольд Бауер, перуанский алиментарный ландшафт длительное время оставался фрагментарным, так как расовая и этническая разобщенность давала себя знать. Эта ситуация, по его мнению, сохранялась до 40-х и даже 50-х гг. XX в. (Bauer, 2001, р. 194).

Таким образом, перуанская кухня – это совокупность самых разнообразных практик: индейской, средиземноморской (испанской и итальянской) и африканской, со значительным добавлением восточной (китайской и японской).

Но не следует понимать этот процесс «сплавления» этих традиций как нечто однолинейное и механическое. Формирование перуанского алиментарного ландшафта – это процесс очень долгий и достаточно противоречивый. Во многом этот ландшафт – результат особой гастро-политики, как это назвал американский антрополог А. Аппадурай, понимая под этим термином особую политику выстраивания алиментарных норм: регламентацию доступа населения к определенным ресурсам, управление процессом потребления и т.д. (Appadurai, pp. 494-496).

В начале 30-х гг. XX в. государственная политика в этой сфере приняла весьма драматичные формы, направленные на создание определенной стратегии функционирования национальной системы

питания для рабочего класса. Сложная ситуация экономической депрессии, в которой оказались многие страны мира, больно ударила и по Перу, превратившемуся в сырьевой придаток развитых капиталистических стран. Все это привело к еще большему обнищанию рабочего класса и усилению политической борьбы. В этих условиях правительство Луиса Мигеля Санчеса Серро (1930-1933) начало претворять в жизнь программу по созданию национальной системы дешевого и здорового питания. Она состояла из открытия «народных ресторанов» – *restaurantes populares*, как особого механизма улучшения питания рабочего класса и борьбы с азиатскими заведениями общественного питания, которые воспринимались общественностью как негигиеничные и содержащие низкокалорийную пищу (Drinot).

Кроме этого, *restaurantes populares* выполняли, по мнению Пауло Дринота, еще очень важную функцию – они помогали формированию рабочей идентичности и перуанского национализма (pp. 246-247).

Слова Бауера по поводу «фрагментарности» перуанской кухни можно отнести и ко всей перуанской культуре, да и этно-социальной системе перуанского общества. Внутри ее было очень много противоречий, завязанных именно на этно-социальную структуру Перу и особенно Лимы. Мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, так как, на наш взгляд, П. Дринот очень хорошо показал все это. Он также достаточно подробно проанализировал совместно с Карлосом Контреросом все процессы, происходившие в Перу в период Великой депрессии (Drinot & Contreras).

Как нам кажется, именно *restaurantes populares* послужили той отправной точкой формирования национальной кухни, ставшей в последствии признанным феноменом национального культурного наследия Перу.

Конечно, эти события 30-х гг. явились лишь одной из начальных фаз складывания этого общенационального ландшафта. Но они весьма закономерно совпали с общенациональными тенденциями формирования национальной культуры. Неудивительно, что следующий этап формирования нового культурного ландшафта Перу вновь совпал с важным периодом в жизни страны. Эти новые изменения в жизни страны были вызваны приходом к власти левацки настроенных военных под руководство генерала Х. Веласко Альварадо, возглавившего страну в 1968 – 1975 гг.. Проведение структурных социальных и экономических реформ, изменило перуанское общество, вызвав к жизни активность народных масс, главным образом индейцев Сьерры (кечуа и аймара). Предыдущие эпохи социального и этниче-

ского разобщения были в значительной мере преодолены новыми реформами правительства левых генералов. Правда, это привнесло новые проблемы в жизнь Перу, но индейцы неожиданно почувствовали свою значимость и важность для страны. С приходом Веласко Альварадо непреодолимая пропасть между миром индейцев гор и белых жителей крупных городов (Лимы, Арекипы, Куско, Аякучо и др.) была уничтожена. Повсюду формировались новые мостики, соединявшие эти два мира. Но к ним добавлялись и новые миры: афроамериканцы Косты и метисное население Сельвы, которое также получило новые экономические и социальные возможности для активного участия в жизни страны.

Именно на волне всех этих процессов и родилось такое явление, как «новая андская кухня» (*cocina novoandina*). Сложно сказать, когда действительно началось это движение, но за основу берут 1986 г., когда известный повар и издатель, общественный деятель Бернардо Рока Рей Миро Кесада «изобрел» блюдо, получившее название «Горшочек из Уакачины» (*Olla de Huacachina*). Хотя блюдо получилось совершенно случайно, так как оно создавалось как некий вызов международной команде поваров на кулинарном фестивале, организованном Гастрономической Ассоциацией Перу (Gastronomical Association of Peru – AGAPE), на котором Бернардо Рока Рей был судьей, да и одним из организаторов этого фестиваля. Чтобы приготовить это блюдо, он просто пошел на местный рынок в соседний городок Ику и купил там различные местные продукты.

Концепт новой андской кухни заключался в неповторимом сочетании двух тенденций: мировой и местной. Здоровая крестьянская еда очень хорошо вписывалась в общемировую тенденцию повышения значимости здоровой пищи. Поменялись и другие тенденции, доминировавшие на протяжении нескольких веков в кулинарном ландшафте белого населения Перу. Эти тенденции группировались вокруг таких бинарных оппозиций как домашняя кухня :: ресторанная; простая крестьянская еда :: изысканная европейская и т.д.. Обеды вне дома до этого казались достоянием только аристократов, имеющих возможность питаться вне дома. Но как мы видим, с введением в традицию *restaurantes populares*, даже рабочие получили возможность питаться вне дома, и платить за это умеренную цену. Вместе с тем и в 90-е гг XX в. влияние изысканной французской кухни в перуанской столице и других крупных городах Перу было очень велико. Она еще долго оставалась неким эталоном качества. То, что Бернардо Рока Рей Миро Кесада неожиданно обратился к местной кухне и местным алиментарным традициям было самым настоящим вызовом, так как

он представлял очень богатый и влиятельный в Перу клан, насчитывающий не один десяток различных очень влиятельных и богатых людей этой стран – политиков, адвокатов, ученых, врачей, финансистов, и т.д.. Можно без всякого сомнения назвать его одним из ярчайших представителей перуанской элиты. Возможно, именно этот факт был, если не решающим, то достаточно важным в оформлении этого явления – *новая андская кухня*.

Вне всякого сомнения можно с огромной уверенностью утверждать, что именно перуанская элита проявила этот исключительный интерес к своим национальным корням. И пусть индейские или африканские корни были лишь некоторой метафорой, но причастность к этой национальной культуре ощущалась ими очень сильно. Это очень заметно и по другой национальной тенденции – музыкальной культуре. Народные массы не давали элите забывать о себе и своей политической активностью, нередко крайне левацкого (маоистско-троцкистского толка) движения *Сендеро Луминосо* («Светлый путь»), и своей теперь более значимой ролью в жизни страны.

Теперь элита оказалась также дефрагментированной – разорванной между старыми классическими образцами европейской культур и новыми тенденциями национальной культуры. Другой видный представитель движения *cocina novoandina* Гастон Акурио заявлял в интервью журналистке Лауре Фрейзер, что, когда он из Парижа ехал в Перу, он «хотел приучать перуанцев есть фуагра и трюфели» (Fraser, p. 100). Но работа в Перу кардинальным образом поменяла его видение современной кухни. И он вместе со своей женой француженкой немецкого происхождения Astrid открывает ресторан, меню которого постепенно начинает ориентироваться на традиционную перуанскую кухню.

Пример Г. Акурио заслуживает особого внимания, так как он, также как Бернардо Рока Рей, происходил из высших слоев перуанской элиты. Его отец – видный политик, правая рука бывшего президента Белаунде Терри (1963 – 1968; 1980 – 1985) мечтал, чтобы его сын получил профессию юриста и стал, как и он, политиком. После окончания юридического факультета перуанского университета он послал его для продолжения учебы на адвоката в Мадрид. Каково было разочарование отца, когда спустя какое-то время сын заявил ему, что не хочет быть юристом, а хочет быть поваром.

Для перуанской элиты даже в начале 90-х гг. XX в. повар был всего лишь обслуга. Уважаемый человек из известной семьи не может быть поваром. Такие люди не должны заниматься поварским искусством. Но сын настоял на своем.

Когда Гастон Акурио вернулся в Перу, там уже было несколько ресторанов, сфокусировавших свое меню на новоандской кухне. Это прежде всего Луис Кучо Ла Роса с его рестораном «El Comensal» и дочь Бернардо Рока Рея Ирка Рока Рей с ее рестораном «Pantagruel».

Возможно, лишь Луис Кучо был выходцем из простого народа. Он начал работать в 1973 г., когда ему было 15 лет в качестве простого бармена в маленькой закусочной в Лиме, которую открыл его отец, много путешествовал, знакомясь с гастрономическими традициями Перу. Поэтому, когда в 1994 г. он открыл свой ресторан с *новоандской кухней*, он уже достаточно хорошо знал, что нравится простым перуанцам и какие уникальные продукты имеются в стране.

И хотя оба первоначальных проекта («El Comensal» и «Pantagruel») со временем перестали существовать, они вместе с ресторанами Г. Акурио заложили основу для новой гастрономической культуры.

Вместе с тем, вряд ли этот процесс был бы успешным вне контекста процесса глобализации. Как ни странно, именно он, на наш взгляд, дал дополнительный толчок к развитию новой национальной кухни в Перу. Уже изначально собственно перуанский процесс алиментарной самоидентификации совпал с международным глобалистским процессом, выразившимся в огромном интересе западного человека к кухне народов мира. Конечно, много сделано было такими людьми как Бернардо Рока, который будучи членом совета директоров и одним из совладельцев такого печатного новостного издания как *El Comercio*, постоянно пропагандировал перуанскую кухню в виде статей, и дешевых кулинарных книг, которые время от времени подписчики газеты *El Comercio* получали вместе с газетой.

Но национальная кухня – это не только то, о чем мы говорим и то, что мы считаем таковой. Это прежде всего то, что мы едим, как ежедневно, так и по особым праздничным дням. Поэтому происходившее в 90-е и 2000-е гг. в Перу заслуживает особого внимания. И не только в силу уникальности этой кухни, но и в силу особых культурных процессов, выведших ее в ряд мировых брендов.

На сегодняшний день тот же Гастон Акурио открыл более двух десятков ресторанов по всему миру: Латинская Америка, США, Европа, Катар. Он начал завоевание международных рынков с Сантьяго в Чили (1999), Колумбии (2003), Мексике (2007) и т.д. (Tristán & Serida-Nishimura, p. 85).

Исключительность этого явления заключается еще и в том, что перуанские повара постоянно предлагают уникальное сочетание вкусов и стилей: перуано-итальянская кухня; перуано-японская (*nikkei*);

перуано-китайская (*chifa*), перуанская креольская, афро-перуанская, морская, и т.д..

Некоторые блюда перуанской кухни уже действительно снискали всемирное признание. Среди подобных блюд можно назвать, например, *севиче*, представляющее собой маринованную рыбу в соке лайма со специями. Существует несколько десятков разных региональных способов приготовления этого блюда, и в каждом из них будет неповторимое сочетание ингредиентов. В начале второго десятилетия XXI в. в одной Лиме насчитывалось 11 000 *севичерий* – то есть кухонь, специализировавшихся на приготовлении севиче (Kraig & Sen, p. 13). При этом это как специальные заведения с моноблюдом (севиче), так и крупные рестораны высокой кухни, который включали в свое меню это блюдо. Многие туристы со всего мира специально приезжают в Лиму, чтобы попробовать местные севиче. Можно с уверенностью сказать, что в настоящий момент гастрономический туризм в Перу столь же развит, как и посещение различных достопримечательностей – прежде всего археологических мест, типа Мачу-Пикчу, крепости Саксайуаман, долины Наска и т.д..

Нобелевский лауреат в области литературы перуанец Марио Варгас Льюса в своей речи, посвященной Гастону Акурио отмечал, что сейчас многие перуанские юноши мечтают стать поварами, как когда-то мечтали стать психологами, а еще раньше экономистами, а до этого архитекторами (Llosa, 2009). Средняя зарплата повара в элитном ресторан в Лиме около 5000 US\$ (Tristán & Serida-Nishimura, p. 93). И хотя у начинающего повара с профильным образованием будет всего лишь 350 US\$, это также можно считать неплохим заработком в Перу, с учетом того, что данный субъект всега легко найдет работу, так как в Перу каждый день открывается более полутора десятков новых ресторанов (Tristán & Serida-Nishimura, p. 93). А гастрономический туризм дает рабочие места все новым и новым перуанцам, так как он завязан на самые различные сферы деятельности, и прежде всего на производство сельскохозяйственной продукции, рыболовство, технологические отрасли, выстраивание новых логистических модулей и т.д..

Гастрономический туризм постоянно создает новые формы и новые институты, так как кулинарный бизнес – это не только сфера приготовления и потребления. Избалованный, особенно международный турист, хочет за свои деньги особых условий потребления. И претензии предъявляются не только к качеству приготовленной еды, но и к обслуживанию, и общей атмосфере заведения, и т.д.. Все это требует особого персонала этих заведений, высококлассных

дизайнеров, техников по обслуживанию аудиоаппаратуры, музыкантов, вокалистов и т.д..

Спрос на изысканность и уникальность порождает и особые гастрономические заведения семейного типа или заведения с меню. Эти заведения не обслуживают много посетителей, и нередко имеют не более пяти, а то и меньше столиков. Туда попадают только по записи. Эти заведения не работают длительное время, и обслуживают посетителей только в обеденное время, а меню состоит из одного или пары блюд, на выбор повара – хозяина заведения. Он диктует свои условия, как, например, во всемирно известной севичерии перуанца китайского происхождения Хавьера Вонга. На его заведении нет вывески, так как он не нуждается в ней, нет очередей, как в некоторых заведениях, все максимально по-домашнему, и гости могут всегда пообщаться с поваром, который расскажет и даже покажет все секреты своего мастерства. Попасть сюда можно только по предварительной записи.

Но заведения, подобные севичерии Хавьера Вонга уже давно не являются чем-то уникальным, да и не считаются изобретением перуанцев. Это уже мировая тенденция, нацеленная на развитие персонального бренда.

Все, происходящее в Перу, очень хорошо попадает под определение схожего процесса складывания алиментарного ландшафта в мексиканском Юкатане, названного мексиканским антропологом Стеффаном Игорем Айора-Диасом «натурализацией вкуса» (Ayora-Diaz, pp. 114-152).

Вне всякого сомнения, этот процесс в Перу, как и в других латиноамериканских странах, во многом был сопряжен с процессами формирования национальной идентичности. Вместе с тем, следует учитывать, что это процесс проходил в период активного влияния на национальные культуры глобалистских тенденций. Однако, доминирование американской массовой культуры или культуры европейских стран в этом процессе не только не сказалось отрицательно на национальной кухне Перу, но даже нередко стимулировало продвижение национальных брендов. Так местный рынок быстро нашел свой противовес всемирно известной кока-коле, создав *инка-колу*, которая ни в коей мере не является репликой кока-колы, а выступает в качестве своего национального бренда, получившего определенную популярность и в других странах Латинской Америки¹.

1 Курьезность этой ситуации заключается еще и в том, что перуанцы в большей степени могли бы претендовать на название «кока-кола», учитывая ту роль, которую играют листья коки в традиционной культуре индейцев Центральных Анд.

Кроме *инки-колы* особую роль в кулинарном ландшафте играет и такой неповторимый напиток как *чича морада*, который изготавливают из определенного сорта кукурузы и различных фруктов. К слову сказать чичерии, т.е. заведения, в которых подают подобный напиток, также является достаточно распространённым явлением в Перу. Даже типичное итальянское *ризотто* превращается в Перу в региональное *кинотто* (Quinotto), в котором особую роль уже начинает играть вместо риса местное киноа, а в качестве мясной добавки там могут быть мясо креветок, моллюски или курица.

Практически большинство блюд Старого Света оказались переосмыслены и переделаны под местные продукты и местные вкусы. Это стремление вписать чужие блюда в региональные традиции коснулись всего алиментарного своеобразия, привнесенного в Перу извне. Все натурализовалось и приспособилось под местные нужды. Но именно в этом, как оказалось, и сказывалась притягательная сила местного ландшафта, которая спланивала перуанцев и вновь прибывших.

Очень важно, что перуанское правительство очень хорошо осознало как важность этого процесса, так и его перспективность, особенно касательно аспекта развития национальной культуры. 26 октября 2007 года правительство Перу через Национальный институт культуры (Instituto Nacional de Cultura) присвоило национальной кухне статус национального культурного наследия (Matta R., 2011, p. 196).

Процессы, происходившие в алиментарном ландшафте Перу, и особенно старания перуанских поваров и интеллектуалов начали приносить ощутимые результаты: перуанская кухня получила высшие оценки у кулинарных экспертов и гурманов всего мира (Fraser; McLaughlin; Miroff). Особенно активно это признание началось во втором десятилетии XXI в.. 23 марта 2011 г. по случаю празднования Панамериканского года культуры Организация американских государств присвоила кухне Перу статус «Культурного наследия американского континента для всего мира». К 2019 г. перуанская алиментарная традиция уже 8-й раз получает статус «лучшего кулинарного направления мира» по версии ведущих туристических агентств (World Travel Awards, etc.).

Но важно и другое. В этот период появляется уже новая кулинарная традиция, выражающая совершенно новаторские идеи, которые невозможно было предугадать какие-то лет 10 до этого. За эти годы старые мастера новоандской традиции подготовили новых мастеров, которые пошли еще дальше в развитии кулинарных

традиций своей страны. Вне всякого сомнения, появились шеф-повара, которые вознесли перуанскую кухню на новый уровень. Среди подобных персонажей в первую очередь хотелось бы назвать такого ресторатора как Вирхилио Мартинес (Virgilio Martínez), открывшего в 2008 г. в Лиме свой первый ресторан *Central*. Следует заметить, что В. Мартинес не был новичком в ресторанном бизнесе, так как длительное время стажировался в престижных ресторанах мира, таких как *Le Cordon Bleu* в Оттаве и Лондоне, работал в знаменитых ресторанах, таких как *Lutèce*¹ в Нью Йорке, и *Can Fabes*² в Барселоне. Он также руководил ресторанами перуанской кухни *Astrid & Gastón*³ в Колумбии и Испании.

Мартинес активно сотрудничал с Акурио. Последний даже привлекал его к особому рекламному проекту 2011 г. программы *Marca Peru*⁴, направленному на пропаганду перуанской культуры за рубежом. В ходе этого проекта Гастон Акурио высаживал культурный десант в маленьком американском городке Перу в шт. Небраска в США. В. Мартинес, уже упомянутый перуанский шеф-повар Х. Вонга, и некоторые другие перуанские кулинары угощали американцев своей продукцией. Г. Акурио выступал в качестве водителя автобуса (Matta & García, 2019).

Деятельность В. Мартинеса – это кухня совершенно нового уровня. В своем ресторане *Central* он предложил новое видение перуанской гастрономической традиции. Его деятельность вышла за уровень только лишь кулинарного искусства. Теперь это и кулинария, и образовательные проекты, и особая энвайронменталистская философия, и многое другое. Свою концепцию нового ресторана В. Мартинес и его жена Пиа Леон (Pia León), а также сестра Вирхилиа Малена Мартинес построили на презентации природного своеобразия Перу, определяемого через термины вертикальной экологии. Меню их ресторана выстроено таким образом, чтобы оно отражало региональную специфику природного ландшафта, начинающегося от 25 м. над уровнем моря и до 4700 м.. В нем 19 остановок или блюд, каждое из которых приготовлено из продуктов особой зоны.

1 Ресторан французской кухни класса люкс. Он считался одним из 10 самых шикарных ресторанов в США.

2 Ресторан находился в местечке Сан-Селони, недалеко от Барселоны. Ресторан имел три звезды Мишлен (1988, 1990, 1994).

3 *Astrid & Gastón* – франшиза, принадлежащая Гастону Акурио и его жене Астрид. Рестораны *Astrid & Gastón* были открыты по всему миру.

4 Перуанская рекламная компания и бренд, направленный на пропаганду перуанской продукции в других странах. Марка Перу объединила огромное количество национальных фирм (Perú Nebraska, 2011). В 2012 г. Марка Перу провела подобную кампанию в итальянском городке Лорето, недалеко от Венеции. Выбор этого города был продиктован тем, что в Перу имеется одноименный департамент, расположенный в Селве.

Начиная с Косты или побережья обед как бы охватывает все имеющиеся зоны (Сьерру и Сельву). Гость во время обеда знакомится со всем разнообразием природного мира этой страны.

Естественно, что кулинарная деятельность Мартинеса не за циклируется только на ресторанном бизнесе. Вместе с сестрой они создали важную структуру *Mater Iniciativa*, которая, по сути дела превратилась в научно-исследовательский институт, направленный на изучение биоразнообразия Перу (*Mater Iniciativa*; Lazar). Группа активно сотрудничает с различными крестьянскими общинами, кооперативами, производящими пищевые продукты в различных уголках Перу. Кроме этого сотрудники *Mater Iniciativa* создают своеобразный компендиум производимых продуктов в стране, фиксируют природное своеобразие, записывают различные кулинарные рецепты, делают фото и видеосъемку и т.д..

В. Мартинес привнес и новые формы обслуживания клиентов. Это касается посуды, столовых принадлежностей. Как правило, это уже не стандартные тарелки или ложки и вилки. В значительной степени это некая имитация традиционных форм принятия пищи. Здесь уже и каменные или глиняные сосуды, каменные палочки, заменяющие традиционные ложки и вилки. Все это, по мнению ресторатора, помогает лучше понять традиции принятия той или иной пищи, окунуться в неповторимую атмосферу культуры страны – от ее побережья до высокогорья и огромных пространств сельвы.

В ряде случаев Мартинесы предлагают есть пищу руками, так как это, согласно их видению ситуации, способствует пониманию пищи, которую едят посетители.

Все это создает неповторимую атмосферу обеда в ресторанах Мартинеса. Не удивительно, что на сегодняшний день ресторан *Central* входит в десятку лучших ресторанов мира, занимая шестую позицию (*Central, Lima, Peru, 2020*). Правда, это не успех, а некоторая уступка лидирующего места, так как в 2015 он был на 4-ом месте. Кроме этого, *Central* считается лучшим рестораном в Латинской Америке. В настоящий момент В. Мартинес и его жена открыли еще несколько ресторанов в Перу, а также два ресторана в Лондоне (*Lima London, 2012; Lima Floral, 2014*) и в 2017 г. в Дубаи. В 2014 г. Лима Лондон получила звезду Мишлен. Это была первая звезда, присвоенная перуанскому ресторану в Британии.

Сама Пиа Леон теперь отдельно руководит и рестораном *Kjolle* (Койе), открывшимся в Лиме в 2018 г.. Кстати, именно в этом году ей был присвоен статус лучшего шеф-повара женщины в Латинской Америке. Сам ресторан в 2019 г. занял 21 место в списке лучших ресто-

ранов Латинской Америке. В этом же году уже в Испании она стала первой в номинации «лучшая восходящая звезда поварского искусства» на конкурсе 100 лучших поваров мира. Как и ресторан *Central, Kjolle* также отличает большая оригинальность в подаче блюд, формировании меню и т.д.. Точнее там нет меню в привычном смысле этого слова, так как выбор и подача блюд максимально концептуальна. На самом деле посетителю предлагают кулинарное путешествие, приобщение к «духу» или «атмосфере» места, из которого прибыл этот продукт. С этой же целью Пиа Леон отказалась от скатертей, так как, по ее мнению, посетители должны ощущать поверхность, также, и еду. И посуда теперь оказывается не просто контейнером (пусть и красивым), а прежде всего неким посланием из того же места: поэтому это теперь деревянные тарелки из Амазонки, скорлупа кокоса или плод какао. Не только вкус блюда или его консистенция, теперь все должно играть четкую роль кулинарного нарратива. Это повествование начинается уже с самого названия ресторана Kjolle – название высокогорного цветка ярко оранжевого цвета. Здесь нет уже *Haute cuisine* в привычном смысле, но есть некий поиск, возведенный в ранг кулинарного искусства и гастрономического образования. Посетители уходят из этого ресторана не только сытые, но и много узнавшие, прикоснувшиеся к культурному и природному своеобразию этой страны.

Пример В. Мартинеса вместе с Г. Акурио, Мома Адриансеном¹ и другими убедительно показывают, что гастрономический уровень перуанских рестораторов достиг очень больших высот, и он может конкурировать с ведущими французскими, средиземноморскими и американскими ресторанными традициями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последнее время Перу превратилось в особую кулинарную Мекку, куда приезжают туристы не только ради традиционных культовых мест (Куско, Мачу-Пикчу, оз. Титикака, р. Амазонка и т.д.), но и ради посещения ведущих ресторанов с мировым именем.

Путь, который прошла перуанская алиментарная традиция от крестьянской кухни до изысканных блюд перуанской и мировой элиты, заслуживает всяческого внимания и ставит перед исследователями ряд важнейших гносеологических задач по пониманию процессов формирования алиментарного ландшафта.

---

1 Мома Adrianzén – новая восходящая звезда перуанской кухни. М. Адриансен на сегодняшний день владеет двумя ресторанами в Лиме (Jeronimo и Chinga Tu Taco) и одним в Сантьяго де Чили (Jeronimo).

Список литературы

- A Future Sown Thousands of Year Ago*. (2013). (Food and Agriculture Organization of the United Nations) Retrieved 08 20, 2020, from Quinoa 2013 International Year: <http://www.fao.org/quinoa-2013/mobile/en/>
- Appadurai, A. (1981). Gastro-politics in Hindu South Asia. *American Ethnologist*, 8(3), 494-511.
- Ayora-Diaz, S. I. (2012). *Foodscapes, Foodfields, and Identities in the Yucatan*. New York: Berghahn Books.
- Bauer, A. J. (2001). *Goods, Power, History: Latin America's Material Culture*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Benavides de Rivero, G. (2003). *Alimentación y gastronomía. II Coloquio Internacional de Gastronomía, Patrimonio y Turismo*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Benites, O. V. (2012). *Gastronomía e identidad nacional*. Trujillo: Edición del autor.
- Benson, E. P. (2012). *The Worlds of the Moche on the North Coast of Peru*. Austin: University of Texas Press.
- Cartay, R. (2016). *La mesa amazónica peruana. Ingredientes, corpus y símbolos*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Central, Lima, Peru*. (2020, n.d. n.d.). Retrieved 10 05, 2020, from The world's 50 Best Restaurants: <https://www.theworlds50best.com/the-list/1-10/Central.html>
- Cieza de Leon, P. (2005). *La Cronica del Peru*. Caracas: Biblioteca de Ayacucho.
- Clausen de Molina, G. H. (2018). *La cocina del Perú*. Lima: Planeta.
- Drinot, P. (2005). Food, Race and Working-Class Identity: Restaurantes Populares and Populism in 1930s Peru. *The Americas*, 62(2), 245-270.
- Drinot, P., & Contreras, C. (2014). The Great Depression in Peru. B P. Drinot , & A. Knight (Ред.), *The Great Depression in Latin America* (стр. 102-128). Durham, London: Duke University Press.
- Engel, F. (1970). Exploration of the Chilca Canyon, Peru. *Current Anthropology*, 11, 55-58.
- Ferguson, P. P. (2004). *Accounting for taste: the triumph of French cuisine*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Fraser, L. (August 2006 г.). Next Stop Lima. *Gourmet*, 66(8), 99-116.
- Goldstein, P. S. (2000). Communities without Borders: The vertical archipelago and diaspora communities in the southern Andes. In M. A. Canuto, & J. Yaeger (Eds.), *The Archaeology of Communities: the New World Perspective* (pp. 182-209). New York: Routledge.
- Guardia, S. B. (2016). *Cocina Peruana: Historia, cultura y sabores*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Kraig, B., & Sen, C. T. (2013). *Street Food around the World: An Encyclopedia of Food and Culture*. Oxford: ABC-Clio.

- Lamana, G. (2008). *Domination without Dominance: Inca-Spanish Encounters in Early Colonial Peru*. Durham, London: Duke University Press.
- Lauer, M. (2018). *Comer en los mercados peruanos*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Lazar, A. (2018, Jun 29). *How Malena Martínez Is Changing the Future of Peruvian Cuisine*. Retrieved 10 5, 2020, from Eater: <https://www.eater.com/2018/6/29/17509624/malena-martinez-mater-iniciativa-central-restaurant-peru-virgilio-martinez-interview>
- León, E. (2013). *14,000 años de alimentación en el Perú*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Llosa, M. V. (22 MAR 2009 г.). El sueño del 'chef'. *El País*. Retrieved 09 09 2020 from https://elpais.com/diario/2009/03/22/opinion/1237676414_850215.html
- Mangan, J. E. (2016). *Transatlantic Obligations: Creating the Bonds of Family in Conquest-era Peru and Spain*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Mater Iniciativa*. (2013, n.d. n.d.). Retrieved 09 11, 2020 from Mater Iniciativa: <https://materiniciativa.com/>
- Matta, R. (2011). Posibilidades y límites del desarrollo en el patrimonio inmaterial. El caso de. *Apuntes*, 24(2), 196-207.
- Matta, R., & García, M. (2019). The Gastro-Political Turn in Peru. *Anthropology of food*, 14, 1-10. Retrieved 12 20, 2019 from <http://journals.openedition.org/aof/10061>
- McLaughlin, K. (2011, September 10). The Next Big Thing: Peruvian Food. *The Wall Street Journal*. Retrieved 10 01, 2020, from <https://www.wsj.com/articles/food-s-next-big-thing-peruvian-11591297138?tesla=y>
- Miroff, N. (2014, July 23). Gastón Acurio, South America's super chef. *The Washington Post*. Retrieved 09 29, 2020, from https://www.washingtonpost.com/world/gaston-acurio-south-americas-super-chef/2014/07/23/2f7f05bd-a50b-4142-a5c3-b3206f216eac_story.html
- Murra, J. V. (1975). El control vertical de un máximo de pisos ecológicos en la economía de las sociedades andinas. In J. V. Murra, *Formaciones Económicas y Políticas del Mundo Andino* (pp. 59-116). Lima: Instituto de Estudios Peruanos.
- National Fisheries Sector Overview Peru*. (5 09 2020 г.). Получено 2020, из Food and Agriculture Organization of the United Nations: http://www.fao.org/fishery/docs/DOCUMENT/fcp/en/FI_CP_PE.pdf
- Ndi, G. S. (2018). Reimagining Blackness in a Hybridized and Racialized Space. In C. Iheka (Ed.), *African Migration Narratives: Politics, Race, and Space* (pp. 114-140). Rochester: University of Rochester Press.
- Olivas Weston, R. (1996). *Cultura, Identidad y Cocina en el Peru*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Olivas Weston, R. (1998). *La cocina en el virreynato del Peru*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.

- Olivas Weston, R. (1999). *La cocina cotidiana y festiva de los limeños en el siglo XIX*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Olivas Weston, R. (2008). *Cusco. El imperio de la cocina*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Olivas Weston, R. (2015). *La cocina de los Incas. Costumbres gastronómicas y técnicas culinarias*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Orefici, G. (2019). *Cultura alimentaria de los antiguos Nasca*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- O'Toole, R. S. (2012). *Bound Lives: Africans Indians and the Making of Race in Colonial Peru*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Perú Nebraska. (2011, n.d. n.d.). Retrieved 09 20, 2020 from Marca Perú: Un símbolo que une a todo el país: <https://peru.info/es-pe/marca-peru/detalle-campanas/1/peru-nebraska>
- Peruvian Camu Camu fruit conquers Japan. (2007, 02 12). Retrieved 09 12, 2020, from Traveling and Living in Peru: <https://www.livinginperu.com/business-263-agriculture-peruvian-camu-camu-fruit-conquers-japan/>
- Prescott, W. H. (2013). *History of the Conquest of Peru*. New York: Dover Publication.
- Radiguet, M. (1859). *Souvenirs de l'Amérique Espagnole : Chili, Pérou, Brésil*. Paris: Michel Levy Freres.
- Stanish, C. (2003). *Ancient Titicaca: The Evolution of Complex Society in Southern Peru and Northern Bolivia*. Berkeley; London: University of California Press.
- Steward, J. H. (1946). *Handbook of South American Indians (V. 2)*. Washington, U.S. Govt. Print Off.
- Tristán, O. M., & Serida-Nishimura, J. (2014). A Chef's Dream. In L. Liberman, S. Garcilazo, & E. Stal (Eds.), *Multinationals in Latin America: Case Studies* (pp. 83-98). New York: Palgrave Macmillan.
- Villavicencio, M. (2017). *Mujer, poder y alimentación en el Antiguo Perú*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Villavicencio, M. F. (2007). *Seminario Historia de la Cocina Peruana*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Якушенков, С. Н. (1988). Вертикальная экология и семантика пространства в представлении аймара. В *Экология американских индейцев и эскимосов* (с. 276-287). М.: Наука.
- Якушенков, С. Н., & Палаткин, В. В. (2020). Мы наш и новый мир накормим: несколько кейсов алиментарных традиций фронтирных регионов. Часть 1. *Журнал фронтирных исследований*, 5(4), 237-285. doi: 10.46539/jfs.v5i4.241

References

- A Future Sown Thousands of Year Ago*. (2013). (Food and Agriculture Organization of the United Nations) Retrieved 08 20, 2020, from Quinoa 2013 International Year: <http://www.fao.org/quinoa-2013/mobile/en/>
- Appadurai, A. (1981). Gastro-politics in Hindu South Asia. *American Ethnologist*, 8(3), 494-511.
- Ayora-Díaz, S. I. (2012). *Foodscapes, Foodfields, and Identities in the Yucatan*. New York: Berghahn Books.
- Bauer, A. J. (2001). *Goods, Power, History: Latin America's Material Culture*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Benavides de Rivero, G. (2003). *Alimentación y gastronomía. II Coloquio Internacional de Gastronomía, Patrimonio y Turismo*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Benites, O. V. (2012). *Gastronomía e identidad nacional*. Trujillo: Edición del autor.
- Benson, E. P. (2012). *The Worlds of the Moche on the North Coast of Peru*. Austin: University of Texas Press.
- Cartay, R. (2016). *La mesa amazónica peruana. Ingredientes, corpus y símbolos*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Central, Lima, Peru*. (2020, n.d. n.d.). Retrieved 10 05, 2020, from The world's 50 Best Restaurants: <https://www.theworlds50best.com/the-list/1-10/Central.html>
- Clausen de Molina, G. H. (2018). *La cocina del Perú*. Lima: Planeta.
- Drinot, P. (2005). Food, Race and Working-Class Identity: Restaurantes Populares and Populism in 1930s Peru. *The Americas*, 62(2), 245-270.
- Drinot, P., & Contreras, C. (2014). The Great Depression in Peru. B. P. Drinot, & A. Knight (Eds.), *The Great Depression in Latin America* (pp. 102-128). Durham, London: Duke University Press.
- Engel, F. (1970). Exploration of the Chilca Canyon, Peru. *Current Anthropology*, 11, 55-58.
- Ferguson, P. P. (2004). *Accounting for taste: the triumph of French cuisine*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Fraser, L. (August 2006 r.). Next Stop Lima. *Gourmet*, 66(8), 99-116.
- Goldstein, P. S. (2000). Communities without Borders: The vertical archipelago and diaspora communities in the southern Andes. In M. A. Canuto, & J. Yaeger (Eds.), *The Archaeology of Communities: the New World Perspective* (pp. 182-209). New York: Routledge.
- Guardia, S. B. (2016). *Cocina Peruana: Historia, cultura y sabores*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Kraig, B., & Sen, C. T. (2013). *Street Food around the World: An Encyclopedia of Food and Culture*. Oxford: ABC-CLIO.
- Lamana, G. (2008). *Domination without Dominance: Inca-Spanish Encounters in Early Colonial Peru*. Durham, London: Duke University Press.

- Lauer, M. (2018). *Comer en los mercados peruanos*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Lazar, A. (2018, Jun 29). *How Malena Martínez Is Changing the Future of Peruvian Cuisine*. Retrieved 10 5, 2020, from Eater: <https://www.eater.com/2018/6/29/17509624/malena-martinez-mater-iniciativa-central-restaurant-peru-virgilio-martinez-interview>
- León, E. (2013). *14,000 años de alimentación en el Perú*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Llosa, M. V. (22 MAR 2009 r.). El sueño del 'chef'. *El País*. Retrieved 09 09 2020 from https://elpais.com/diario/2009/03/22/opinion/1237676414_850215.html
- Mangan, J. E. (2016). *Transatlantic Obligations: Creating the Bonds of Family in Conquest-era Peru and Spain*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Mater Iniciativa*. (n.d. de 2013). Recuperado el 11 de 09 de 2020, de Mater Iniciativa: <https://materiniciativa.com/>
- Matta, R. (2011). Posibilidades y límites del desarrollo en el patrimonio inmaterial. *El caso de Apuntes*, 24(2), 196-207.
- Matta, R., & García, M. (2019). The Gastro-Political Turn in Peru. *Anthropology of food*, 14, 1-10. Recuperado el 20 de 12 de 2019, de <http://journals.openedition.org/aof/10061>
- McLaughlin, K. (2011, September 10). The Next Big Thing: Peruvian Food. *The Wall Street Journal*. Retrieved 10 01, 2020, from <https://www.wsj.com/articles/food-s-next-big-thing-peruvian-11591297138?tesla=y>
- Miroff, N. (2014, July 23). Gastón Acurio, South America's super chef. *The Washington Post*. Retrieved 09 29, 2020, from https://www.washingtonpost.com/world/gaston-acurio-south-americas-super-chef/2014/07/23/2f7f05bd-a50b-4142-a5c3-b3206f216eac_story.html
- Murra, J. V. (1975). El control vertical de un máximo de pisos ecológicos en la economía de las sociedades andinas. En J. V. Murra, *Formaciones Económicas y Políticas del Mundo Andino* (págs. 59-116). Lima: Instituto de Estudios Peruanos.
- National Fisheries Sector Overview Peru*. (5 09 2020 r.). Retrieved 2020, from Food and Agriculture Organization of the United Nations: http://www.fao.org/fishery/docs/DOCUMENT/fcp/en/FI_CP_PE.pdf
- Ndi, G. S. (2018). Reimagining Blackness in a Hybridized and Racialized Space. In C. Iheka (Ed.), *African Migration Narratives: Politics, Race, and Space* (pp. 114-140). Rochester: University of Rochester Press.
- Olivas Weston, R. (1996). *Cultura, Identidad y Cocina en el Perú*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Olivas Weston, R. (1998). *La cocina en el virreynato del Perú*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Olivas Weston, R. (1999). *La cocina cotidiana y festiva de los limeños en el siglo XIX*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.

- Olivas Weston, R. (2008). *Cusco. El imperio de la cocina*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Olivas Weston, R. (2015). *La cocina de los Incas. Costumbres gastronómicas y técnicas culinarias*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Orefici, G. (2019). *Cultura alimentaria de los antiguos Nasca*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- O'Toole, R. S. (2012). *Bound Lives: Africans Indians and the Making of Race in Colonial Peru*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Perú Nebraska. (n.d. de n.d. de 2011). Recuperado el 20 de 09 de 2020, de Marca Perú: Un símbolo que une a todo el país: <https://peru.info/es-pe/marca-peru/detalle-campanas/1/peru-nebraska>
- Peruvian Camu Camu fruit conquers Japan. (2007, 02 12). Retrieved 09 12, 2020, from Traveling and Living in Peru: <https://www.livinginperu.com/business-263-agriculture-peruvian-camu-camu-fruit-conquers-japan/>
- Prescott, W. H. (2013). *History of the Conquest of Peru*. New York: Dover Publication.
- Radiguet, M. (1859). *Souvenirs de l'Amérique Espagnole : Chili, Pérou, Brésil*. Paris: Michel Levy Freres.
- Stanish, C. (2003). *Ancient Titicaca: The Evolution of Complex Society in Southern Peru and Northern Bolivia*. Berkeley; London: University of California Press.
- Steward, J. H. (1946). *Handbook of South American Indians* (V. 2). Washington, U.S. Govt. Print Off.
- Tristán, O. M., & Serida-Nishimura, J. (2014). A Chef's Dream. In L. Liberman, S. Garcilazo, & E. Stal (Eds.), *Multinationals in Latin America: Case Studies* (pp. 83-98). New York: Palgrave Macmillan.
- Villavicencio, M. (2017). *Mujer, poder y alimentación en el Antiguo Perú*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Villavicencio, M. F. (2007). *Seminario Historia de la Cocina Peruana*. Lima: Universidad de San Martín de Porres.
- Yakushenkov, S. N. (1988). Vertical'naya ekologiya y semantika prostranstva v predstavlenii aymara. In *Ekologiya amerikanskih indeytsev y eskimosov* (pp. 276-287). Moscow: Nauka. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., & Palatkin, V. V. (2020). We will feed our and a new world: several cases of food ways of frontier regions. Part I. *Journal of Frontier Studies*, 5(4), 237-285. doi: 10.46539/jfs.v5i4.241 (In Russian).

LEISURE ON THE CHINESE EASTERN RAILWAY: YACHT CLUB AND RACECOURSE AS “OTHER SPACES” OF HARBIN

Alexander Yu. Meshcheryakov

National Research University “Higher School of Economics University”. St. Petersburg, Russia.
Email: [daomeshcheryakov\[at\]gmail.com](mailto:daomeshcheryakov[at]gmail.com)

Abstract

Applying Fr. D. Turner's frontier theory and M. Foucault's concept of heterotopic spaces the author studies “other” spaces created by Russian railway men and Cossacks in Northern Manchuria in the late 19th – first half of the 20th centuries. Particular attention is paid to the organization of leisure in Harbin. The article considers two quite interesting spaces: the yacht club on the bank of the river Sungari and the hippodrome. The choice of these leisure spaces was based on a number of important characteristics. The purpose of this study is to analyze the spaces of the yacht club and the hippodrome as heterotopic spaces on the frontier territory. The author reaches several important conclusions about the basic principles of the basic principles of the creation and the functioning of these leisure spaces. Within these spaces, many cultural processes took quite different forms. The article provides numerous previously unknown facts about the development of yachting and trotting in Harbin.

Keywords

CEL; Harbin; Yacht Club; Racecourse; Northern Manchuria; China; Russia; railway men; Cossacks; leisure; leisure spaces

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ДОСУГ НА КИТАЙСКОЙ-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ: ЯХТ-КЛУБ И ИППОДРОМ КАК «ДРУГИЕ ПРОСТРАНСТВА» ХАРБИНА

Мещеряков Александр Юрьевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Санкт-Петербург, Россия. Email: [daomesheryakov\[at\]gmail.com](mailto:daomesheryakov[at]gmail.com)

Аннотация

Применяя фронтирную теорию Фр. Д. Тернера и концепцию гетеротопных пространств М. Фуко автор изучает «другие» пространства созданными российскими железнодорожниками и казаками в Северной Маньчжурии в конце XIX – первой половине XX вв. Особое внимание в работе уделяется организации досуга в Харбине. В статье рассматривается два достаточно интересных пространства: яхт-клуб на берегу р. Сунгари и ипподром. Выбор именно этих досуговых пространств был основан на ряде важных характеристик. Целью данного исследования является проанализировать пространства яхт-клуба и ипподрома как гетеротопные пространства на фронтирной территории. В результате автор охарактеризовал основные принципы создания и функционирования этих досуговых пространств. Внутри этих пространств многие культурные процессы принимали совершенно иные формы. В статье приводятся многочисленные факты развития яхтинга и рысистого дела в Харбине. Российские железнодорожники меняли в Северной Маньчжурии почти все, в том числе и досуговые пространства.

Ключевые слова

КВЖД; Харбин; Яхт-клуб; Ипподром; Северная Маньчжурия; Китай; Россия; железнодорожники; казаки; досуг; досуговые пространства

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

INTRODUCTION: PROBLEM STATEMENT

This article explores several aspects of leisure in Harbin during the formation of the new frontier. One of the important aspects of leisure is the creation of a new order of space and time during the struggle for spheres of influence in Manchuria. I find it essential to study the efforts by railroad engineers to create a supportive environment to meet their needs outside of their usual territories and living conditions. I will show, using two types of leisure spaces as examples, how the technocratic elite shaped “other” imperial spaces in Northern Manchuria. Leisure spaces are examined using the example of the Harbin Yacht Club and Racecourse. These were spaces of competition and confrontation as well as the imposition and defense of the interests of the Russian, Chinese and Japanese elites on the Russian-Chinese frontier. The creation of such leisure places was aimed at the socialization of space. The study of leisure spaces allows us to better understand the history of Harbin and its people in the late 19th – first half of the 20th centuries.

Leisure spaces, like leisure time itself, are very important in the study of frontier history. A person is shaped not only at school or at work, but also in their free time. In the book by the American writer Martin Woodside there is an imperative: “*Go West, young man, and grow up with the country*” (Woodside, 2020, p. 3). I would like to change the well-known imperative a bit and say, “*Go to Siberia, to the Far East, young man, and grow up with the Empire*”. But the East is not the West, and Siberia is not California, although Siberia was a territory with all sorts of liberties, it was also a territory of exile, penal servitude, and the strictest disciplinary practices. In the process of conquering this or that frontier, several generations succeeded, organizing their leisure and entertainment spaces over many decades. In the late 19th century, during the construction of the Trans-Siberian Railway and the CEL, railway engineers viewed Siberia in quite a different way. In 1895 M. N. Gersevanov, the director of the Institute of Railway Engineers of Alexander I, in his speech to the first-year students, noted: “By order of ... Emperor Alexander III, Siberia is now being transformed from a place of exile into a country with a brilliant future, a country presenting a vast arena for every technician and industrialist, and above all for those pioneers of civilization who are called the engineers of the railways” (Miscellaneous news, 1895, p. 128). M. N. Gersevanov spoke at a moment when railroad workers were displacing Cossacks as dominant social group shaping Siberian leisure spaces.

At the end of the 19th century in undeveloped Manchuria, the leisure of railway engineers, officers and Cossacks was limited to drinking, talking,

playing cards, fishing, hunting¹, reading, horseback riding and hiking, etc. (Meshcheryakov, 2019, p. 185). Remote spaces like Manchuria were harsh, uninhabited, wild territories without basic amenities and with all sorts of challenges. The centers of leisure and entertainment in such areas tended to be pubs, taverns, bars, brothels and gambling houses. The presence of such spaces can be seen in the various frontiers during the colonial era. Russian General Krasnov P. N. wrote in 1901 about living conditions in Manchuria and the CEL: *“To serve here you either have to drink, or gamble, or hunt... only engineers live here, and they have so much fun that more than one of them has committed suicide”* (Krasnov, 1903, p. 64).

The harsh living conditions in the Manchurian taiga, the constant restrictions and liberties influenced the formation of the idea of a new and modern urban space. At the end of the 19th century, it seemed to engineers that new technology and uninhabited territories offered limitless possibilities for creating the city of the future. Harbin was designed as a “paradise” on the banks of the Sungari River. The utopian ideas of progressivism suggest that peace, prosperity, and good health are attainable through technology. According to a maxim by B. V. Ostroumov, Russian engineer and manager of the CEL: *“An engineer is a creator! On him lies the sacred duty of arranging the Earth. An engineer by vocation should spend all his life with a worrying and burning desire for new improvements. When an engineer comes to the desert, the desert would be covered with a network of roads, new cities appear on it, gardens blossom, croplands are filled with the juices of the earth, life becomes beautiful”* (See (Avenarius, 1969-1979)). Similar progressive utopian ideas dominated the minds not only of Russian railroad workers, but also of Japanese military and engineers. General Araki Sadao, Minister of War and ideologist of Japanese foreign expansion, declared, *“We have fought for Manchuria for thirty-five years in two wars where Japanese blood has flowed like a river. Manchuria is valuable to us not only economically, but also strategically... We want to make this country an earthly paradise, where everyone can live and flourish. We will not allow it to be attacked or corrupted”* (See (Molodyakov, 2020, p. 61).

During Manchu-Go period Japanese colonizers/developers believed that Harbin was rapidly approaching the level of a modern Japanese city, both in name and in innovation (Denison, E. & Ren, G., 2016, p. 85). For the Japanese, Manchuria was a huge laboratory where a new generation of Japanese architects and engineers gained unprecedented experience and opportunities to create modern designs (Denison, E. & Ren, G., 2016, p. 58).

---

1 About the Railway Traffic Inspector: Fishing and Hunting; Devoting himself with ardent passion; He is at work; Only by “misfortune” (Poems, feuilletons and fiction. Railroad Silhouettes, 1908, p. 68).

Today, the idea of paradise does not lose its relevance in the urban concept of Harbin. Now Harbin continues to compete vigorously with China's largest cities. The main goal of this rivalry is to elevate itself into a modern metropolis. According to the Chinese government's development strategy, the city is expanding to the North and South, restoring central areas and reinforcing districts. The ultimate goal is to transform Harbin into an urban space with high technology, culture, trade and commerce. At the moment, Harbin is developing on both sides of the Sungari River. The restoration of the central areas of the city aims to improve its facilities and restore the European style of the city (Ben-Canaan, 2010).

It is important to note that one of the first railway stations in the Russian Empire, located on the Tsarskoye Selo railroad, was designed by railway engineers as a leisure space for aristocrats. A theater, a garden, a public park with a pavilion, and a veranda were built into the station's space. Thanks to a permanent musical program, balls and, later, themed concerts, the station became an important space in the formation of Russian culture in the 19th century (Klyuchnikova, 2020).

In this article I will try to show how the heterotopic spaces of the yacht club and the hippodrome were embedded in the overall natural and cultural landscape of Harbin. I also intend to explore the history of these two social institutions. I will studied not only these two places, but also the open space of the Sungari River. Additionally, I will also describe the perception of seasonal cyclicity and climate in Harbin. Leisure time is always connected with seasonal cyclicity, as it determines the organization of free time and people's behavior.

RESEARCH METHODOLOGY

Before proceeding to a direct analysis of the problem stated in the title, I will discuss the methodology and concepts applied in my research. This study is based on F. J. Turner's frontier theory and M. Foucault's concept of heterotopia. Leisure spaces in frontier areas are predominantly heterotopias. Within these spaces everything is ordered, there are strict rules and free patterns of spectator behavior prescribed by the authorities. By heterotopia M. Foucault understood the "other" as a special space that includes many spaces. According to him, spaces are initially utopias, and then turn into heterotopias. Foucault distinguished six principles of heterotopic spaces on the basis of which various *loci (locus)* can be analyzed (Foucault, 1986, pp. 22-27). Heterotopias take different forms; there is no single form of heterotopia that is completely universal (Foucault, 2006, p. 197). M. Foucault believed that it is possible to describe places of temporary recreation – cafes, cinemas, beaches, etc., through a cluster of relations (p. 195).

MAIN PART

The Russian historian Sergey. N. Yakushenkov writes that as a result of cross-cultural contacts a new cultural reality is formed, which combines the features of all actors of the frontier process. However, this new reality develops according to its own laws dictated by the frontier situation as a whole. The new cultural reality is the result of combining several cultural landscapes within a single natural landscape (Yakushenkov, 2019, p.17).

At the end of the XIX century, Russian railroad workers built a new imperial city in undeveloped Northern Manchuria – Harbin. This city was positioned as an extraterritorial experiment in Asia and was part of Russian imperial strategy. It is important to note that the territory where the CER was laid and Harbin was built was leased from China as a result of Russian-Chinese negotiations in 1896 (Lukoyanov, 2008, p. 100). This hub of the CEL was to become the economic and political center of “Asian Russia” in the Far East. The Russian government had several opinions on the issue of annexing the leased territory of Northern Manchuria to the Russian Empire. At the end of the XIX century, a completely different model of imperial space began to be created in Manchuria, which could not be found in other territories.

Transferring space to undeveloped territory, incorporating and imitating the spaces of the metropolis is a colonial manifestation of power, involving the subjugation of new territory. It is no coincidence that the British planted their gardens at embassies and other state institutions in the colonial territories. And the Japanese, during the formation of Manchukuo, planted a large number of cherry trees in Harbin along the banks of the river, which runs in the Nangang district and crosses the wide Gogol Street (See The Japanese map of Harbin, 1939). Today, these gardens no longer exist and in their place paved embankments have been built in Harbin. The Nangang area (南岗区, Nangang – South Bank of the Sungari River) was home to gardens, parks, government offices, the famous Yamato Hotel, residences of wealthy merchants and officials (Denison, E. & Ren, G., 2016, p. 83).

Harbinians incorporated innovations and spaces from all over the world – Paris, London, St. Petersburg, Beijing, Odessa, Shanghai, New York, San Francisco. Harbin was not accidentally formed as a city of yachts, races and new imperial gardens, where sakura and birch trees grew in the beer and wine gardens, with Chinese verandas and gazebos for relaxing, all kinds of restaurants and kitchens and much more. In different periods, the spaces of the city were rearranged in the process of changing power. While the Russian Empire was new to Manchuria and formed a political center there, Japan was able to subjugate the territory temporarily but fully. In the end, China, with

the support of the Soviet Union in the mid-20th century, made the territory an independent and uncontested property of China. Today, the frontier city of Harbin remains a hybrid, its urban landscape renders a clear evidence.

I believe that certain leisure forms are an indicator of imperial space. The Racecourse and Yacht Club in Harbin are predominantly male spaces, as they were originally conceived as places of competition and rivalry. Harbin initially was formed, perceived, manifested as a masculine space for the comfortable life and work of Russian railway workers. In this city, new places were created for modern and comfortable living in a multicultural way. The yacht club and the racecourse are a different awareness of leisure and a new model of social space in the early XX century. These spaces were not formed for ordinary workers, but for the technocratic elite and officers. In these spaces we can trace the established symbols of aristocracy – competition involving the use of a horse or yacht, rivalry, battle, and communication.

KARAUL! ... OH, HIGHER LEGS! ... WHERE ARE THE BOATS? ... GIVE ME THE ROPE! ...¹

In many cultures, the sea and rivers are important *loci (locus)* for leisure activities. Boat competitions (including boat building) are common leisure activities in Southeast Asia. Sword fighting, archery, and various forms of competition have been popular male entertainment for the Chinese aristocracy for several centuries. And many pre-colonial entertainments among the common people, such as kite flying, cockfighting, bamboo stilt racing, and playing takrou, required special skills and dexterity (Moser, S.; Clinton, S.; Wallach, J., 2017 p. 110).

During the colonial period, as a result of the Industrial Revolution, the development of technology and communications, the strengthening of communication between the metropolis and the colonies, and the borrowing of cultures, many aspects of European life (including leisure practices) became increasingly common in Asia. The first yacht club in Southeast Asia was founded by British colonists in Singapore in 1826. The British also established parks and botanical gardens in Singapore in 1859. Today, these gardens and the yacht club in Singapore are tourist attractions (p. 112).

In Russian culture, it is enough to recall a well-known activity of the Russian tsars in history – falconry. Initially, hunting was not an entertainment among the common population, but was positioned as a way to earn money and survive. There is no doubt that Russian culture incorporated European leisure activities through the elites. For example, Peter the Great's famous boat rides on the Yauza River or canoeing by Nikolai II stemmed from

¹ The first lines are from Loulou's piece on the Harbin flood (in Russian: Караул!... Ой, выше ноги!... Лодки где? ... Давай канат! ...) (Loulou, 1909, p. 845).

the Romanov's fascination with European culture¹. It should not be forgotten that elites, like other members of society, are subject to historically-determined disciplining discourses. In the history of Russia, as in many other countries, initially the elite itself learned to organize leisure time – to test and it and to experience it, and subsequently to form free time and spaces for its own entertainment within the framework of the culture to which the elite adhered in this or that historical period. Part of the population followed the example of the authorities, and the dissenting population was sooner or later forced to adopt new ways and forms of leisure, which over time turned into the norm.

The natural landscape of Manchuria largely determined the leisure activities of the population. The space of the Sungari River contributed to the idea of organizing a yacht club on the shore. The Sungari, as the most prominent part of Harbin's urban space, was described by Harbiners as part of urban life from various points of view, such as transportation, water supply or the threat of flooding, recreation, etc. The section of the Sungari from Harbin to the confluence of the Mudanjiang River is described as mountainous and level. *"Native river. Not ours, not Russian, yellow, muddy – but so dear and close to our hearts – we were born and grew up with it... From my early childhood, in summer, in the heat, there were no more desirable words than: "Let's go to Sungari River"... Wide, treacherous, but tempting, cool, relentlessly carrying its yellow waters to some unknown place, to unknown distance... Under the descent to the shore there are boats. They are painted in interesting colors, white, green and red... Or maybe a powerboat? It smells so comfortably of gasoline..."* (Polytechnic, 1975, p. 105). *"And always good you were, Sungari! In the early morning calm, in grayish tones, motionless, smelling of sharp river dampness, quiet, peaceful. Boats rushing down the river... In the gray haze, a railroad bridge, almost a kilometer long; a train running across it"* (Chemodakova, 1978, p. 237). *"The Sungari is also nice in the daytime, sunny and hot. Slightly warm, yellowish-golden in the sun and dark... The hustle and bustle on the embankment: the squealing of children, the laughter of young people - summer vacation. Fishermen with fishing rods somewhere down on the shore; Chinese women rinsing their laundry"* (Chemodakova, 1978, p. 237). The Sungari was also a favorite place for fishing enthusiasts (Zhernakov, 1969-1979, p. 104). Advertisements oriented toward recreational activities on the river can often be

1 On March 27, 1894 Nicholas II wrote in his diary: "At 9½ we went to the garden for a walk; the weather was perfect, the air was truly invigorating... I opened with Misha the navigation, having ridden in kayaks..." (Diaries of Emperor Nicholas II. 1894-1904, 2011, p. 62); on May 7, 1898 he recorded in his diary: "At 3 o'clock we returned to Tsarskoye. Received Goremykin, went to the pond and kayaked..." (Diaries of Emperor Nicholas II. 1894-1904, 2011, p. 406); June 2, 1895 "Made a trip with Misha on bicycles, and then in kayaks in the sea. It was fresh and we were gloriously doused by the waves. After tea I read and went out to sea again. After paddling and wind you feel more awake!" (Diaries of Emperor Nicholas II. 1894-1904, 2011, p. 206).

found in the pages of periodicals, e.g. “The best outboard Johnson motors in the store of Skoblin and Co” (Harbin Herald, The Yacht Club prepares for the season, 1930, p. 9); “All for fishing: rods, reels, lines, hooks Norwegian, English, German” (Rubezh, All for Fishing, 1929, p. 21), etc.

Yacht Club Harbin was founded in 1912 on the banks of the Sungari River near the Wharf with the aim of developing water and other sports (Ternavsky, 1926, p. 135). This space was built in a hybrid style, incorporating elements of European and Asian architecture, but has been continually rebuilt over time with modern technology and lighting (The Yamato Hotel & The Yacht Club in Harbin, 1940, p. 342).

The waterfront was the most visited place in Harbin. The yacht club was designed as a special recreation area and was the main entertainment center on the banks of the Sungari (Harbin's urban heritage, 2015, p. 147). I believe that originally the yacht club was designed and built in the style Art Nouveau. The Russian historian S. S. Levoshko notes that in Russian urban planning at the turn of the 19th-20th centuries, the main function of architecture was the transformation of life (Levoshko, 2003, p. 62). Art Nouveau is characterized by open and glazed rooms (verandas, conservatories), linking the main room with the environment (Levoshko, 2003, p. 72). In the yacht club, two spaces were juxtaposed – natural and artificial, club's style modern in the technical sense.

The space of the yacht club was modeled not only by Russian engineers, but also by the Chinese, and after the formation of Manchukuo-Di-Go by the Japanese. In 1926 the Yacht Club committee was headed by General Ma Zongjun, engineer A. A. Eysymont, and Commander V. I. Korzin (Ternavsky, 1926, p. 135). A newspaper announcement in 1941 stated that the Yacht Club restaurant was recruiting employees of Russian and Manchurian nationalities for the positions of doorman, cook, waiter, and dishwasher (Harbin time, Announcement in view of the upcoming opening for the summer season, 1941, p. 4). The restaurant served the entire population of Harbin, and the chefs worked according to the same principles as the famous kitchen of Harbin “Yamato” Hotel (The Yamato Hotel & The Yacht Club in Harbin, 1940, p. 342).

Steamships arriving on the banks of the Sungari with the first builders and construction materials, unloaded on the stretch of coast between the future Kitayskaya Street and Yacht Club. At the beginning of the 20th century the Pier (Pristan') was a swampy place (Tairov, 1974, p. 37), which was gradually built up and improved. “*Pristan' – merchants and dark dealers. The pubs, brothels, cards, brothels, opium parlors*”, – wrote the author Alymov S. Ya. in 1928 (See (Krotova, 2019, p. 760). Merchants and all kinds of businessmen built warehouses, hotels, trading houses and residential areas along the banks

of the Sungari River, since the coastal piers, where barges and steamships were unloaded, were nearby. Engineers insisted on building new neighborhoods above the shoreline (Kradin, 2001, p. 48). Railroad Engineers and architects, accounting for floods, were not prevented by the Sungari bank from building the yacht club on piles above the shore. The Wharf District (Pristan') was developed on the private initiative of Harbin residents. It was the bank of the Sungari River that was the center of attraction and leisure locus since the beginning of Harbin's development and in subsequent years, despite the floods and the complexity of the natural landscape. In 1930 it was decided to move the veranda of the yacht club to a new place, because the beach under the veranda was repeatedly washed away during floods (Harbin Herald, Yacht Club, 1930, p. 5). The beach was rebuilt several times, as were many other buildings on the shore. Some spaces were moved to "poplavki"¹ to reduce their vulnerability to natural conditions².

By the 1930s and 1940s, the Sungari embankment had already been improved by new features such as various restaurants and a yacht club (Melikhov, 2003, p. 356). In 1940, the yacht club had its own garden, restaurant and night bar with the best food in Harbin. On the banks of the Sungari River along the yacht club grew a variety of palm trees. The cuisine in the yacht club restaurant was constantly improving and expanding. Every Saturday on the veranda of the yacht club, the most select society of Harbin gathered (Rubezh, Palms on the banks of the Sungari. Yacht club summer oasis of gourmets in Harbin, 1940, p. 16); (Rubezh, Summer Harbin, 1942, p. 6-7). *"If you needed to treat someone or to conduct a banquet or just a business meeting, there could be no better place than the "Yacht Club" restaurant on the right bank of the Sungari River with a beautiful view of the river, the waterfront..."* (Kozlovsky, Notes on the life of Harbin, 1979, p. 231).

"Passing through the revolving door, we enter into [in meeting members – A. M.] parlor studded with white and red beach parasols reminiscent of the Riviera. In a setting enhanced by unique architectural design chatting groups are seen who gaze with admiration at the scenery along the river bank. The lawn planted here and there with palms, with white benches, and well-cared for flower beds is a pleasant place to stroll. In the hall of the main building of the Yacht Club, with its sparkling chandeliers an atmosphere of wholesome freshness pervades. On the stage an ultra-modern orchestra trained to the highest pitch pours forth a melodious profusion of pleasant light music.

1 A floating barge with a superstructure. Similar floating structures can be seen on the banks of the Volga river in Astrakhan.

2 The floods that were destroying Harbin stopped only after the construction of the dam on the Sungari. In subsequent years, the Japanese managed to build the world's largest hydropower plant there.

Russian food is served by neatly attired waiters at the luxuriously appointed tables placed on the veranda. From the veranda, one can observe the Sungari river flowing by in leisurely grandeur with reposeful tranquility. Every Saturday night, dances provide an evening's entertainment. Among noteworthy pieces which are asked for again and again are the Yacht Club March, specially composed for the establishment, and the Yacht Club Serenade which fully express the special characteristics of the club". In 1940, the Yacht Club and Yamato Hotel were the only and most prestigious tourist centers in Harbin (The Yamato Hotel & The Yacht Club in Harbin, 1940, p. 343).

Ice drift on the Sungari ended in mid-April (Ternavsky, 1926, p. 23). Every spring the yacht club was constantly renovated for the new season. In 1930 the summer verandas were repaired and enlarged, the beach was put in order, new cabins were installed, a new cabin with a warm shower for vacationers was built. Every spring the yacht club was constantly renovated for the new season. Each veranda was protected from the rain. The repairs and preparation of the yachts, boats, and launches were completed in the spring. The official opening of the Yacht club for the new season took place in mid-May, and the opening of the beach at the end of May (Harbin Herald, Yacht Club prepares for the season, 1930, p. 6). On the opening day of the Yacht club, the flag was raised in the garden and on the veranda, which symbolized the beginning of its official activities in the new year: the restaurant was opened and a banquet was organized for the members of the yacht club (Harbin Herald, Yacht Club. The season is opened, 1930, p. 4). In addition to recreational activities sailing, rowing, track and field, and fishing sections were arranged (Harbin Herald, Yacht Club. The Resolution of Sports Commission, 1930, p. 6). Periodically, the yacht club hosted a ball on the veranda, and arranged motor races, a rowboat parade, evening boat rides, large garden strolls and other sorts of entertainment (Harbin Herald, Yacht Club Ball, 1930, p. 4-5). Crowds of Harbinians gathered on the embankment from Artillery Street to the Yacht Club to watch the yacht and motorboat races (Harbin Herald, Sungari Motorboat Competition, 1930, p. 5). In Harbin, many organizations emerged around basic institutions and private companies: sports clubs, political parties, libraries, charitable societies, social clubs, and more. Competitions of sailing yachts and boats were organized between Harbin private companies. For example, "Churin & Co." had its own yachts, sports grounds, and often competed on the Sungari (Melikhov, 2003, p. 149). At the end of October the summer competition season on the Sungari River officially ended (Harbin Herald, In the Yacht Club 1930, p. 4).

Spaces and seasonal cycling are constantly interconnected, as seasonality determines the functioning of this space. Spring, summer and winter

seasons determined the operation of the yacht club, as this space was embedded in the natural landscape and its location was determined by the Sungari River. Sungari. *“The hot Manchurian summer, with its torrid and stiflingly humid breath, with its lush vegetation and unforgettable beauty of nature... As in previous years the bright sun, the invigorating air and the warm river waters...”* (Rubezh, Sun, water and air - the joys of summer, 1945, pp. 10-11). *“Summer. Heat, and stuffiness, and thunderstorms, sometimes with hail. But there was an escape from the heat – the wide, full-flowing, lovely Sungari River... Cool water, passing boats, low and double-decked, roaring engines, the smell of gasoline, the wave coming from the boats... Willows, worm-wood and other grasses, stairs of summer houses going straight down into the water”* (Chemodakova, 1978, p. 237). Summer temperatures in Harbin peaked at 29°C and 30°C and averaged 19-24°C (Ternavsky, 1926, pp. 20-21). *“In the summer, especially on weekends, when the river was literally flooded with a stream of vacationers, the crossing was also carried out by large double-deck boats of the Harbin Yacht Club, which for some reason were called “pampus”*” – V. G. Melikhov recalled, a Russian historian who lived in Harbin from 1930 to 1946 (Melikhov, 2003, p. 368). *“Spring with its smell of fresh sticky leaves, grass, bird cherry, lilac, and the thaw that preceded all this luxury after the harsh winter. The unique warm air, the thin ice in the mornings on puddles on which even though you don't want to, but you are sure to step to hear how it crunches... the green attire of trees, the “porridge” on them, eagerly eaten by Chinese children, and even later the down that flies from the slightest wind from the poplars”* (Chemodakova, 1978, pp. 236-237).

Since the yacht club was founded on the Sungari River, annual sailing competitions have been held in the summer period. For example, in 1942 14 vessels participated in the races: seven yachts of the first category, five of the second category and two boats. “The strong wind blowing from the left bank allowed the boats not to maneuver, but to go one tack from one buoy to another”. The first-class yacht “Tege”, which completed the route in 36 minutes, was the winner of the Kio-Wa-Kai¹ Championship Cup for three years. Anton Lavrinenko's yacht “Mermaid” (On the waves of the Sungari. Harbin championship yacht races, 1942, p. 34). won the cup. In addition to yachting, rowing and sailing were actively developed. Every year in the summer a swim of 3 km was organized down the river from the settlement of Chinhae to the site of the yacht club (Competition at the Yacht Club, 1930, p. 5). Figure skater Ablamsky V. P., who lived in Harbin until the arrival of Soviet troops in Manchuria in 1946, recalls: *“In 1922 I, as*

1 Since 1930 in the periodicals the name Kio-Wa-Kai stood for “Society for the Unification of the Peoples of the Manchurian Empire”. In Manchu language, the society was called Se-He-Hoi (Yakovkin, 2018, p. 218).

an eleven-year-old boy, engaged in the children's section of the Harbin Bicycle Society. A water sports department was splintered off from that society for rowing and sailing. Then a yacht club with a roadstead, where boats and yachts were located, was built near it by the CER. And on the left bank the stadium was tripled. There was also a hangar with racing boats. There were also jogging paths and a diving tower 5 meters high” (Ablamsky, 1998, p. 219).

Yachting as an option of active recreation on the Sungari River was also popular during the winter season. Engineer B. Kozlovsky writes in his article: “In addition to skating down the slopes, fans of sailing enjoyed sailing buoys on the ice. This construction was a triangular wooden frame with decking, which was put on skates: the front two skates were tightly attached to the two sides of the triangle base, and the third one was put at the top of the triangle, and it rotated in the bearing and served as steering. Sails and masts from summer yachts and boats were set and fastened in the center of gravity of the triangle... Unfortunately, the width on the Sungari in the area of Harbin did not exceed $\frac{3}{4}$ kilometer, and therefore there was not enough space for this sport... In a strong wind they were sailing on the ice cover at a speed of 70 km per hour” (Kozlowski, 1979, p. 230). This example shows that despite the harsh winters in Manchuria with severe frost and wind, the Harbins successfully organized leisure spaces on the Sungari in any season of the year.

“The Harbin winter, though harsh, had its charms and brought many pleasures and entertainment outdoors, whether it was an ice rink, a stadium, or the frozen Sungari. On the Sungari, nimble businessmen built tall artificial slides on the left bank, poured water over them, cleared a path on the snow-covered river, and set up twist-offs at the end of the path. They rented skids by the hour. The sleds were manageable, of varying sizes and the number of seats” (Kozlowski, 1979, p. 230). At the beginning of November the Sungari River froze over (Ternavsky, 1926, p. 23), the ice layer reached 3 feet thick, and the first snow fell in November (Pozdnev, 1897, p. 162). Winter temperatures in Harbin ranged from -2°C to -24°C (Ternavsky, 1926, pp. 20-21).

The Yacht Club and the Sungari River. The Sungari remained a recreational center in winter, around which new spaces were created for all kinds of entertainment. The entire population visited this area. In addition to the space of the Sungari River, the city was flooded with private skating rinks at schools, private houses with extensive yards, *teplushki*¹, kiosks. In winter, one of the most popular forms of entertainment was skating at masked carnivals. Skiing was not developed in Harbin, because there were no mountains in the immediate vicinity of the city, and on the outskirts,

1 The *teplushka* was a warm room with a stove. The word “*teplushka*” itself denoted a *teplushka* wagon.

where the sport could be developed, one could find the Hongkhuz¹ (Kozłowski, 1979, p. 230).

In 1936, A. Upshinsky described winter entertainment in Harbin in the magazine *Rubezh (Frontière)*: “*The Sungari is very popular with the people of Harbin. When it gets a little warmer after a harsh January, the people of Harbin come to the river to see what it looks like in winter clothes, to take a ride on the high-speed pull-push boats, and most importantly, to ride dizzyingly down the ice slides, And then, having ridden and laughed enough and gained an appetite in the fresh air, enjoy a shot of vodka with dumplings or juicy pancakes at the restaurant "Grandpa the winemaker" or 'Stop-Signal'*”² (See (Kozłowski, 1979, p. 230)).

Petrenko A. in his letter (1994) describes his stay in Harbin: “*In January we were in Harbin for ten days – we went out to "get some air". We stayed at hotel in the former Police Street in the vicinity of the yacht club, which keeps its original form. There is an ice slide, but without the reverse. Full of sledding, not the push-pull type, but on horseback... We ate fried yams, tahoods, sticky candies: in general, I remembered my childhood and youth*” (Petrenko, 1995, p. 93).

It is important to note that since the transition of CER to the Soviet-Chinese government (1924-1925) in everyday life of leading Soviet workers of consulate, trade mission, administration of CER and other Soviet institutions the service to “Bolshevik ideals” were successfully combined with quite bourgeois ways of life and circle of interests. Luxury mansions with servants, yachts, horse-breeding, restaurants became the norm of life for most of the Soviet nomenclature in Harbin (Pisarebskaya, 2000, p. 61).

1 Hongkhuz (in Russian: хунхузы – armed bandits), who lived in the forests of Manchuria, posed as Chinese fur trappers. They were part of the community and continued to plunder for a long time. “In the great mountain forests the Baron often encountered outlaw gangs of horrible Hungkhuz, but they always proved to be very good-natured, compliant. For the most part these gangs consist of people who did not get along with society in one way or another, – wrote F. Nansen. – And the Baron believes that many of them were first engaged in illegal gold mining, ie, sought and found in these remote places along the rivers of gold sand and secretly washed it without paying anything to the government. As they gradually climbed deeper and deeper, they finally, for lack of food, turned to robbery and took in various other vagabonds and criminals who, for one reason or another, were attracted by this free life” (Nansen, 1969, p. 224). The Hungkhuzes were not solely outlaws; they included gardeners, gardeners, hunters, fishermen, etc. (Nansen, 1969, p. 226). They conducted their activities in fortified camps, in the forest wilds, high in the mountains, during the spring and all summer until the onset of the snows. The Hungkhuz dispersed in advance of winter, dividing their summer earnings in various directions, and were peaceful workers or rentiers until the beginning of spring (Nansen, 1969, p. 225).

2 In the winter in the Zaton district, the restaurants “Grandfather Winemaker” and “Stop Signal” were the only loci where many Harbiners gathered, music played, and kitchens worked (Kozłowski, 1979, p. 230).

TROTting HARBIN OR RUNNING ON THE SUNGARI PLATEAU

Horseback riding was considered very prestigious, and riding lessons have been popular for centuries. Horse racing is not an English invention but it was globalized through British colonization. There are many different equestrian competitions in history, such as chariot races in ancient Greece and Rome or races in the wild steppes of Mongolia (Lemon, 2008, pp. 2-3). Similar types of competitions can be found in many cultures. The concept of hippodrome space created in ancient Greece penetrated very quickly into various societies in the seventeenth century. Horse racing was a sport that could be easily organized by British officers in the colonies where a different culture prevailed. By the end of this century, English racehorses and English-style horse racing were common in Europe, Asia, India, North and South Africa, Australasia, and the two American continents (Lemon, 2008, p. 5). For example, in the large Japanese port city of Yokohama, the area where the British¹ lived in the 1860s, horse racing was held. Even today Japan has one of the most influential horse racing industries in the world, shaped by the English model (Lemon, 2008, pp. 6-7).

In Tianjin, as in Yokohama, the British were actively engaged in horse racing and horse breeding, combining this hobby with the promotion of their companies in the local market. Colonel G. V. Enborisov, a Menshevik Cossack in the Russian army, described a meeting with the Russian wife of an Englishman, Peters, who had a mansion near the racecourse in Tianjin: *“Reception room, striking surroundings, film-worthy, canaries, parrots, comfort, smartly dressed servants, fruit, wine, cigars, etc.. Mr. Peters, plays a great role not only in town affairs, but also in the shipping company, hippodrome and other enterprises, which undoubtedly need people; and their estate, or rather castle, is near the hippodrome, surrounded by a huge garden - park and outbuildings... Leaving the castle, I looked around it, and involuntarily recalled the Great Russia”* (Yenborisov, 2014, p. 183).

If the space of the Harbin Yacht Club emerges at the initiative of the railway workers, the space of the racecourse was created at the suggestion of the Russian Cossacks. It cannot be said that the Harbin Hippodrome was built exclusively according to the English model, because Russian Cossacks, railroad workers, officers, as well as Chinese, Japanese, and Europeans took part in the creation of this space.

1 The American commander Matthew Perry presented the railroad project in Japan in 1854, and the British built the first Japanese railroad from Tokyo to Yokohama. Construction of the 29 km. railroad was completed in 1872. The railroad was initially managed by both the British and Japanese (Free, 2008, pp. 59-60), (Tang, 2014, pp. 863-864).

In 1910 in Harbin a military racing association was established with six horse regiments of the Zaamursky region of the Separate Corps of Border Guards. *“Our cherished dream has come true thanks to our District Chief Lieutenant General Chichagov and his Chief of Staff, Major General Volodchenko, these cavalrymen are great lovers of horse sport...we unfortunately do not have good officer horses in the District and it is difficult to get them here. I am sure we will get them from Russia, thanks to the care of our founders, and we will also get the racecourse of the former Harbin Racecourse Association. The first races will take place on May 6”* (Poto, Military Race Society in the Far East, 1910, p. 415).

The railroad link between Harbin and Vladivostok took place in 1901 (Krasnov, 1903, p. 65). From that moment the "iron horse" became the main symbol of the conquest of the vast expanses of Siberia and the Far East instead of the Cossack horse and Cossacks. *“I confess, at that time it pained me to realize that the Cossacks were becoming obsolete and that the time was not far off when the Cossacks would be abolished, just as the streltzys¹, hussars, lancers and many others were abolished... And again I heard expressions – Cossacks have lived out their time and now there are no people with such mastery around their horses”*, - the Russian general P. N. Krasnov wrote in 1901 (Krasnov, 1903, pp. 25-26). The competitions at the Harbin Hippodrome were an opportunity for many Cossacks to fit into a new space and to consolidate their cultural heritage in the memory of Russian society in a new territory.

One of the first impressions of Manchuria among the Russians who came to build the railroad was the stunted Mongolian horses² of the local population. In turn, the Manchus marveled at the friskiness of the Cossack guards' horses and their obedience to their masters. Bringing horses from Russia was one of the most important things the builders of the CEL did to establish their way of life³. These horses were intended for construction managers, their beauty and agility were admired by the local population (Zentka, 1998, p. 224). The assistant chief of CEL section Moskovitin G. S. wrote in his letter in 1899: *“There is only one pleasure - it is riding, each of us has a riding horse and here when we roam several people together we send our horses to gallop and fly along ... I have a very expensive horse, a young*

---

1 Streltsy (in Russian: стрельцы) were the units of Russian firearm infantry from the 16th to the early 18th centuries and also a social stratum, from which personnel for Streltsy troops were traditionally recruited. They are also collectively known as streletskoye voysko (in Russian: стрелецкое войско). These infantry troops reinforced feudal levy horsemen or pomestnoye voysko (in Russian: поме́стное войско).

2 Russian General Krasnov P. N. noted that “the Mongol horse is not nimble. It can do 100 versts (1066,9 meters) in a day, but not 60 in five hours. It is not fastidious for fodder, but on bad fodder it is weak, it is shallow... and soon it is difficult to work on it” (Krasnov, 1903 p. 275).

3 At the end of the 19th century, Kuban, Don and Mongol horses could be found in Northern Manchuria (Krasnov, 1903, p. 64).

Cossack ... and I use this horse since my first days here, it got used to me ... I have only one this hobby, I will sometime film my horse and send it for you to see, it trots really well" (Archival file, 25, pp. 3-5).

Russian officers and Cossacks have always sought to ride only thoroughbred horses and complete their regiments with such stallions.

The higher was the status of the officer, the higher was the origin of the stallion (Yaphimovich, 1910, p. 244). For example, a thoroughbred racehorse is considered "English breed" only if it has been bred under the direction and supervision of several generations of Englishmen in England (Lemon, 2008, p. 4). The Cossack trotter, unlike the "working" horses, was kept in special conditions, just like any other racehorse, in a well-equipped room and was much better fed and not harnessed to transport cargo (Kochetov, 2017, p. 38). The trotters of the border guards in Northern Manchuria were mainly battle horses, prepared for military action and difficult climatic conditions. It is no coincidence that it was the Cossacks who were very successful in competitions at the Harbin racecourse.

The Russian army in Manchuria also used Mongolian horses in cases when the regiment lacked funds and could not import and renew trotters from Russia. The Trans-Amur Regiment of the Separate Border Guard Corps, stationed in Harbin, used Transbaikalian and Mongolian horses (Poto, 1910, pp. 37-38).

The races in Harbin were held as early as 1906, even before the construction of the hippodrome began. Sometimes they were organized to raise funds for the Harbin Charitable Society (Bugs and bounces, 1906, p. 1). In 1909 the Society for the Encouragement of Horse-Breeding was established and a hippodrome was built at 48 Gogolevskaya Street, in the Modjagou district (Ternavsky, 1926, p. 194). The racecourse included various spaces – the cafe "Hippodrome", grandstands with carved wooden decorations, a restaurant-rotunda with a colonnade, a brass band, a track and a bell at the start. The racecourse became a place not only for fans' gambling conversations, but also for business meetings and acquaintances (Zentka, 1998, pp. 224-225).

During this period of time, sport for the Russians was associated primarily with horses. Riding a horse "with a breeze", traversing Russian territories on it was part of national culture for many centuries. There is no doubt that in Russian culture the productive power of the horse, is interconnected with the productive power of the man. In Harbin, expensive trotters pulling carriages, baby carriages and sleighs began to appear more and more often – the so-called "outings". At these "outings" one could see road managers and wealthy people accompanied by ladies in boas and long dresses, with umbrellas and extravagant hats. During the period of the commercial boom, the importation of horses from Russia was put on

a “wide footing”, and wealthy Chinese started driving such carriages too. Horse breeders and jockeys began to bring in Orlov trotters of pure blood with a known pedigree (Zentka, 1998, p. 224). In the 19th century the desire of jockeys to transport their horses between continents was nothing new. These journeys were very tedious, dangerous, and expensive, but these factors were not an obstacle, as a large wager could compensate for the transportation (Lemon, 2008, p. 8).

The American sociologist Veblen R. points out that with riding horses the case is almost the same as with dogs. They are generally expensive, wasteful and useless for productive purposes. The use of a horse, which would, if it were productive, increase the welfare of society or make people's lives easier, is a demonstration of strength and ease of movement, satisfying the aesthetic tastes of society. The economic profitability of a riding horse lies largely in its effectiveness as a means of competition: when a horse owner causes their horse to overtake their neighbor's horse, it gives this individual a sense of conquest and domination (Veblen, 1984, p. 165). Keeping a race-horse is a low-profit affair, in most cases wasteful, but it is an honorable activity, it enhances the owner's reputation, and satisfies the need for gambling.

The fat cats of the city and the road, merchants and industrialists considered it prestigious to exhibit their horses at the competition. Newspaper articles reported on the winners and their owners. Mutual congratulations were expressed in offices and at banquets, and arguments of fans were heard everywhere.

Later there were boarding stables with trainers who came from Russia. Some wealthy people had several horses each. Horse breeders also came along. One of the first horse breeders was the road manager L. D. Khorvat. The Chinese also began to buy horses – those were the employees of the Road Administration, and merchants – they began to “cheer” for their horses with the inherent passion of the Chinese nation. The results of the horses’ speed were compared with the results of the famous horses on the racecourse of Russia. The names of the riders and horse owners could be heard among the audience, and the stands fell silent at the start.

In addition to traditional horse races, Cossack-style horse riding, “*Dzhigitovka*”¹, was very popular among Harbin residents and foreigners (Zentka, 1998, p. 225). *Dzhigitovka* is an exclusively Cossack tradition that came to Harbin with the arrival of Cossacks in Northern Manchuria.

---

1 The Jigitovka was a galloping race on a horse, during which riders showed their dexterity in controlling the horse and wielding weapons. *Dzhigitovka* included shooting and cutting, picking up objects from the ground, jumping and jumping on a horse at a quarry, and turning over on a gallop facing backwards. *Dzhigitovka* was an obligatory part of the training of the Cossack warrior and was widespread in all Cossack troops (Bogutsky, 2012, p. 44).

After the Russian Civil War, some Cossack riders earned money touring and performing in Europe, Asia, and North and South America (Bogutsky, 2012, p. 45). Thus, on the initiative of the Russian Cossacks in Manchuria, a new sporting competition appeared. Some Cossacks traveled around the world with their performances. In 1923, Cossacks demonstrated their art in the Philippines and Japan. After reorganization of Security guard of CEL the Cossacks who stayed in Harbin bought horses for themselves to earn money as carriage drivers and for work at forest concessions. Some went to work in private firms and government institutions. Often Cossacks were hired as jockeys (Lavrentyev, 1943, p. 84).

Russian riders and trotters were highly valued by the Chinese elite. There were three races per day at the Harbin Hippodrome. The trotters were called by various names and nicknames: “Miss Wilkes”, “Marutsina”, “Kitayanka”, “Atamanka”, “Orlenok”, “Surf”, “Apollo”, “Zabiyaka”, “Vampire”, “Diamond”, “Miss Cat”, “Valencia” and many others (Hippodrome today (running day program), 1930, p. 5), (Harbin on the run, 1930, p. 4). For example, the trotters “Valencia” and “Vityaz” had jockeys Myatelev and Pak, and the horses belonged to the chairman of the Board of the CEL, Liu Junhuang. During the summer season the grandstands of the hippodrome were filled to capacity, the sweepstakes and sweepstakes (Harbin at the racetrack, 1930, p. 5) were very lively. During the rains all racing and racing was canceled (At the racetrack, 1930, p. 5). During the holidays there were 22 to 24 races. The racing season ended at the end of December (p. 5).

The program of the races consisted of several stages: races for lower ranks of frontier guards and Chinese soldiers; jigging of Cossacks and lower ranks of frontier guards; running handicap; competitions for saddle-hunters on horses of all breeds except thoroughbreds; gentlemen race (Bugs and bounces, 1906, p. 1). The racecourse, like many other spaces in Harbin, was a place of communication between Russians and Chinese.

It is noteworthy that the racecourse was first built outside the city (behind the Modiagou River), when the Modiagou area had not yet been designed (Map, Harbin City Plan, 1911), but a few years after the growth of Harbin, a garden city project (the Central garden and its outskirts) was laid on this site (Map, City Plan of Harbin and Fujadian, 1931), (Map, Diagram of the Harbin Knot, 1922) and as a result, after 1933 the racecourse was moved further south to the area of Old Harbin behind Hospital Town, i.e. the racecourse was positioned as a suburban space that was built on the outskirts of the city (Map, General plan of Harbin, 1938), (Map, The Japanese map of Harbin, 1939), (Map, Plan of the Great Harbin City, 1933). The hippodrome was probably planned to be included in the overall urban landscape, but the real situation forced to move this space to the outskirts of the city.

The racecourse space was rebuilt several times (Koyirenko N.; Hongwei Yang; Ivanova, A., 2015, p. 157), and was transferred to another location. The racecourse business developed and existed under all regimes until 1949. The Japanese during the occupation of Manchuria in 1931 built a new racecourse with reinforced concrete stands. They began to breed an improved breed of horses by crossing local small horses with large ones and testing them at the racecourse. By 1945, only the European population in Harbin was interested in horse breeding.

CONCLUSION

It is indicative that the heterotopic spaces of the Yyacht club and the Racecourse offered a new way of life in Manchuria and expressed the idea of forming a new human being. Within these spaces, many cultural processes took quite different forms. These two social institutions were formed by two professional communities - railway engineers and Cossacks of the CEL Border Guard.

The yacht club and the racecourse are heterotopic spaces because the ideas of modeling these places were borrowed from Russian, Chinese, British, American and other cultures. Any heterotopy implies the presence and concentration of a plurality of cultures in one place. As a rule, heterotopy can appear in any culture.

The spaces of the racecourse and the yacht club have clearly functioned as recreational spaces in the process of building and developing Harbin society for several decades. Despite the variability of leisure spaces in public discourse, a number of functions are assigned to these spaces in any society in different eras. In the process of this study, I have identified three functions: *communicative*, *reactive*, and *competitive*. The racecourse and the yacht club were clearly “other spaces” in relation to the ordinary leisure establishments of Harbin, but these two spaces were interconnected with other locations of the city - streets, the waterfront, apartment buildings, etc. They formed a completely different city and urban life, which in the first half of the twentieth century differed significantly from everyday life in Russian and Chinese cities.

For many years the yacht club was perceived by Harbin residents and tourists as the best place for recreation. It combined several spaces - shore, beach, promenade, Sungari River, veranda, garden, restaurant, sports grounds, etc. The racecourse space though it was created primarily for spectacles also included many different spaces. In turn, these interior spaces also incorporated many different spaces: entrances and exits, stairs, paths, shrub alleys, kiosks, dressing rooms, seating areas, kitchens, cashiers, sailing piers, parking lots, yachts, boats, courts, stables, observation decks, and many more.

In leisure spaces, as in many others, time is very regulated. Heterochrony in these places will differ depending on the function of the space, cultural characteristics, frontier situation, seasonal cyclicity, decisions of the ruling elites, and many others.

The Yacht Club was primarily an open space for the entire population of Harbin – the waterfront and beach were accessible to all. The yacht club's restaurant also suggested openness, but offered a limited number of seats. There were no bans on entering these spaces. Both the Yacht Club and the racecourse had spaces that suggested accommodation for the elite. The racecourse was positioned more as an enclosed space with strict rules – the access to the field was limited, the grandstands were strictly organized. As a rule, the river was an open space, while the racecourse was a confined and closed place.

ACKNOWLEDGEMENTS

I would like to express my enormous gratitude to Serguey Yakushenkov for his support, patience, advice, time spent on my seven-year training at Astrakhan State University, and his help during this and other studies. From the very beginning of my scientific research in 2013 Serguey Yakushenkov has been my mentor in the world of science. His advice and guidance played a crucial role in shaping my scientific interests. Many observations that the reader will find in the pages of this article, I could not have made without the advice of Luke Jeske, Elina Sarakaeva, Dan Ben-Kanan, Alexander Semenov, and Tatiana Borisova. I would especially like to thank Oleg Antropov and Edward Denison for their help in finding materials. The writing of this study was made possible by the support of the Oxford Russian Found in 2020-2021.

References

- A map of the city of Harbin* (japanese map). (1939). Harbin.
- Ablamsky, V. P. (1998). *Russian Sport in Harbin. Manuscript. Vikhorevka Irkutsk region*. 1994. E. P. Taskina (Ed.), Russian Harbin (pp. 219-220). Moscow: Publishing house of Moscow University "CheRo" (in Russian).
- All for fishing. (June 15, 1929). *Rubezh (Frontière)* (25 (74)), 21 (in Russian).
- Announcement in view of the impending opening for the summer season. (April 24, 1941). *Harbin time* (107 (3346)), 4 (in Russian).
- At the Hippodrome. (December 4, 1930). *Harbin Herald* (274), 5 (in Russian).
- At the racetrack. (October 2, 1930). *Harbin Herald* (223), 5 (in Russian).
- At the racetrack. (September 17, 1930). *Harbin Herald* (210), 5 (in Russian).

- Avenarius, S. (1969-1979). 80 years of CEL (1898-1978). Historical Essay. *Polytechnic. Jubilee collection* (10), 58-64 (in Russian).
- Ben-Canaan, D. (2010). Harbin Strategic Plan – Prosperity on Both Sides of the Songhua River. *Script for a video information advancement. Harbin Municipal Government*, 1-7.
- Bogutsky, A. E. (2012). Dzhigitovka as a phenomenon of military-sports culture in Yenisei and Irkutsk Cossacks. *Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University* (1), 43-47 (in Russian).
- Chemodakova, O. (1978). Pictures of Harbin and the Sungari. *Polytechnic. Jubilee Collection*. (10), 236-238 (in Russian).
- Competitions motor boats on the Sungari. (September 2, 1930). *Harbin Herald* (197), 5 (in Russian).
- Denison, E. & Ren, G. (2016). *Ultra-Modernism: Architecture and Modernity in Manchuria*. Hong Kong: Hong Kong University Press.
- Diaries of the Emperor Nikolay II. 1894-1904*. (2011) S. V. Mironenko (Ed.) (Vol. 1). Moscow: ROSPEN (in Russian).
- For cultural leisure. (October 5, 1930). *Harbin Herald* (226), 9 (in Russian).
- Foucault, M. (1986). Of Other Spaces. *Diacritics*, (1), 22-27.
- Foucault, M. (2006). *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews*. Moscow: Praxis (in Russian).
- Free, D. (2008). *Early Japanese Railways, 1853–1914*. Tokyo: Tuttle Publishing.
- Harbin at the racetrack. (June 11, 1930). *Harbin Herald* (129), 5 (in Russian).
- Harbin city plan*. (1911). Harbin.
- Harbin in Summer. (June 27, 1942). *Rubezh (Frontière)* (26), 6-7 (in Russian).
- Harbin on horse races. (October 12, 1930). *Harbin Herald* (231), 4 (in Russian).
- Horse racing and the Horse Race. (October 27, 1906). *Harbin Herald*, (872), 1 (in Russian).
- Klyuchnikova E. (2020). Arzamas. Retrieved 2021, from Magic, balls and locomotive horns: How Pavlovsky Station Changed the History of Russian Music: <https://arzas.academy/mag/912-pavlovsk> (in Russian).
- Kochetov A. M. (2017). Everyday life of the Cossacks in Sholokhov's novel "The Quiet Don". *Sholokhov's World* (1(7)), 35-77 (in Russian).
- Kozlovsky B. (1979). Notes on life in Harbin. *Polytechnic. Jubilee Collection*. (10), 231-233 (in Russian).
- Kozlowski, B. (1979). Entertaining the outdoors. *Polytechnic. Jubilee Collection* (10), 229-230 (in Russian).
- Kozyrenko N. Hongwei, Yang; Ivanova, A. (2015). *Harbin's urban planning heritage*. Khabarovsk: Pacific State University Press (in Russian).
- Kradin, N. P. (2001). *Harbin – Russian Atlantis*. Khabarovsk: Khvorov A. Y. Press (in Russian).

- Krasnov, P. (1903). *Across Asia. Travelling Sketches of Manchuria, the Far East, China, Japan and India*. St. Petersburg: The printing house of Isidor Goldberg (in Russian).
- Krotova M. V. (2019). The phenomenon of Harbin as a polyphonic city. *Journal of Regional History* (2 (3)), 749-785.
- Lavrent'ev K. I. (1943). Yenisei Cossack Troops and the Yenisei Foreign Cossack Stachina in Harbin. *Bulletin of the Cossack Exhibition in Harbin*, 82-85 (in Russian).
- Lemon, A. (2008). Horse Racing: An English or an International Sport? B. C. McConville (Ed.), *A Global Racecourse: Work, Culture and Horse sports* (pp. 1-11). Melbourne: The Australian Society for Sports History.
- Levosshko S. (2003). *Russian Architecture in Manchuria late 19th – first half of 20th centuries*. Khabarovsk: Private Collection Publishing House (in Russian).
- Loulou. (31 июля 1909 г.). Feuilletons and fiction. *Railway Life in the Far East* (21), 845-846.
- Lukoyanov I. V. (2008). “Keeping up with the Powers...”: Russia in the Far East in the late 19th – early 20th centuries. St. Petersburg: Nestor-History (in Russian).
- Melikhov G. V. (2003). White Harbin: The Middle of the Twenties. Moscow: Russkiy Put (in Russian).
- Meshcheryakov A. Yu. Frontier case of the Russian engineer: letters of G. S. Moskvitin (1898-1901). *Journal of Frontier Studies* (4-1), 172-197 (in Russian). doi: 10.24411/2500-0225-2019-10 033
- Miscellaneous News. (1895). *Proceedings of the Assembly of the Railway Engineers*, (8), 127-128 (in Russian).
- Molodyakov, V. E. (2020). The State of Manchou-Go through the Eyes of French Analysts: From the “Manchurian Incident” (1931) to the “Chinese Incident” (1937). *Ural Orientalism* (10), 55-65 (in Russian).
- Moser, S., Clinton, S., & Wallach, J. (2017). Leisure Activities in Southeast Asia, from Pre-colonial Times to the Present. In K. Spracklen, B. Lashua, E. Sharpe, & S. Swain (Ed.), *The Palgrave Handbook of Leisure Theory* (pp. 107-125). London: Palgrave Macmillan.
- Nansen, F. (1969). *To the country of the future. The Great Siberian Route from Europe to Siberia across the Kara Sea*. Magadan: Magadan Book Publishers (in Russian).
- Native Sungari. (1975). *Polytechnic* (7), 105 (in Russian).
- On the waves of the Sungari. Yacht races for the championship of Harbin. (September 1942). *Ray of Asia* (97/9), 34 (in Russian).
- On the Yacht Club beach sports court. (17 August 1930). *Harbin Herald* (186), 6 (in Russian).
- Palms on the banks of the Sungari. Yacht Club summer gourmet oasis in Harbin. (1940). *Rubezh (Frontière)* (29), 16 (in Russian).
- Petrenko, A. (1995). Excerpt from a letter by A. Petrenko. *Polytechnic* (14), 92-93 (in Russian).
- Pisarevskaya Y. L. (2000). Two Russia in Manchuria: Social Adaptation and Re-emigration (20s - early 30s). *New Historical Herald*, 52-70 (in Russian).
- Plan of the City of Great Harbin*. (1933). Harbin.

- Plan of the city of Harbin and Fudzjadjana.* (1931). Harbin.
- Poems, feuilletons and fiction. *Railroad Silhouettes.* (January 1, 1908). *Railway Life in the Far East* (2), 67-69 (in Russian).
- Poteau. (15 January 1910). Cavalry in the Far East. *Vestnik of the Russian cavalry* (1), 37-38 (in Russian).
- Poteau. (May 15, 1910). The Military Riding Society in the Far East. *Bulletin of the Russian cavalry* (9), 415 (in Russian).
- Pozdnev, D. (1897). *Description of Manchuria* (Vol. 1). St. Petersburg: Printing house of Yu. N. Erlich (in Russian).
- Racecourse today (running day program). (June 1, 1930). *Harbin Herald* (122), 5 (in Russian).
- Schematic of Harbin nodal center.* (1922). Harbin.
- State Archives of the Astrakhan region.* Found 1096. Inventory 1 (in Russian).
- Sun, water and air – the joys of summer. (15 July 1945). *Rubezh (Frontière)* (19), 10-11 (in Russian).
- Tairov M. (1974). The Wharf and the New Town. *Polytechnic* (6), 37-38 (in Russian).
- Tang, J. P. (2014). Railroad Expansion and Industrialization: Evidence from Meiji Japan. *The Journal of Economic History* (74), 863-886.
- Ternavsky S. T. (1926). *All of Harbin as of 1926. Address and reference book.* Harbin: Printing house of Chinese Eastern line (in Russian).
- The master plan of Harbin.* (1938). Harbin.
- The Yacht Club, as last year, will be the best place to relax. (February 27, 1941). *Harbin time* (54 (3293)), 6 (in Russian).
- The Yacht Club. (June 6, 1930). *Harbin Herald* (126), 4 (in Russian).
- The Yacht Club. (October 1, 1930). *Harbin Herald* (. 222), 4 (in Russian).
- The Yamato Hotel & The Yacht Club in Harbin. (1 august 1940 г.). *Manchuria. North Manchuria Number*, 342-343.
- Veblen, T. (1984). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions.* Moscow: Progress (in Russian).
- Woodside, M. (2020). *Frontiers of Boyhood: Imagining America, Past and Future.* Norman: University of Oklahoma Press.
- Yacht Club Ball. (June 7, 1930). *Harbin Herald* (127), 5 (in Russian).
- Yacht Club competitions. (26 August 1930). *Harbin Herald* (192), 5 (in Russian).
- Yacht Club is preparing for the season. (May 1, 1930). *Harbin Herald* (96), 6 (in Russian).
- Yacht Club. (May 8, 1930). *Harbin Herald* (101), 5 (in Russian).
- Yacht Club. Opening of the season. (May 18, 1930). *Harbin Herald* (110), 4 (in Russian).
- Yacht Club. Resolution of the sports commission. (May 11, 1930). *Harbin Herald* (4), 6 (in Russian).

- Yafimovich M. (March 30, 1910). On the thoroughbred horse and racing in the old days and nowadays. *Bulletin of the Russian cavalry* (6), 242-251 (in Russian).
- Yakovkin, E. V. (2018). Kio-Va-Kai and Russian Emigration 1932-1945. *East Asia and the changing global world order. V international conference of young orientalists*, 217-223 (in Russian).
- Yakushenkov S. N. (2019). In frontier we trust. *Journal of frontier studies* (3), 12-59. doi: 10.24411/2500-0225-2019-10018 (in Russian).
- Yenborisov, G. V. (2014). *From the Urals to Harbin*. Moscow: Veche (in Russian).
- Zentka E. F. (1998). *Harbin racecourse. Manuscript*. Pavlodar, 1995. E. P. Taskina (Ed.), Russian Harbin (pp. 224-226). Moscow: Publishing house of Moscow University "CheRo" (in Russian).
- Zhernakov, N. N. (1969-1979). The Sungari River in the life of Harbin. *Polytechnic. Jubilee issue* (10), 103-104 (in Russian).

Список литературы

- Ben-Canaan, D. (2010). Harbin Strategic Plan – Prosperity on Both Sides of the Songhua River. Script for a video information advancement. *Harbin Municipal Government*, 1-7.
- Denison, E. & Ren, G. (2016). *Ultra-Modernism: Architecture and Modernity in Manchuria*. Hong Kong: Hong Kong University Press.
- Foucault, M. (1986). Of Other Spaces. *Diacritics*, (1), 22-27.
- Free, D. (2008). *Early Japanese Railways, 1853–1914*. Tokyo: Tuttle Publishing.
- Lemon, A. (2008). Horse Racing: An English or an International Sport? B. C. McConville (Ed.), *A Global Racecourse: Work, Culture and Horse sports* (pp. 1-11). Melbourne: The Australian Society for Sports History.
- Loulou. (31 July 1909 г.). Фельетоны и беллетристика. *Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке*, (21), 845-846.
- Moser, S., Clinton, S., & Wallach, J. (2017). Leisure Activities in Southeast Asia, from Pre-colonial Times to the Present. In K. Spracklen, B. Lashua, E. Sharpe, & S. Swain (Ed.), *The Palgrave Handbook of Leisure Theory* (pp. 107-125). London: Palgrave Macmillan.
- Tang, J. P. (2014). Railroad Expansion and Industrialization: Evidence from Meiji Japan. *The Journal of Economic History*, (74), 863-886.
- The Yamato Hotel & The Yacht Club in Harbin*. (1 august 1940 г.). Manchuria. North Manchuria Number, 342-343.
- Woodside, M. (2020). *Frontiers of Boyhood: Imagining America, Past and Future*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Абламский, В. П. (1998). Русский спорт в Харбине. Рукопись. Вихоревка Иркутская область. 1994. (Ред.) Е. П. Таскина. *Русский Харбин* (стр. 219-220). Москва: Издательство Московского университета «ЧеРо».

- Авенариус, С. (1969-1979). 80 лет КВЖД (1898-1978). Исторический очерк. *Политехник. Юбилейный сборник*, (10), 58-64.
- Бал яхт-клуба (7 июня 1930). *Герольд Харбина* (127), 5.
- Бега и скачки (27 октябрь 1906). *Харбинский вестник* (872), 1.
- Богущий, А. Е. (2012). Джигитовка как феномен военно-спортивной культуры у енисейских и иркутских казаков. *Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова* (1), 43-47.
- В яхт-клуб (6 июнь 1930). *Герольд Харбина* (126), 4.
- В яхт-клубе (1 октября 1930). *Герольд Харбина* (222), 4.
- Веблен, Т. (1984). *Теория праздного класса*. Москва: Прогресс.
- Все для рыбной ловли (15 июнь 1929). *Рубеж* (25 (74)), 21.
- Генеральный план города Харбина* (1938). Харбин.
- Государственный архив Астраханской области. Ф. 1096. Оп. 1.
- Градостроительный план Харбина* (1911). Харбин.
- Дневники императора Николая II. 1894-1904. (2011). (Ред.) С. В. Мироненко (Т. 1). Москва: РОСПЭН.
- Енборисов, Г. В. (2014). *От Урала до Харбина*. Москва: Вече.
- Жернаков, Н. Н. Река Сунгари в жизни Харбина. *Политехник. Юбилейный выпуск* (10), 103-104.
- За культурный досуг (5 октябрь 1930 г.) *Герольд Харбина* (226), 9.
- Зентка, Е. Ф. (1998). Харбинский ипподром. Рукопись. Павлодар, 1995. (Ред.) Е. П. Таскина. *Русский Харбин* (стр. 224-226). Москва: Издательство Московского университета «ЧеРо».
- Ипподром сегодня (программа бегового дня). (1 июнь 1930). *Герольд Харбина* (122), 5.
- Карта города Харбина* (1939). Харбин.
- Клуб превращен в кабак (14 июня 1930). *Герольд Харбина* (132), 5.
- Ключникова, Е. (2020). Arzamas. Получено 2021, из Магия, балы и гудки паровозов: как Павловский вокзал изменил историю российской музыки: <https://arzamas.academy/mag/912-pavlovsk>
- Козловский, Б. (1979). Заметки о харбинской жизни. *Политехник. Юбилейный сборник* (10), 231-233.
- Козловский, Б. (1979). Развлечения на свежем воздухе. *Политехник. Юбилейный сборник* (10), 229-230.
- Козыренко, Н.; Хунвэй, Ян; Иванова, А. (2015). *Градостроительное наследие Харбина*. Хабаровск: Издательство Тихоокеанского государственного университета.
- Кочетов, А. М. (2017). Повседневная жизнь казачества в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». *Мир Шолохова* (1(7)), 35-77.

- Крадин, Н. П. (2001). *Харбин – русская Атлантида*. Хабаровск: Издатель Хворов А. Ю.
- Краснов, П. (1903). *По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии* (Изд. 1). Санкт-Петербург: Типография Исидора Гольдберга.
- Кротова, М. В. (2019). Феномен Харбина как полифоночного города. *Журнал региональной истории* (2 (3)), 749-785.
- Лаврентьев, К. И. (1943). Енисейское казачье войско и енисейская зарубежная казачья станица в Харбине. *Вестник казачей выставки в Харбине*, 82-85.
- Левашко, С. (2003). *Русская архитектура в Маньчжурии конец XIX – первая половина XX веков*. Хабаровск: Издательский дом Частная коллекция.
- Лукоянов, И. В. (2008). «Не отставать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Мелихов, Г. В. (2003). *Белый Харбин: Середина 20-х*. Москва: Русский путь.
- Мещеряков, А. Ю. (2019). Фронтирный кейс русского инженера: письма Г. С. Москвитина (1898-1901). *Журнал фронтирных исследований* (4-1), 172-197.
doi: 10.24411/2500-0225-2019-10 033
- Молодяков, В. Э. (2020). Государство Маньчжоу-Го глазами французских аналитиков: от «Маньчжурского инцидента» (1931) до «китайского инцидента» (1937). *Уральское востоковедение* (10), 55-65.
- На ипподроме (17 сентябрь 1930). *Герольд Харбина* (210), 5.
- На ипподроме (2 октября 1930). *Герольд Харбина* (223), 5.
- На ипподроме (4 декабрь 1930). *Герольд Харбина* (274), 5.
- На спорт-площадке пляжа Яхт-клуба (17 август 1930). *Герольд Харбина* (186), 6.
- Объявление ввиду предстоящего открытия на летний сезон (24 апрель 1941). *Харбинское время* (107 (3346)), 4.
- Пальмы на берегу Сунгари. Яхт-клуб летний оазис гурманов в Харбине (1940). *Рубеж* (29), 16.
- Петренко, А. (1995). Выдержка из письма А. Петренко. *Политехник* (14). 92-93.
- Писаревская, Я. Л. (2000). Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.). *Новый исторический вестник*, 52-70.
- План города Великого Харбина* (1933). Харбин.
- План города Харбина и Фудзядяна* (1931). Харбин.
- Позднев, Д. (1897). *Описание Маньчжурии* (Т. 1). Санкт-Петербург: Типография Ю. Н. Эрлих.
- Пото (15 мая 1910). Военно-скаковое общество на Дальнем Востоке. *Вестник русской конницы* (9), 415.
- Пото (15 январь 1910). Конница на Дальнем Востоке. *Вестник русской конницы* (1), 37-38.
- Разные известия (1895). *Известия Собрания инженеров путей сообщения* (8), 127-128.

- Родная Сунгари. (1975). *Политехник* (7), 105.
- Солнце, вода и воздух – радости лета (15 июль 1945). *Рубеж* (19), 10-11.
- Состязания в Яхт-клубе (26 август 1930). *Герольд Харбина* (192), 5.
- Состязания моторных лодок на Сунгари (2 сентябрь 1930). *Герольд Харбина* (197), 5.
- Стихотворения, фельетоны и беллетристика. Железнодорожные силуэты (1 январь 1908). *Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке* (2), 67-69.
- Схема Харбинского узла* (1922). Харбин.
- Таиров, М. (1974). Пристань и Новый город. *Политехник* (6), 37-38.
- Тернавский, С. Т. (1926). *Весь Харбин на 1926 год. Адресная и справочная книга*. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги.
- Фуко, М. (2006). Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Москва: Праксис.
- Харбин летом. (27 июнь 1942 г.). *Рубеж* (26), 6-7.
- Харбин на бегах (12 октября 1930). *Герольд Харбина* (231), 4.
- Харбин на ипподроме (11 июнь 1930). *Герольд Харбина* (129), 5.
- Хоркхаймер, М., & Адорно, Т. (2016). *Культурная индустрия*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Чемодакова, О. (1978). Картинки Харбина и Сунгари. *Политехник. Юбилейный сборник* (10), 236-238.
- Яковкин, Е. В. (2018). Кио-Ва-Кай и российская эмиграция 1932-1945 гг. *Восточная Азия и изменения глобального миропорядка. V международная конференция молодых востоковедов*, 217-223.
- Якушенков, С. Н. (2019). In frontier we trust. *Журнал фронтирных исследований* (3), 12-59. doi: 10.24411/2500-0225-2019-10 018
- Яфимович, М. (30 март 1910). О чистокровной лошади и скачках в старину и ныне. *Вестник русской конницы* (6), 242-251.
- Яхт-клуб (8 май 1930). *Герольд Харбина* (101), 5.
- Яхт-клуб готовится к сезону (1 мая 1930). *Герольд Харбина* (96), 6.
- Яхт-клуб, как и в прошлом году, будет лучшим местом отдыха. (27 февраль 1941). *Харбинское время* (54 (3293)), 6.
- Яхт-клуб. Открытие сезона. (18 май 1930). *Герольд Харбина* (110), 4.
- Яхт-клуб. Постановление спортивной комиссии. (11 мая 1930). *Герольд Харбина*, (104), 6.

ALIMENTARY MODELS OF THE ETHNIC OTHER IN THE (POST-)COVID PERIOD

Rastyam T. Aliev¹ (a), Olesya S. Yakushenkova² (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Abstract

This article analyzes the post-Covid image of the Other in the gastronomic aspect. The research is a continuation of complex studies on the construction of models of the Otherness and identification of alerting markers in the modern Internet space. The authors rely on the assumption that food culture is a basic characteristic, through which both self-identification and the definition of Otherness take place. From the researchers' point of view, the Other in the alimentary aspect appears as a subject whose food system is as extraordinary as possible in terms of "our" cultural patterns, which allows, according to the authors, to identify indicators of latent fear of the Other. By actualizing their curiosity about the Otherness through Internet queries, the subjects thereby signify their interest in obtaining additional information about the Other and their everyday practices.

In this study, the authors, on the basis of the revealed internet queries, carry out an analysis of the typical markers of alimentary Otherness in the post-Covid period. The findings of this research allow the authors to compare the identified patterns with those that had been got in the pre-Covid period. It is noted that the fear of Other-Cannibal, almost absent in the 2019 analysis, has gained new actualisation in the Asian cluster of models based on the analysis of data for the 2020-2021 period. There is also a general actualisation of the alimentary component of the Otherness, caused, according to the authors, by the pandemic.

Keywords

The Other; Otherness; Patterns of Otherness; food culture; Covid; Post-Covid; Gastronomic Culture; Model; Model construction; Correlation

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [rastaliev\[at\]gmail.com](mailto:rastaliev[at]gmail.com)

2 Email: [jestershadow\[at\]mail.ru](mailto:jestershadow[at]mail.ru)

АЛИМЕНТАРНЫЕ МОДЕЛИ ЭТНИЧЕСКОГО ЧУЖОГО В (ПОСТ)КОВИДНЫЙ ПЕРИОД

Алиев Растям Туктарович¹ (а), Якушенкова Олеся Сергеевна² (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Аннотация

Данная статья посвящена анализу постковидного образа Чужого в его алиментарном аспекте. Исследование является продолжением комплексной работы по построению моделей образа Чужого и выявления алертных маркеров в современном интернет-пространстве. Авторы исходят из положения, что алиментарная культура является одной из базовых характеристик, с помощью которых происходит как самоидентификация, так и дефиниция Инаковости. С точки зрения исследователей, Чужой в алиментарном аспекте предстаёт как субъект, чья гастрономическая система является максимально нестандартной с точки зрения «наших» культурных паттернов, что позволяет, по мнению авторов, выявлять индикаторы скрытого страха перед Чужим. Актуализируя свое любопытство по отношению к инаковости Чужого с помощью интернет запросов, субъект тем самым обозначает свою заинтересованность в получении дополнительной информации о Чужом и его повседневных практиках.

В своем исследовании авторы, на основе выявленных интернет запросов, проводят анализ типичных для постковидного периода маркеров алиментарной Инаковости. Полученные в ходе исследования результаты позволили авторам сравнить выявленные модели с моделями, которые были актуальны в доковидный период. Отмечается, что страх перед Чужим-каннибалом, практически отсутствующий в анализе 2019 года, получил новую актуализацию в азиатском кластере моделей, построенных на анализе данных за в 2020-2021 гг. Наблюдается также общая актуализация алиментарной составляющей моделей Чужого, причиной чего, по мнению авторов становится пандемия.

Ключевые слова

Чужой; Инаковость; паттерны инаковости; алиментарность; ковидный период; постковидный период; гастрономическая культура; модель; моделирование; корреляция

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [rastaliev\[at\]gmail.com](mailto:rastaliev[at]gmail.com)

2 Email: [jestershadow\[at\]mail.ru](mailto:jestershadow[at]mail.ru)

ВВЕДЕНИЕ

Будучи актуальной во все времена, проблема Другого/Чужого в современном постиндустриальном мире даёт новые возможности более глубокого исследования межкультурной коммуникации в междисциплинарном контексте. Инаковость возникает на границе гносеологических и онтологических феноменов, что позволяет Чужому выступать в различных ролях в межкультурном взаимодействии: от посредника коммуникации до некоего маркера состояния той или иной культуры или общества. Последнее, в свою очередь, даёт возможность «намечать те “лекарства”, которые этому обществу требуются» (Якушенков, 2012b, с. 264). Эта функция важна для исследователей потому, что раскрывает определённые проблемы социума, актуальные для того или иного этапа его развития. Сам же образ Чужого чрезвычайно актуализируется в периоды кризисных явлений, связанных как с социальными потрясениями, так и с ситуациями природного характера. Недавние события в мире показали, насколько современное общество не готово к последним: пандемия коронавируса охватила всё земное сообщество, все государства маленькой планеты Земля столкнулись с практическим бессилием перед бедой такого рода. И хотя человечество начало уже находить выход из кризиса (путём создания различных вакцин), сам факт существования подобной угрозы не прошёл мимо всех сфер жизни человека. Именно в такое время Чужой и трансформируется, превращаясь во всё новые феномены и явления.

Но если Чужой так важен для исследователей, то как его определить? Как выявить те аспекты, маркеры, которые он транслирует и благодаря которым он конструируется? В основе данного исследования лежит концепция трёхчленной структуры инаковости, разработанная антропологом С. Н. Якушенковым, который в своих исследованиях телесности варваров на фронтирных территориях Китая заметил:

«важными аспектами конструирования образа Чужого в пограничных областях у разных народов являются <...> вестиментарные и алиментарные предпочтения представителей других национальностей, воспринимаемых в качестве Чужих, их сексуальные предпочтения или традиции, или даже навязывание им оных и т.д. Из наиболее значимых можно назвать следующие признаки: внешность, еда, секс» (Якушенков & Якушенкова, 2012, с. 234).

Целью данной статьи является моделирование алиментарного образа этнического Чужого на основе поисковых запросов россиян

в ковидный период (2020-2021 гг.). Эта цель вытекает из гипотезы о том, что пандемия потрясла мир настолько, что определение нового образа этнического Чужого в этих условиях помогло бы проследить трансформацию в сравнении с доковидным периодом, выявить основные закономерности этой трансформации и проанализировать точки бифуркации российского общества в кризисный момент. Само исследование является комплексным и содержит в себе только одну из трёх категорий. При этом алиментарность, на наш взгляд, является самой важной из них. Не зря она вместе с сексуальностью (пусть и в иной форме, как жажда, голод и половое влечение) лежит в основе пирамиды Маслоу (Maslow, 1943). Отсюда и рождается базовый (первобытный) страх человека перед Чужим, который в плоскости Воображаемого является угрозой, способной лишить субъекта основы жизни (например, пищи). При этом Чужой в алиментарном аспекте предстаёт как объект, питающийся нестандартной для «нашей» культуры едой.

В контексте комплексного исследования в 2018 году мы опубликовали первые результаты работы. Тогда мы проанализировали предмет нашего исследования сквозь призму алиментарной (гастрономической) культуры. В 2019 году вновь было проведено подобное исследование (Алиев & Якушенкова, 2019, pp. 72–93) показавшее, что образы Чужого изменились: некоторые маркеры для его обозначения стали более актуальными, другие потеряли своё значение, что повлекло за собой изменение общей картины. А анализ сегодняшнего состояния видения Чужого даст нам новые данные для дальнейшего анализа нашего общества.

Перед тем, как описать методы и полученные результаты, мы бы хотели акцентировать внимание на том, что не разделяем оценочные суждения по отношению к другим этническим группам, которые могут быть восприняты оскорбительно, уничижительно или агрессивно. Все указанные в дальнейшем маркеры, содержащие подобную характеристику, исследуются нами лишь в научных целях, чтобы выявить степень алертности по отношению к определённым моделям инаковости, и не пропагандируют призывы к насилию и оскорбления на национальной почве.

СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что к самому феномену Чужого посвятили свои работы различные исследователи. Их разнообразие велико в контексте междисциплинарности предмета исследо-

вания. Сама проблема Чужого поднимается с античных времён (Вальденфельс, 2002).

Опыта Чужого и его моделирование явилось стартовой точкой в феноменологии. Это можно проследить в творчестве Э. Гуссерля (2001), Э. Левинаса (2007), Ж.-П. Сартра (2000). Особый вклад в этой области внёс Б. Вальденфельс, который разработал «респонзивную» модель Чужого (1999, сс. 130–131). Телесность Другого была одной и центральной тем творчества М. М. Бахтина (1979).

Особо к образам инаковости обращается в своих работах французский философ М. Фуко. В них он видел политический аспект, а само значение фигуры Другого он связывал с конструированием европейской рациональности (1997).

В современных зарубежных исследованиях Чужой является чрезвычайно актуальным. И. Б. Ньюман (Neumann, 1998) рассматривает образ Чужого как ведущий фактор формирования социального и политического идентичностей. С исторической позиции актуальность Чужого в Античности рассматривает в своих трудах Э. С. Груэн (Grüen, 2011). Некоторые зарубежные исследователи посвящают свои работы исследованиям монструозных образов в истории, политике и культуре (Cohen, 1996). Историческая ретроспектива высматривается в работах Н. Беренда, К. Мюллера и их коллег, которые выявляют роль этнического Другого в конструировании идентичности (Bus, Keil, & Tolan, 2016). В России среди исследователей инаковости необходимо отметить Л. И. Гришаеву (2003), А. С. Корчака (2006), А. В. Шипилова (2008) и других.

Исследования алиментарной культуры рассматриваются сегодня в различных работах с разных сторон. Так, например, специалист в семиотике современной гастрономической культуры Ф. Парасеколи утверждает: «Пицца является одновременно важным источником значения и эффективной формой общения, основанной на ограниченном, хотя и очень широком, разнообразии пищевых веществ, практик, убеждений и норм, которые образуют сеть взаимосвязанных систем... Когда различные кулинарные семиосферы взаимодействуют, опыт, связанный с едой, раскрывает культурный характер гастрономических компетенций, вынуждая людей взаимодействовать с Чужим посредством воплощенного общения» (Parasecoli, 2011, p. 645). Ряд исследователей обращается к анализу гастрономической культуры колониальных и постколониальных государств и рассматривает вопросы её изменения под влиянием алиментарности Чужого (Ray, 2015). Рассматривая гастрономический туризм как современное явление, другие исследователи под влиянием теории различий

П. Бурдые разработали модель, которая фиксирует переходы в габитусе. «Эта модель может быть применена к любому культурному контексту в индустрии туризма, чтобы обеспечить влияние конкурирующих вкусовых процессов» (Stringfellow, MacLaren, Maclean, & O’Gorman, 2013, p. 77).

Таким образом мы можем наблюдать большой интерес к объекту и предмету нашего исследования у широких кругов исследователей различной дисциплинарной направленности. Это ещё раз подчёркивает актуальность поднимаемой нами проблемы, в которую мы хотели бы внести прикладной характер.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Методологической основой данной работы стала трехчленная структура образа Чужого, разработанная российским ученым С. Н. Якушенковым. Она включает в себя алиментарность, вестиментарность (внешний облик) и сексуальность (Якушенков, 2012а). В данной работе мы также активно прибегали к семиотическим методам исследования, позволившим выявить структуру образа Чужого и проанализировать ее с позиций синтаксиса, семантики и прагматики. Здесь также необходимо упомянуть работы французского структуралиста К. Леви-Стросса, особо выделявшего в человеческой культуре пищевые коды (1999).

В качестве научных инструментариев были использованы статистические методы сбора данных в сети Интернет, составление корреляционной матрицы, расчёт корреляции по Пирсону каждой пары структурных маркеров и выявление сильнейших корреляционных связей между этими маркерами. Для конструирования, структурирования и классификации моделей Воображаемого Чужого мы использовали визуализацию корреляционных связей маркеров на плоскости, что дало возможность выделить, с одной стороны, количество моделей, а, с другой, их качественную характеристику, выраженную наполненностью моделей этими сгруппированными маркерами. Более подробно об этапах исследования мы писали в предыдущей статье (Алиев & Якушенкова, 2019). Здесь мы опишем их кратко. Для начала мы сделали выборку этносов, которые нам были необходимы в рамках комплексного исследования. В эту выборку вошли китайцы, корейцы, японцы, французы, немцы, англичане, американцы, украинцы, казахи, армяне, азербайджанцы, грузины, таджики. Затем нам необходимо было выявить алиментарные маркеры через интернет-запросы россиян в популярном в России поисковом сервисе yandex.ru. Отметим, что эти интернет-запросы показывают, прежде

всего, массовый интерес рядовых пользователей по тому или иному вопросу. Поэтому они выдают некий общий, усреднённый признак чаще всего задаваемого запроса.

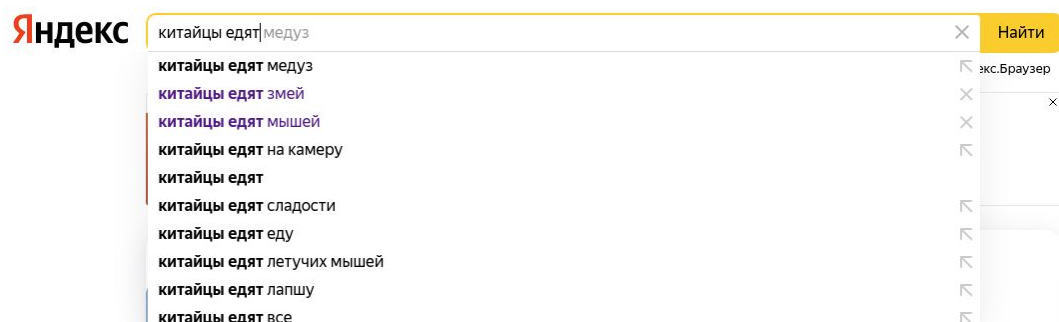

Рисунок 1. Пример формирования поисковых запросов в Яндексе

Figure 1: Example of search query generation in Yandex

Запрос	Китайцы	Японцы	Корейцы	Французы	Немцы	Англичане	Американцы	Украинцы	Казахи	Армяне	Азербайджанцы	Грузины	Таджики
Апельсиновый сок	0	0	0	0	0	0	23	0	0	0	0	0	0
Бешбармак	0	0	0	0	0	0	0	0	20	0	0	0	0
Вино	0	0	0	213	0	0	0	0	0	0	0	65	0
Водку	260	24	0	0	35	0	145	0	0	0	0	0	25
Воду	715	62	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Горячую воду	2169	84	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Гречку	0	0	0	0	0	0	117	0	0	0	0	0	0
Грибы	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	53	0

Таблица 1. Пример корреляционной матрицы

Table 1. Example of a correlation matrix.

На данном этапе в поисковом сервисе yandex.ru нами вводился запрос, сформированный по типу «%ethnic_groups% едят», где

%ethnic_groups% – название этноса, например китайцы. При этом сервисы, благодаря интеллектуальной системе, предлагали выбрать продолжение запроса из списка наиболее часто встречаемых у других пользователей сети Интернет. Нами было выявлено 67 алиментарных маркеров. При этом в 2018 году мы выявили 37, а в 2019 году – 39.

Далее мы провели расчёт корреляции каждой пары выявленных нами маркеров, что дало возможность составить корреляционную таблицу (см. Таблица 2). На этом этапе нам необходимо было выделить коэффициент наисильнейшей корреляционной связи отдельных пар признаков. Для этого мы взяли диапазон коэффициента корреляции равный от 0,6 до 1, и эту связь каждой пары признаков мы визуализировали на условной карте (см. Рисунок 2), что позволило нам сгруппировать данные и выделить основные универсальные алиментарные модели воображаемого Чужого.

	Апель синов ый сок	Бешба рмак	Вино	Водку	Воду	Горячу ю воду	Гречку	Грибы	Дельф инов	Детей
Апель синов ый сок	1									
Бешба рмак	-0,083	1								
Вино	-0,106	-0,106	1							
Водку	0,414	-0,145	-0,185	1						
Воду	-0,09	-0,090	-0,116	0,857	1					
Горячу ю воду	-0,086	-0,086	-0,110	0,858	0,998	1				
Гречку	1	-0,083	-0,106	0,4146	-0,09	-0,086	1			
Грибы	-0,083	-0,083	0,217	-0,145	-0,090	-0,086	-0,083	1		
Дельф инов	-0,083	-0,083	-0,106	-0,052	0,0033	-0,044	-0,083	-0,083	1	
Детей	-0,057	-0,093	-0,119	0,865	0,99	0,994	-0,057	-0,093	-0,093	1

Таблица 2. Часть корреляционной таблицы¹

Table 2. Part of the correlation table

1 Полная версия таблицы и расчётов доступны по ссылке:
https://docs.google.com/spreadsheets/d/1cpELXK9-eChkoRch0Gy9_sY6BiElr6cO3syBZ4AjBHc/edit?usp=sharing

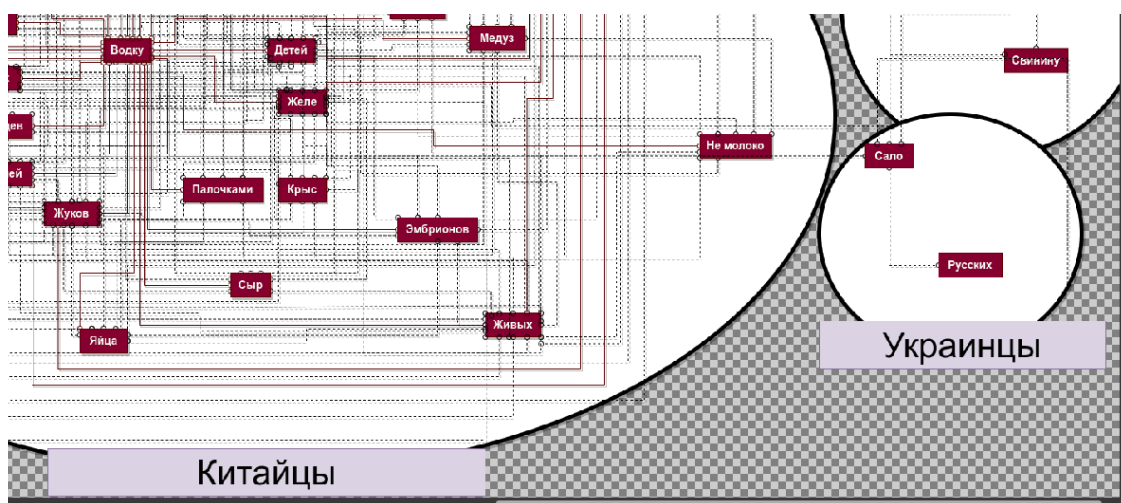

Рисунок 2. Часть карты алиментарных маркеров, сгруппированных по корреляционным связям между собой²

Figure 2: Part of the map of alimentary markers grouped by correlations between each other

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Визуализация маркеров в этом исследовании показала, что алиментарный аспект Чужого в отличие от предыдущих полученных нами ранее результатов стал конкретизироваться. Если раньше мы получали размытые модели, в которых алертность была условной, то теперь в некоторых моделях алертность модели Чужого выражается более конкретно. Мы можем только предположить, что это связано с последними мировыми событиями и пандемией в общем.

На этот раз мы получили 10 моделей Чужого, актуализирующих представление россиян о наших соседях и геополитических «партнёрах». При этом на карте выделяются три сгруппированные модели азиатского кластера – китайцы, японцы и корейцы. Самой большой в данном случае является модель «Чужой-китаец», представленная наибольшим количеством максимально алертных маркеров (такие, как «ест детей», «эмбрионов», «летучую мышь», «живых», «тараканов», других «насекомых» и т.д.). Большинство из этих маркеров связаны с каннибализмом и поеданием человеческой плоти. Например, запрос «китайцы едят живых» россияне вводили в поисковой запрос 268 раз в месяц (среднемесячные данные); запрос «китайцы едят младенцев» – 236 раз; а запрос «китайцы едят детей» – 605. При этом связанные с пандемией запросы по типу «китайцы едят мышей» и «китайцы едят

² В лучшем разрешении карту можно посмотреть по ссылке:
https://drive.google.com/file/d/1gYNKU5bJr_3X3CZ6N1nuRZtnWYcKEpd9/view?usp=sharing

летучих мышей» россиян интересовало 1012 и 290 раз соответственно. Это говорит о настороженной заинтересованности россиян алиментарной традицией китайцев с одной стороны, и даже страхом перед Чужим-китайцем-каннибалом, с другой. Также возросший интерес россиян к теме поедания китайцами летучих мышей связан, скорее всего, с пандемией коронавируса и одной из версий появления вируса Ковид-19. Среди прочих, особо выделяются маркеры, обозначающие алиментарные пристрастия указанных этносов к странной еде: крыс, тараканов и насекомых и т.д..

Также к большому кластеру азиатских моделей инаковости мы отнесли модели «Чужого-корейца» и «Чужого-японца», которые имеют по сравнению с моделью «Чужого-китайца» меньшее количество маркеров, а их коннотация менее алертна. Так, к примеру, в их случае отмечается большой интерес россиян к наблюдению за процессом поедания: маркер «... едят на камеру», который является общим как для корейцев (1834 поисковых запроса), так и для японцев (326 поисковых запроса). При этом алертным в модели «Чужой-кореец» является маркер «едят собак» (1594 поисковых запроса россиян). В модели «Чужой -японец» явно алертных маркеров нет, хотя в стереотипах россиян имеются представления о японцах, которые едят странную еду, например, «дельфинов», но подобных запросов в месяц у россиян критически мало (всего 28 запросов).

Маленькими моделями являются модели «Чужой-казах», «Чужой-француз», «Чужой-англичанин», «Чужой-американец», «Чужой-немец», «Чужой-грузин», «Чужой-украинец». Все они имеют от 4-х до 2-х маркеров, что говорит о незначительном интересе россиян к алиментарности представленных групп. При этом условную алертную коннотацию имеют по-прежнему лишь модели американцев («едят русскую еду» – 38 запросов) и украинцев («едят русских» – 127 запросов в месяц). Это объясняется геополитическими событиями последних лет, которые и повлияли на алиментарное представление россиян об этих народах. Если в первом случае («едят русскую еду») американцы представляются как условные враги, которые могут забрать «нашу» еду, то во втором случае мы снова видим каннибалистскую коннотацию инаковости – украинцы предстают в стереотипах как убийцы и поедатели русской плоти. Но стоит снова подчеркнуть, что среднемесячное количество обращений в этом ключе слишком мало, чтобы можно было говорить о повсеместном страхе, и мы лишь фиксируем сам факт присутствия подобного маркера инаковости.

ВЫВОДЫ

Представленное исследование направлено на выявление механизмов межкультурной коммуникации посредством алиментарности Чужого. Повторимся, что, с одной стороны, Чужой является объектом наших глубинных страхов, мечтаний и переживаний, а, с другой, Чужой и чужая культура интересуют нас. Его привычки, внешность, обычаи и традиции одновременно и пугают, и интригуют. Поэтому нет ничего удивительного в том, что у россиян проявляется интерес к тем или иным народам, а своё любопытство они пытаются удовлетворить в интернете, так как сегодня он стал универсальным инструментом поиска информации, а также каналом межкультурной коммуникации.

Если в 2019 году каннибалистические маркеры были представлены меньше, то в 2020-2021 гг. они получили новую актуализацию в азиатском кластере моделей, а также по отношению к украинцам. Более того, теперь в новых условиях (пандемия) мы говорим об актуализации алиментарной составляющей моделей Чужого, тогда как в предыдущие периоды алиментарность была размыта, и нельзя было сказать об алертности тех или иных моделей Чужого.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект МК-66.2021.2 «Компаративистский анализ доковидных и постковидных образов Воображаемого Чужого: моделирование на основе поисковых запросов россиян в сети Интернет».

Список литературы

- Buc, P., Keil, M., & Tolan, J. (2016). *Jews and Christians in Medieval Europe: The Historical Legacy of Bernhard Blumenkranz*. Turnhout: Brepols Publishers n.v.
- Cohen, J. J. (1996). *Monster Theory: Reading Culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Gruen, E. S. (2011). *Rethinking the Other in Antiquity*. Princeton: Princeton University press.
- Maslow, A. H. (1943). A Theory of Human Motivation. *Psychological Review*, (50), 370–396. doi: 10.1037/h0054346
- Neumann, I. B. (1998). *Uses of the Other. 'The East' in European Identity Formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

- Parasecoli, F. (2011). Savoring Semiotics: Food in Intercultural Communication. *Social Semiotics*, 21(5), 645–663. doi: 10.1080/10350330.2011.578803
- Ray, U. (2015). *Introducing 'Foreign' Food Changes in the Gastronomic Culture of Colonial Bengal*. Cambridge: Cambridge Univ Press.
- Stringfellow, L., MacLaren, A., Maclean, M., & O’Gorman, K. (2013). Conceptualizing Taste: Food, Culture and Celebrities. *Tourism Management*, (37), 77–85. doi: 10.1016/j.tourman.2012.12.016
- Алиев, Р. Т., & Якушенкова, О. С. (2019). Моделируя Воображаемое в Интернете: Трансформация алиментарных моделей Чужого. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1(3), 72–93. doi: 10.24411/2658-7734-2019-10025
- Бахтин, М. М. (1979). *Эстетика словесного творчества*. Москва.
- Вальденфельс, Б. (1999). *Мотив Чужого*. Мн.
- Вальденфельс, Б. (2002). Феномен Чужого и его следы в классической греческой философии. *Топос*, (2), 4–21.
- Гришаева, Л. И. (2003). Аккультурация как трансформация оппозиции «Свой»—«Чужой». Волгоград: Перемена.
- Гуссерль, Э. (2001). *Картезианские размышления*. СПб: Наука.
- Корчак, А. С. (2006). *Философия Другого «Я»: История и современность*. Москва: ЛЕНАНД.
- Левинас, Э. (2007). *Путь к Другому* (Е. Бахтина, Пер.). СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Леви-Стросс, К. (1999). *Мифологии. Том 1. Сырое и приготовленное*. СПб.: Университетская книга.
- Сартр, Ж. П. (2000). *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии* (В. И. Колядко, Пер.). Москва: Республика.
- Фуко, М. (1997). *История безумия в классическую эпоху*. СПб.
- Шипилов, А. В. (2008). *Свой, Чужой и Другие*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Якушенков, С. Н. (2012а). Образ Чужого – от деконструкции к конструкции. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (3), 242–249.
- Якушенков, С. Н. (2012b). Эволюция образа Чужого на примере европейского дискурса о вампирах (О бедном вампире замолвим мы слово). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (23), 263–269.
- Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2012). Тело варвара: Конструирование образа Чужого на китайском фронтире. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (4), 233–240.

References

- Aliev, R. T., & Yakushenkova, O. S. (2019). Modeling the Imaginary on the Internet: Transforming of Alimentary Models of the Other. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1(3), 72–93. doi: 10.24411/2658-7734-2019-10 025 (In Russian).
- Bakhtin, M. M. (1979). *The Aesthetics of Wordsmithing*. Moscow. (In Russian).
- Buc, P., Keil, M., & Tolan, J. (2016). *Jews and Christians in Medieval Europe: The Historiographical Legacy of Bernhard Blumenkranz*. Turnhout: Brepols Publishers n.v.
- Cohen, J. J. (1996). *Monster Theory: Reading Culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Foucault, M. (1997). *Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason*. St. Petersburg. (In Russian).
- Grishaeva, L. I. (2003). *Acculturation as a Transformation of the Opposition "The Ourselves vs. the Others"*. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Gruen, E. S. (2011). *Rethinking the Other in Antiquity*. Princeton: Princeton University press.
- Husserl, E. (2001). *Cartesian Meditations*. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).
- Korchak, A. S. (2006). *Philosophy of the Other Self: History and Modernity*. Moscow: LENAND. (In Russian).
- Lévi-Strauss, K. (1999). *Mythologiques. Volume 1. Raw and cooked*. St. Petersburg: University Book. (In Russian).
- Levinas, E. (2007). *The Way to the Other* (Е. Bakhtina, Екфты.). St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
- Maslow, A. H. (1943). A Theory of Human Motivation. *Psychological Review*, (50), 370–396. doi: 10.1037/h0054346
- Neumann, I. B. (1998). *Uses of the Other. 'The East' in European Identity Formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Parasecoli, F. (2011). Savoring Semiotics: Food in Intercultural Communication. *Social Semiotics*, 21(5), 645–663. doi: 10.1080/10350330.2011.578803
- Ray, U. (2015). *Introducing 'Foreign' Food Changes in the Gastronomic Culture of Colonial Bengal*. Cambridge: Cambridge Univ Press.
- Sartre, J. P. (2000). *Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology* (B. I. Koliadko, Trans.). Moscow: Republic. (In Russian).
- Shipilov, A. V. (2008). *Ours, Strangers and Others*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russian).
- Stringfellow, L., MacLaren, A., Maclean, M., & O'Gorman, K. (2013). Conceptualizing Taste: Food, Culture and Celebrities. *Tourism Management*, (37), 77–85. doi: 10.1016/j.tourman.2012.12.016
- Waldenfels, B. (1999). *The Other's motive*. Mn. (In Russian).
- Waldenfels, B. (2002). The Phenomenon of the Other and its Traces in Classical Greek Philosophy. *Topos*, (2), 4–21. (In Russian).

- Yakushenkov, S. N. (2012a). The Image of Alien - from Deconstruction to Construction. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (3), 242–249. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N. (2012b). The Evolution of the Alien Image in European Vampire Discourse (We'll Put in a Word for the Poor Vampire). *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (23), 263–269. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2012). The Body of the Barbarian: Constructing the Image of the Alien on the Chinese Frontier. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (4), 233–240. (In Russian).

<https://jfs.today> & <http://frontierstudies.com>

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail:

editorialboard.jsf@jfs.today or editorialboard.jsf@gmail.com

Телефон: +7 (988) 068-63-72

Это сетевое издание доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](#).

Вёрстка: Гончаренко Юрий Дмитриевич

Обложка: Якушенкова Олеся Сергеевна

© 2016 Журнал Фронтирных Исследований. e-ISSN: 2500-0225

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:

editorialboard.jsf@jfs.today or editorialboard.jsf@gmail.com

Phone: +7 (988) 068-63-72

This journal is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](#)

Typesetter: Yuri D. Goncharenko.

Cover: Olesya S. Yakushenkova

© 2016 Journal of Frontier Studies. e-ISSN: 2500-0225